

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ

XV

3

— ИЮНЬ —

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1966

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, Л. А. Покровская, Э. В. Севортян (Москва). О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза	3
А. М. Щербак (Ленинград). О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков	21

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. А. Крейнович (Ленинград). Об инкорпорировании и примыкании в нивхском языке	36
А. В. Гладкий (Новосибирск). О формальных методах в лингвистике	52
Л. Р. Зиндер (Ленинград). О новом в языковедении	60

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Н. Амосова (Ленинград). Современное состояние и перспективы фразеологии	65
А. Д. Григорьева (Москва). О поэтических штампах конца XVIII — начала XIX в.	73
М. В. Раевский (Тула). Возникновение фонемы (ʧ) и ее место в фонологической системе современного немецкого языка	83

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г. Р. Тукумцев. Речевые звенья	86
Л. В. Щерба. Памяти А. Meillet	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Г. Хютль-Ворт (Лос-Анжелос). Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 гг. XIX века	105
Ю. В. Рождественский (Москва). В. А. Успенский. Структурная типология языков	111
Е. М. Вольф (Москва). Сб. «Études linguistiques. Le problème de Nombre»	115
Н. Д. Арутюнова (Москва). L. J. Prieto. Principes de noologie	121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	125
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	143

Н. А. БАСКАКОВ, Н. З. ГАДЖИЕВА, Л. А. ПОКРОВСКАЯ,
Э. В. СЕВОРТЯН

О ПОДГОТОВКЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА *

I. Основные задачи атласа

Задачи сравнительно-исторического и типологического изучения тюркских языков требуют применения современных, более точных методов исследования. В этом отношении важное значение имеет использование метода лингвистической географии, позволяющего определить границы территориального распространения языковых явлений. Методом лингвистической географии изучаются разнотерриториальные и разновременные исторические различия между группами родственных языков, конкретными языками и диалектами внутри отдельных языков. Результатом исследования тюркских языков методом лингвистической географии может явиться создание либо национального лингвистического (диалектологического) атласа, в котором объектом изучения выступают схождения и расхождения между диалектами и говорами одного из тюркских языков, либо создание ареального лингвистического атласа, предметом которого служат различия между языками и диалектами одной из групп тюркских языков (например, огузской или кыпчакской), либо, наконец, создание диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза, цель которого — изучение сходства и различий как между группами тюркских языков, так и между отдельными языками и между диалектами и говорами различных тюркских языков. Такой атлас даст в конечном итоге синтез всех общих и различительных признаков тюркских языков, что позволит объективно разрешить ряд спорных вопросов типологии и истории тюркских языков и установить основные линии и тенденции их развития. Изоглоссы диалектологического атласа тюркских языков раскроют не только процессы исторической дифференциации тюркских языков, но и частные случаи их интеграции, т. е. атлас даст новый ценный материал для дальнейшего сравнительно-исторического исследования тюркских языков и создания более точной их классификации. Ввиду того, что исторические процессы расселения и перемещения тюркских народов, их взаимодействия и связей неизбежно отражаются в языке, образуя границы диалектных явлений, составление диалектологического атласа тюркских языков открывает также широкие перспективы для изучения истории тюркоязычных народов.

В настоящее время, наряду с составлением диалектологических атласов отдельных тюркских языков (азербайджанского, татарского, киргизского и др.), представляется необходимым начать подготовку к состав-

* Доклад, прочитанный на V региональном совещании по диалектологии тюркских языков (Баку, октябрь 1965 г.).

лению диалектологического атласа тюркских языков ввиду его большого научного значения¹.

Главной задачей диалектологического атласа тюркских языков является выяснение распространения основных явлений, дифференцирующих все тюркские языки и диалекты. Из этой основной задачи вытекает специфика работы над таким атласом и его отличия от диалектологических атласов отдельных тюркских языков. До настоящего времени в практике диалектологической работы тюркологов методами лингвистической географии имело место лишь составление атласов конкретных тюркских языков, в частности азербайджанского, татарского, киргизского, чувашского. Были выработаны принципы составления диалектологических атласов этих языков²; разработаны и изданы специальные программы-вопросники по собиранию материалов для диалектологических атласов азербайджанского, татарского, киргизского языков³. Опыт лингвогеографических исследований по отдельным тюркским языкам является необходимой научной основой для подготовки диалектологического атласа тюркских языков как в смысле разработки теоретических основ национальных атласов, так и в отношении собранного фактического материала. Вместе с тем, подготовка диалектологического атласа тюркских языков представляет собой совершенно новый этап в развитии тюркской диалектологии и требует самостоятельной разработки научных принципов составления такого обобщающего атласа.

Составлению диалектологических атласов отдельных тюркских языков, как известно, всегда предшествует большая работа по выявлению и описанию диалектов и говоров этих языков. На основе специально отобранных для атласа диалектных явлений, отражающих основные фонетические, грамматические и лексические различия между всеми диалектами или говорами данного языка, составляется программа — вопросник по собиранию материала. Опыт показывает, что в масштабах одного тюркского языка определить состав диалектных явлений, подлежащих картографированию, сравнительно нетрудно.

На начальном этапе работы над диалектологическим атласом всех тюркских языков встает несравненно более сложная задача — выбрать общетюркские языковые и диалектные различия, распространение которых предстоит выяснить на всей тюркоязычной территории СССР, и по возможности установить, какие закономерности и тенденции развития строя тюркских языков они отражают. От выбора для атласа общетюркских языковых различий в области фонетики, грамматики и лексики зависит направление всего исследования и научная ценность результатов картографирования.

Тюркология пока не располагает обобщающими трудами, в которых были бы представлены и сведены воедино все сходные и различительные

¹ Вопрос о необходимости составления такого атласа впервые был поднят В. М. Жирмунским в 1963 г. на IV региональном совещании по диалектологии тюркских языков (см. его статью «О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза», ВЯ, 1963, 6).

² См.: М. М. Ширалиев, Диалектологический атлас азербайджанского языка, «Вопросы диалектологии тюркских языков», Казань, 1960; Н. Б. Бурганова, Л. З. Залай, О принципах составления диалектологического атласа татарского языка, там же; В. В. Решетов, О диалектологическом атласе узбекского языка, «Тезисы докладов II регионального совещания по диалектологии тюркских языков», Казань, 1958; Г. Б. Бакинова, О принципах составления атласа киргизских говоров, «Тезисы докладов IV регионального совещания по диалектологии тюркских языков», Фрунзе, 1963.

³ Анализ программ для азербайджанского и татарского атласов был посвящен доклад А. А. Юлдашева (сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1963).

признаки тюркских языков в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Наиболее заметные различия между тюркскими языками, послужившие основой для их классификации⁴, насчитывают сравнительно немного языковых признаков, главным образом фонетических и в меньшем числе — морфологических. Следовательно, для определения состава общетюркских языковых различий предстоит провести большую исследовательскую работу; нужно учесть также все сведения, имеющиеся в тюркологической литературе (отечественной и зарубежной), о сходных и различительных чертах тюркских языков, и из всей суммы зафиксированных различий выбрать лишь те, которые распространяются на все или большинство тюркских языков. При этом каждый тюркский язык необходимо рассматривать в совокупности его диалектов как некую диалектную систему, так как материал для диалектологического атласа тюркских языков будет собираться, естественно, не из литературных языков, а из диалектов и говоров непосредственно на местах, во время диалектологических экспедиций. Таким образом, при отборе языковых явлений для атласа необходимо учесть важнейшие различия не только между всеми тюркскими языками, но и между их диалектами.

Для этого нужно в первую очередь всемерно использовать имеющиеся программы, вопросники или анкеты по сбору диалектологического материала различных тюркских языков, которые, к сожалению, пока еще созданы не по всем тюркским языкам⁵.

Ввиду того, что составление диалектологического атласа тюркских языков предпринимается впервые и в тюркологии еще не было опыта подобной работы, совершенно необходимо обратиться к опыту составления диалектологических атласов других групп родственных языков, в частности, общеславянского лингвистического атласа⁶. Опыт работы над общеславянским лингвистическим атласом в теоретическом и организационном отношении в основном применим и для составления общетюркского диалектологического атласа, хотя тюркологи находятся в более трудных условиях ввиду недостаточной разработанности сравнительно-исторической тюркологии. Если в основу общеславянского лингвистического атласа положен исторический принцип и в качестве отправной точки взят праславянский язык-основа, то для диалектологического атласа тюркских языков это неосуществимо, так как реконструированного общетюркского языка-основы пока не существует. Поэтому такой атлас будет базироваться лишь на материалах современных тюркских языков и диалектов, результаты картографирования которых могут дать и ценные диахронические проекции. В атласе должны быть отражены все основные языковые и диалектные различия, изучение которых, с одной стороны, будет способствовать более или менее приближенной реконструкции как общего языка-основы, так и языков-предшественни-

⁴ См. классификации, представленные в трудах: W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*, Leipzig, 1882; Ф. Е. Корш, *Классификация турецких племен по языкам*, «Этнографическое обозрение», кн. LXXXIV—LXXXV, 1—2, М., 1910; А. [Н.] Самойлович, *Некоторые дополнения к классификации турецких языков*, Пг., 1922; С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 6—7; Н. А. Баскаков, *Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования*, «Труды Ин-та языковедения [АН СССР]», I, М., 1952; е го же, *Тюркские языки*, М., 1960.

⁵ Пробелы в этом отношении в известной мере восполнит сводный труд «Диалекты тюркских языков СССР», который подготовлен большим коллективом диалектологов нашей страны.

⁶ См.: «Работа по подготовке общеславянского лингвистического атласа», Прага, 1963, а также Р. И. Аванесов, *К итогам работы над общеславянским лингвистическим атласом (1958—1964 гг.)*, «Советское славяноведение», 1965, 1; «Вопросник общеславянского лингвистического атласа», М., 1965.

ков по каждой из групп тюркских языков, а также установлению процессов дифференциации и интеграции тюркских языков, которые имели место в истории их развития как единой семьи, а с другой — даст материал для синхронного типологического сопоставления всех основных явлений в их диахронном развитии.

II. О принципах отбора языковых явлений в вопроснике атласа

Последовательно и системно организованный отбор явлений для атласа даст возможность более полно и всесторонне осветить типологию тюркских языков, характеризующую все их уровни: фонетику, лексику, морфологию и синтаксис в их развитии от наиболее ранних стадий до современного их строя. Следовательно, для того, чтобы индекс отвечал этим сложным задачам и целям, необходимо, чтобы он был построен систематически по уровням языка: фонетике (фонологии), лексике, морфологии и синтаксису.

Отбор языковых явлений и фактов, которые будут лежать в основе работы над атласом, должен вестись одновременно с выявлением тех примеров (слов, словосочетаний и предложений), в которых заключены наиболее характерные схождения и расхождения языков и диалектов и которые должны быть в дальнейшем картографированы. Необходимо стремиться к тому, чтобы каждый пример содержал в себе максимум явлений, подвергающихся картографированию.

Вместе с тем, при отборе примеров на те или иные явления необходимо каждый раз выяснять лексический охват этих явлений⁷ — ограничено ли данное явление небольшой группой слов в тюркских языках или оно представляет собой общую закономерность. Если, например, фонетическое явление отражено лишь в небольшом числе общетюркских слов, то можно предположить, что оно относится не к развивающимся, а к отмирающим или реликтовым явлениям. В то же время в сравнительно-историческом аспекте изучения тюркских языков такое лексически ограниченное явление может оказаться очень важным, и картографирование его может дать ценные результаты. Примером такого реликтового явления могут служить так называемые сингармонические варианты общетюркских слов: *аз* — *эз* «мало», *быч* — *бич* «резать», *тыл* — *тил/дил* «язык» и т. п.

Необходимо также выяснить, представлено ли выбранное для атласа явление общетюркскими словами или в каждом языке оно проявляется в различных словах: в последнем случае может быть лишь внешнее совпадение различных по своему происхождению явлений.

Индекс отобранных для диалектологического атласа тюркских языков явлений и фактов по фонетике и ударению тюркских языков должен содержать все основные соответствия как в области гласных, так и согласных, и отражать основные общетюркские фонетические закономерности, которые наблюдаются в корне (основе) и аффиксах и которые в значительной мере определяют различия между тюркскими языками.

При этом необходимо учитывать обстоятельство, что диалектные и языковые фонетические изоглоссы представляют собой разновременные отложения языковых процессов и поэтому не всегда могут быть объективными признаками, свидетельствующими об общем происхождении исследуемого факта. При учете таких явлений и при их картографировании важную роль будут играть монографические исследования по данному диалекту или по диалектной системе данного языка, которые помо-

⁷ См. об этом: В. М. Жирмунский, указ. соч., стр. 10.

гут определить природу каждого явления и его связи с другими фонетическими фактами. К примеру, изоглосса $a > a^0$ (лабиализация a) в языках татарском и узбекском кажется общей, между тем происхождение этого явления в татарском и узбекском языках совершенно различно. В узбекском $a > a^0$ является результатом воздействия таджикского языка, а в татарском — явление эндогенное, вызванное внутренними законами фонетического развития.

Не следует объединять в одной изоглоссе фонетические явления, внешне совпадающие, но имеющие различное происхождение. Так, например, соответствия $e \sim u, o \sim y, \theta \sim \gamma$ между татарским, башкирским и некоторыми сибирскими наречиями, с одной стороны, и другими тюркскими языками, с другой — следует рассматривать отдельно от тех же соответствий, которые имеются между языками, где это явление встречается sporadически. Следует дифференцированно относиться к соответствиям каждой пары таких гласных как $y \sim u, \gamma \sim u, \theta \sim e$ и проч., т. е. иметь в виду явления перехода, с одной стороны, $y > u$, а с другой — $u > y$, соответственно $\gamma > u$ и $u > \gamma, \theta > e$ и $e > \theta$.

В индексе отбираемых явлений по фонетике и ударению должен найти отражение учет как системности состава фонем современных языков, наречий и диалектов, так и тех исторических процессов, которые происходили в фонетической структуре различных тюркских языков. Что касается ударения, то в список явлений должны быть введены все отклонения, имеющиеся в этом отношении по языкам: а) в лексике, б) в словообразовании, в) в парадигмах словоизменения, а также, по возможности, явления различного рода отклонений в ударении при логических интонациях и в словосочетаниях.

Картографированию подлежат, например, такие конкретные фонетические явления как степень распространения сиггармонизма в слове и в особенности явления губной гармонии гласных, лабиализация \sim делабиализация гласных, палатализация \sim депалатализация, соответствия гласных различного подъема, явление умлаута, долгие гласные (первичные и вторичные), дифтонги, передвижение гласных $e > u, o > y, \theta > \gamma$ и проч. Изоглоссы, касающиеся различного рода соответствий согласных, должны быть дифференцированы в отношении позиционном. Из явлений анлаута значительный интерес представляют озвончение и оглушение согласных, соответствия $\dot{y} \sim \dot{ж} / \dot{ш} \sim \dot{ж} / \dot{ч} \sim \dot{дз} / \dot{ц} \sim \dot{д}' / \dot{т}' \sim \dot{н} / \dot{н}' \sim \dot{к}' / \dot{з}' \sim \dot{с} / \dot{с}'$, соответствия $\dot{т} \sim \dot{ч}, \dot{к} \sim \dot{ч}, \dot{с} \sim \dot{ч}$, соответствия между $\dot{с} / \dot{з} \sim \dot{с} / \dot{з}$, соответствие смычных и целевых $\dot{n} / \dot{б} \sim \dot{в}$, наличие или отсутствие смычногортанных или придыхательных согласных и т. д. Из явлений инлаута — озвончение согласных $-n \sim -б / -в^0, -к \sim -з, -к \sim -г, -т \sim -д, -с \sim -з$ и др.; соответствия $-н / -д / -т, -м / -б / -п, -л / -д / -т / -з$ и др.

Из явлений ауслauta — ротацизм, ламбдаизм, соноризация $(-б / -п \sim -м)$, судьба $-г / -з$; соответствия $-ч \sim -ш, -ш \sim -с$; соответствия $-с \sim -h, -ч \sim -ж$, явления палатализации согласных и проч.

Индекс морфологических явлений должен включать в себя разделы словообразования и словоизменения, — распространение основных продуктивных и непродуктивных моделей словообразования по группам тюркских языков и все характерные морфологические различия между тюркскими языками и диалектами по грамматическим категориям всех частей речи. При отборе тех или иных явлений словообразования и словоизменения, кроме регистрации самой формы, необходимо учитывать также и различия в значении отдельных форм и функциональные их различия.

При отборе явлений по морфологии нельзя пройти мимо, например, такого традиционного классификационного признака, как образование

формы настоящего времени посредством деепричастия на *-a/-e* и вспомогательного глагола *тур-*. Однако в диалектологическом атласе изоглоссы не могут проходить лишь по установленным классификационным признакам. В то же время число лингвистических признаков морфологического уровня должно быть относительно ограниченным. Это должны быть существенные лингвистические признаки, общие (по своему распространению на преобладающей части тюркской территории) и одновременно образующие систему различительных соответствий. К таким морфологическим явлениям следует отнести категории наклонения и времени, сказуемости и принадлежности, категорию падежа, общетюркские схождения и расхождения в местоимениях и числительных, причастиях, деепричастиях, глагольных именах.

В пределах той или иной морфологической категории следует ограничивать существенные признаки от несущественных, неразличительных. Так, например, целесообразно в первую очередь проводить изоглоссную линию по формам настоящего времени, по форме прошедшего времени на *-ған*, прошедшего перфективного времени на *-мыш*, *-(ы)п*. Что же касается прошедшего категорического времени на *-ды*, то эта форма, поскольку она единообразна для всех тюркских языков, представляет интерес только с точки зрения ее значения. По признакам причастий, деепричастий, глагольных имен изоглоссы пройдут не по всем существующим в тюркских языках формам: здесь представляют наибольший интерес образования, охватывающие определенные ареалы тюркских языков — ареалы с формой на *-дык*, с формой на *-ған*, с формой на *-мыш*, на *-ғач* и др.

При анализе категории принадлежности показатель 1-го лица ед. числа можно не включать в индекс, так как во всех языках имеется единый вариант *-ым*, *-ум*. Интерес может представлять форма 1-го лица мн. числа: *-ыбыз/-убуз* в кыпчакских языках; *-ыбыс/-ибис* в сибирских языках; *-быт/-бут*, *-ыт/-пут* в якутском; *-ымыз/-имиз* в огузских языках; *-амар*, *-ёмёр* в чувашском и т. д.

Список морфологических явлений должен учитывать и различия в семантике морфологических средств. Так, например, деепричастная форма *-ынжа* выражает различные временные соотношения действий, а также сравнение действий. Однако вышеназванные значения формы *-ынжа* неравномерно распределены по тюркским языкам, в которых она встречается.

Таким образом, значительный интерес для разработки изоглосс диалектологического атласа тюркских языков, представляют следующие морфологические явления: аффиксы принадлежности, аффиксы падежей и некоторые послелогов, аффиксы лица, а также падежные формы личных и указательных местоимений, аффиксы причастий *-ған*, *-ар/-ыр*, *-чан*, *-мыш*, *-ғай*; формы имен действий на *-ру*, *-мак*, *-уе*, *-ыш*; деепричастий на *-ып/-ип*, *-a/-э*; условная форма на *-са/се*, формы повелительно-желательного наклонения 1, 2 и 3-го лиц ед. и мн. числа, формы настоящего времени изъявительного наклонения, а также формы прошедшего перфектного на *-ған*, *-мыш*, *-ып* и проч.

Индекс синтаксических явлений должен охватывать различия в использовании основных моделей словосочетаний и предложений. В перечень явлений должны быть включены типичные конструкции простого предложения главным образом с различными типами предиката и различиями в управлении падежами, а также подчинительные конструкции, определяющие использование причастных, деепричастных и масдарных (отглагольно-именных) оборотов, с одной стороны, и придаточных предложений с союзами и без союзов — с другой.

К конкретным синтаксическим явлениям, подлежащим картографированию, могут быть отнесены, например, некоторые типы изафета с сохранением или опущением род. падежа в определении и аффикса принадлежности в определяемом (ср., например, *ногай тили* «ногайский язык», *кумук тил* «кумыкский язык»), соответствия исходн. и род. падежей в выделительных словосочетаниях типа *олардан бири* ~ *олардын бири* «один из них»; конструкции предложения, имеющие именные сказуемые со связкой в различной степени ее редукции: *туруп* > *тур/ /дур* > *ту/ду* > *т* и проч., а также конструкции, сохранившие в составе предиката субстантивный элемент: тув. *мал завуда чор ол* «скот пасется на пастбище», башк. *Фазыл тѣмѣршѣ ул* «Фазыл — кузнец» и т. п.; нарушения стандартного порядка членов словосочетания и предложения, активизация сложных предложений с союзами и др.

Особо сложным для составления является индекс лексических явлений. В нем, во-первых, должны быть помещены слова, которые имеют наибольшую дифференциацию по языкам и диалектам как в отношении своего значения, так и употребления, и которые относятся к различным частям речи: существительному, прилагательному, наречию, числительному, местоимению, междометию, глаголу, частицам, послелогам, союзам. Во-вторых, в индексе должны быть отражены основные и наиболее характерные тематические группы тюркской лексики, а именно, слова, относящиеся к звероловству и охоте, скотоводству, земледелию, кустарным промыслам и проч., названия частей тела, термины родства, названия явлений и предметов природы, основных действий, состояний и т. п. В-третьих, в списке лексических явлений должны быть учтены различного рода заимствования, кальки, табуированные слова и эвфемизмы.

Если явления таких уровней языка, как фонетика, морфология и синтаксис, должны быть представлены в атласе в системном порядке, обеспечивающем исчерпывающее изучение их в генетическом и типологическом планах, то явления лексического уровня, для большего удобства при собирании материала, должны быть представлены в будущем вопроснике атласа в тематическом порядке. Тематический вопросник по лексике должен быть построен вместе с тем таким образом, чтобы лексические примеры иллюстрировали одновременно и фонетические явления.

При отборе лексических изоглосс, как и при отборе фонетических явлений, следует учитывать также одновременность отложений тех или иных слов и лексических пластов, окказиональность появления некоторых лексем в конкретных языках. Так, лексическая изоглосса *инек* «корова», общая, например, для современного уйгурского и алтайского языков, исторически объясняется тем, что в алтайском языке произошло замещение слова *сыйыр* «корова» словом *инек* под влиянием женского языка; вследствие древнего запрета для женщин произнесения слова *сыйыр* оно постепенно было замещено соответствующим по значению словом *инек*, взятым из диалектной лексики.

Особый интерес представляют некоторые весьма характерные лексические соответствия по отдельным группам языков: огузской, кыпчакской, болгарской и проч. К таким характерным различиям могут быть отнесены, например, различные слова для выражения одних и тех же понятий: «волк» — *беру*, *курт*, *каскыр*, *мө: жек*; «рука» — *ел*, *кол/кул*, *билек*; «лоб» — *маңлай*, *алын*; «собака» — *көпек*, *ит*; «ворота (двери)» — *капу*, *ешик/есик*; «корова» — *сыгыр*, *инек*, *уй*, и проч.

При этом необходимо учитывать установленный лингвогеографическими исследованиями факт наличия расхождений (более или менее значительных) между границами отдельных слов, входящих в один фонетический или грамматический ряд, даже в пределах одного языка.

Вследствие этого необходимо на каждое явление давать в качестве примеров ряд отдельных слов (5—6), учитывая заранее при их подборе возможность расхождений между их границами и необходимость иллюстрировать эти расхождения на картах будущего атласа.

После составления индекса языковых явлений с примерами, отражающими эти явления, необходимо будет, на основании этих материалов, приступить к подготовке вопросника для диалектологического атласа тюркских языков, а также — к составлению инструкции для собирания материала по вопроснику. Одновременно необходимо в самих республиках составлять сетку населенных пунктов СССР, в которых будет проводиться сбор материала для атласа.

Территория, которую впоследствии желательно было бы охватить в диалектологическом атласе тюркских языков, по существу, должна совпадать с территорией современного расселения тюркоязычных народов, включая и зарубежные районы их расселения (Турция, Иранский Азербайджан, Ирак, Сирия; Болгария, Румыния и другие балканские страны, некоторые районы Афганистана и Монголии, уйгурский автономный район КНР и проч.). В настоящее время V региональное совещание приняло решение начать работу с картографирования диалектов в границах СССР. Включение в общетюркский атлас сведений по зарубежным тюркским языкам и диалектам может быть организовано позже. Кроме того, к изучению некоторых изоглоссных явлений должны быть привлечены также иноязычные территории, язык населения которых подвергался значительному влиянию тюркских языков, например, Венгрия, Удмуртская АССР, Марийская АССР, Таджикская ССР.

При работе над атласом совершенно обязательна разработка единой транскрипции. Имея в виду то обстоятельство, что работа по атласу в дальнейшем выйдет за пределы Советского Союза, желательно, чтобы транскрипция всех материалов атласа и в первую очередь вопросника была разработана на латинской основе. В основу транскрипции целесообразно положить традиционную международную тюркологическую транскрипцию с необходимыми дополнениями и диакритикой, принятой в едином международном алфавите.

Если почему-либо в той или иной республике не может быть использована единая латинская транскрипция, необходимо, чтобы традиционная национальная транскрипция была соответствующим образом соотнесена с единой латинской транскрипцией, что даст возможность при обработке материалов соответствующим образом транслитерировать запись по единой транскрипции⁸.

Ввиду большой сложности предпринимаемой работы над диалектологическим атласом тюркских языков следует для начала выделить из подготовленного материала общетюркских изоглосс пробную анкету из расчета не более 50—60 отдельных примеров (явлений или слов)⁹. Результаты этого первого опыта должны быть картографированы и в случае успешного завершения этой первой работы могут быть изданы как «Малый диалектологический атлас тюркских языков СССР». Собираание материала для диалектологического атласа тюркских языков не должно приостанавливать работу над отдельными национальными атласами в республиканских или областных масштабах; напротив, оно должно стимулировать такую работу там, где она еще не велась.

⁸ Опыт разработки двух соотнесенных между собой транскрипций на основе русской и латинской графики уже имеется (Н. А. В а с к а к о в, О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», Казань, 1960).

⁹ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, указ. соч., стр. 19.

Осуществление работы над диалектологическим атласом тюркских языков возможно только при участии широкого круга диалектологов тюркоязычных республик и областей Советского Союза, а также тюркологов Института языкознания АН СССР. Поэтому для работы над атласом необходимо объединить усилия соответствующих республиканских академий и филиалов, научно-исследовательских институтов, университетов и пединститутов, четко организовав и распределив работу между всеми ее участниками с самого начала.

III. Об ориентировочном составе языковых явлений в вопроснике атласа

Явления, подлежащие картографированию, будут, вероятно, иметь известные отличия, связанные с историческим положением самих явлений. Одни из явлений составляют признаки, по которым тюркские языки дифференцируются в их современном состоянии; такие явления могут и не заключать в себе данных об их историческом положении. Сюда можно отнести, например, экспериментальные данные о недолгих гласных в тюркских языках, разную градацию в ослаблении их в пред- и заударной позиции, разную степень оглушения шумных в ауслауте для целого ряда языков, типы словесного ударения, формы настоящего времени данного момента речи; ряд обозначений животных, целый ряд названий процессов и т. д.

Другие явления также позволяют провести различия между тюркскими языками, но, кроме того, они сами по себе или в сочетании с другими явлениями содержат прямые указания на определенный исторический процесс. К явлениям этого типа относятся, например, соотношения g и y после гласных и между ними, соотношения $r \sim$ нуль звука, $r \sim v^o$, $r \sim k$ в инлауте и в ауслауте, соотношения $\frac{av}{ev} > \frac{ov}{ov}$ в любой позиции для целого ряда языков, основы и словообразовательные аффиксы с параллельными широкими — узкими гласными, с небными — ненебными гласными и т. д.

Третьи представляют собой явления, исторически свойственные большинству тюркских языков, но ныне сохранившиеся в рядах слов, которые прослеживаются по нескольким языкам. Сюда относятся: аффиксальный r хакасского и тувинского языков; соответствие $n \sim y$, sporadически встречающееся в туркменском и отдельных кыпчакских языках; случаи ротацизма, ламбдаизма; соотношения $p \sim y$ в отдельных языках; склонение на базе род. падежа и т. д.

Едва ли было бы достаточно при подготовке диалектологического атласа тюркских языков ограничиться лишь хорошо известными явлениями и сбором дополнительных подтверждений для подобных явлений. В сравнительной фонетике, грамматике и лексике тюркских языков имеется ряд и других не менее важных явлений, в отношении которых тюркология пока не располагает достаточными сведениями.

Поэтому представляется, что перед тюркским диалектологическим атласом в период его подготовки стоят задачи исследовательского характера, решение которых будет направлено на углубление знаний об истории дифференциации тюркских языков и их современных различий между собой.

Сопоставления тюркских языков могут быть однозначными, но по большей части они окажутся многозначными. Это будет зависеть от состава сопоставляемых слов. Так, например, слово *алчы* «лодыжка» различается по языкам звуком $ч$: в туркм. и кирг. будет $ч$, казах. и каракалп.

ш и хакас. ж. В то же время слово *а:жы* ~ *ажы* ~ *ажи* ~ *аччы* ~ *еччи* ~ *ашы* ~ *ашшы* ~ *эчи* и т. д. со значением «горький»; «горечь» (и др.) различается по языкам всеми тремя звуками, соответствия которых образуют различные комбинации. Эти и аналогичные примеры, количество которых весьма велико, иллюстрируют общеизвестное положение о том, что корреспондирующие ряды слов могут одновременно характеризовать несколько фонетических явлений. Поэтому при отборе картографируемые явления полезно тщательным образом проанализировать с тем, чтобы использовать все заключенные в них возможности для экономного приращения материала сравнений.

Тем не менее многозначность соответствий вряд ли можно признавать за условие их включения в вопросник — в противном случае в атласе останутся неохваченными многие важные явления, в первую очередь лексические.

Среди лингвистических явлений, весьма важных для дифференциальной характеристики современных языков, для их общей истории, имеется ряд таких, которые не могут составить отличительных признаков разных языков. Для примера можно сослаться на звукосоответствие *й* ~ *з* ~ *д/т*. Известно, что ин- и ауслаутному *й* большинства языков в хакасском соответствует *з*, в тувинском *д* и якутском *т*. Но в хакасском, тувинском и якутском имеется не менее полусотни слов, общих почти для всех тюркских языков, в которых указанного соответствия не наблюдается. Ср. хакас. *айран* «кислое молоко», *көй* «гореть», *ой* «низина», *өй* «выдалбливать», *сайра* «стрекотать» и др.; тув. *айыыр* «вилы» (но корень *ад*: *адыр* «отделять»), *ай* «луна», *айтар* «спрашивать», *айас* «ясный», *бай* «богатый», *байыр* «праздник», *дайан* «опираться» и др.

Можно ли описанное явление или аналогичное ему исключать из реестра картографируемых явлений на том основании, что оно не составляет различительного признака? Если исходить из основных целей тюркского диалектологического атласа, включение в реестр явлений описанного типа целесообразно и необходимо.

Еще пример. Отдельные исследователи тюркских языков в разное время отмечали единичные случаи перехода *з* и даже *к* в *й* перед согласным. Указывалось на форму *ешйек* (из *ешгек*) «осел» в памятниках, на форму *мейтеф* (из араб. *мектеб*) «школа» в сербскохорватском¹⁰ и др. Систематически данное явление было описано Ф. А. Абдуллаевым в его исследовании о хорезмских говорах узбекского языка, где зафиксировано *өсийэн* «росший», *өтийэн* «прошедший», *гөтийэн*, *өчйэн* «погасший» и др.¹¹ В настоящее время систематический материал по данной теме имеется лишь в узбекском языке. Едва ли будет правильно на этом основании исключить его из реестра картографируемых явлений, так как наблюдения Ф. А. Абдуллаева и его предшественников прямо касаются положения о том, что аффиксы с начальным гуттуральным древнее аффиксов с начальным гласным, что, например, причастие на *-ан* восходит к форме *-кан*, глаголообразующий аффикс *-ар* восходит к *-кар* и т. п.

Обратимся к ориентировочному составу фонетических явлений, которые предлагаются для включения в реестр вопросника.

¹⁰ Н. [К.] Дмитриев, Материалы по османской диалектологии. Фонетика «карамалицкого» языка, «Записки Коллегии востоковедов», IV, Л., 1930, стр. 113; его же, Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию, «ДАН СССР», [Серия] В, 1929, 5, стр. 90.

¹¹ См.: Ф. Абдуллаев, Узбек тилининг Хорезм шевалари. I — Луғат, Тошкент, 1961, стр. 16—104; Ф. А. Абдуллаев, Фонетика хорезмских говоров узбекского языка с приложением грамматического очерка и словаря огузского и кыпчакского наречий. Докт. диссерт., Ташкент, 1961, стр. 203.

Современное состояние тюркологии не позволяет поставить задачу отбора такой совокупности фонетических явлений, которая позволила бы обосновать реконструкцию фонетической системы языка-основы данными лингвистической географии; тем не менее к настоящему времени накопилось значительное число историко-фонетических разработок, касающихся развития целого ряда фонетических процессов более общего или более частного характера, для которых может быть наметчен значительный список явлений в вопроснике диалектологического атласа. Одним из коренных вопросов вокализма тюркских языков является проблема этимологических долгот в исконно тюркских корнях и, возможно, в формах. Выход в свет «Русско-туркменского словаря» А. Алиева и К. Бориева (1929 г.) позволил получить представление о распространенности этимологических долгот в туркменском языке. С того времени туркменский язык много раз привлекался в качестве своеобразной «истины последней инстанции» в спорных вопросах об этимологических долготах. Однако в настоящее время в ряде диалектов туркменского языка установлено исчезновение долгот; выясняется также, что долгий гласный корня-основы может пропадать в производных словах.

С другой стороны, в последние десятилетия установлены этимологические долготы в узбекском, гагаузском, саларском, хакасском, карачаево-балкарском и других языках. Долготы можно найти в словаре Махмуда Кашгарского, в половецком «Кодексе» и некоторых кыпчакских памятниках. Следовательно, ареальные границы этимологических долгот весьма раздвинулись, и в настоящее время о них уже нельзя судить по одним лишь данным туркменского и якутского языков. Наряду с этим в туркменском, саларском (а, возможно, и в других языках) установлены новые независимые долготы, связанные с количественной и качественной стороной слогов. Таким образом, ясно, что этимологические долготы и их новые образования должны войти в состав основных фонетических явлений, подлежащих картографированию.

Еще В. В. Радлов, а в наше время Т. Ковальский, В. Котвич, Х. Эрен и советские исследователи отмечали распространенность в тюркских языках чередования широкого *a* и узкого *y* в основах и аффиксах¹². Если присоединить сюда соответствие *y* в целом ряде тувинских и якутских слов общетюркскому *a* в тех же словах, соответствие хакасского *u* общетюркскому *e* в одних и тех же словах, далее — широко распространенные межъязыковые и междиалектные соответствия *o ~ y*, *e ~ y*, то можно говорить о явлении параллелизма широких и узких гласных в корнях-основах и аффиксах. Ср., например, казах. *аткы* — «выбрасываться; бить фонтаном» и *ыткы* — «бить сильной струей», корни **aγ* и **yγ* «плач», тув. *ыкшаш* «подобный» и *окшаш*, *окшаган* и др. в остальных языках, турки. *аша:кы* и диалектн. *ыша:кы*¹³ «нижний» и др. Сюда же необходимо присоединить много форм с чередующимися широкими — узкими гласными. Меньше было обращено внимания на параллелизм небных — ненебных форм одних и тех же слов в разных языках, также отмечавшийся В. В. Радловым, т. е. случаи типа *тил ~ тыл* «язык», *көз ~ коз* «горящий уголь», *огуз/с ~ окуз* «бык», *секиз/сегиз...* и *сакыз/агыс...* «восемь», *бич/пыс...* и *быч/пич...* «резать; жать» и др. Оба описанных явления целесообразно включить в вопросник.

¹² A. von Gabain, Türkische Turfantexte. X — Das Avadāna des Dämons Atavaka. Bearb. von T. Kowalski, Berlin, 1959, стр. 43; В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 145; Н. Ерен, A török magánhangzóvááltkozások, Budapest, 1942, стр. 20.

¹³ Н. Нартыев, Түркмен дилиниң Сарык диалекти, Чэрژهв, 1959.

Не приходится доказывать значение другого явления — наличия двух типов *e*, существующих в тюркских языках с древнейших времен, но получивших фонематическое различие лишь сравнительно недавно, как это показывают данные современных азербайджанского, туркменского, узбекского, уйгурского и некоторых других языков. Было бы целесообразно проверить (желательно — экспериментальным путем) качество *e* в таких словах, как *без* «железa»; *бязь*, *бел* «поясница», *беш* «пять», *б/вер-* «давать», *де-* «говорить», *деш-* «продырявить», *йе-* «есть» (хотя здесь возможно влияние *й*), *к/гет-* «уходить», *к/гең* «широкий», *геже...* «ночь», *ет-* «делать», *ел* «народ», *ең* «ширина» и некот. др.

В числе основных звукосоответствий, наблюдаемых в ин- и ауслауте и имеющих классификационное значение, широко известно соответствие *й ~ з ~ д ~ т ~ р*. Менее известно и менее изучено совмещение этих классификационных признаков, т. е. такие случаи, как *куй-/кут-* «ожидать», *кунес/з* вместо *куней* «сторона, обращенная к солнцу» в киргизском, *адаш-* ~ *азаш-* «заблуждаться» в некоторых огузских и кыпчакских языках, тув. *шый-* «чертить» вместо *шыз-* (ср. *ч/ж^u-з-* в других языках).

Целесообразно также получить новые данные о звукосоответствии *й ~ ж*, которое более известно в анлауте, но действует также в инлауте. Ср. *айыр-* и *ажра-* «отделять», *айғыр* и *ажир* «жеребец», алт. *инйи* и общетюрк. *инжи* «жемчуг», *кунажын* и алт. *кунайын* «молодая кобылица», *кыжыр-* и алт. *кыйыра-* «скрежетать зубами», общеупотребительная форма арабского заимствования *меж(и)лис* и туркм. *мейлис* «собрание». Объем и границы инлаутного соответствия *й ~ ж* пока не ясны.

Весьма желательно также пополнить знания об одном из важных звукосоответствий, сыгравших существенную роль в истории фонетики, а именно *б ~ ɸ ~ в°*, например, *себ-* ~ *сев-* «любить», *еб ~ ев ~ өй...* «дом», *суб ~ суғ ~ суе°* «вода», которое обычно ограничивается небольшим числом примеров. Фактически их несравненно больше (ср., например, еще *аб ~ ав° ~ ағ* «охота»; *бөбрөк* (крым.-татар.) ~ *бөв°рөк* (туркм.) ~ *бөгрөк* «почка; грудь»; самоназвание тувинцев — *тыв°а ~ ту-в°а ~ туға ~ туха*; *абын/ав°ын-* и хорезм. говоры *оғын-* «утешаться»¹⁴ *ковук* «мочевой пузырь» ~ *коба* (крым.-татар.) «пещера» ~ *ко-ф°а* (турецк.) «ведро»; *сыба-* ~ *сыға ~ сыва-* «мазать; штукатурить» и др.).

Из межтюркских соответствий, затрагивающих фонемный состав тех или иных языков, можно отметить еще явления «ротацизма», «ламбдаизма», соответствие *й ~ р* в языках, где такие соответствия, как правило, не наблюдаются. Например, *р ~ з*: хакас. *сиргек* «чуткий» (глагол *сез-*), хакас. *чызы-* «гнить» (ср. *чурү-*), тув. *чуру-* «рисовать» (ср. *чиз-*); *р ~ й*: хакас. *ыйгаңна-* «качаться» (ср. *ырған-*), почти все *р* лобнорского языка; для «ламбдаизма» — турецк. *дел-* ~ *деш-* «просверливать», *алук* ~ *ашык* «бабка».

В реестр явлений, связанных с составом фонем и межтюркскими звукосоответствиями, необходимо также включить *б/п ~ м*, например: *бур^y-н ~ му^y-н...* «нос», *топук/тобук... томук/томых...* «лодыжка», *киби/гиби... кими (н)* «как, подобно» и др.

Обратимся к анлауту. Здесь целесообразно отметить в первую очередь не общеизвестные, а другие, не менее важные явления, но пока еще недостаточно учтенные. К ним относятся: падение анлаутного *й*, например, *ий* «веретено», *ийирми* «20», *ийне* «игла», *ийрен-* «брезговать», *ийт/игит* «юноша», *илек* «шелк», *илхы* «табун» и ряд других. Далее, протетический *x* в огузских и уйгурском языках: узб. *ҳарава* «арба», туркм. диалектн.

¹⁴ Ф. А. Абдуллаев, Узбек тилининг Хорезм шевалари. I, стр. 70

хайгыр «жеребец», азерб. *хөрүмжәк* «паук», *хари* «пчела» и др. Желательно возможно полнее собрать материал для последнего явления с целью изучения вопроса о его источниках (субстратная основа, заимствование).

К важным анлаутным явлениям относится также оглушение *б, д, г* в огузских и отчасти кыпчакских языках, например, туркм. *пил* «лопата», *палчык*, *палта* «топор», *поз-*, *полат* и др. (в других южных языках в начале *б*); турецк. *пармак* «палец», *пек* «очень», *пиш-* «варить» (в других языках — начальный *б*); падение начального гласного, например, гагауз. *сырган* «крапива», *зет* «мучение», *шкэмбй* «живот», *кушерка* «акушерка»¹⁵, крым.-татар. *стейим* «я желаю», *ште* «вот», *Смаил* «Исмаил», казах. *Смет* «Исмет», ногайск. *шлеймен* «я работаю» и др.

Особого внимания заслуживают *mediae lenes*, свойственные азербайджанскому и, по-видимому, туркменскому и узбекскому языкам и имеющие существенное значение как для общей характеристики тюркских языков, так и для характеристики их известных классификационных групп.

В плане слоговой структуры слова заслуживает внимания геминация, материал по которой пока недостаточен. Помимо общеизвестных случаев, можно еще сослаться на *ешшек* «осел», турецк. *ашша* «нижний» и др. формы с *-ши-*, *айы* «медведь», *ай ышыы* «лунный свет» и др.

Перейдем к явлениям из области взаимодействия звуков.

О влиянии гласных на согласные и наоборот. В этом плане необходимо отметить озвончение корневого смычного глухого под влиянием соседнего гласного, исторически долгого (*уч* — *ужу*, *д/төрт* — *д/төрдү*, *ам/д* — *ады*, *кап* — *кабы* и т. п.). Данное явление, изучавшееся еще В. Грэнбеком, целесообразно проверить на материале диалектов, в первую очередь в тех языках, где встречаются этимологические долготы. В плане различительных признаков тюркских языков целесообразно установить более подробную градацию озвончения шумных в интервокальном положении: сплошное полуозвончение в интервокальной позиции или между сонантом и гласным в чувашском; озвончение *к, п* в глагольных корнях некоторых кыпчакских языков, например, *чык-* — *чыга*, *сык-* — *сыга*, *йап-* — *йаба*, *чап-* — *чаба* и т. п.

Для ряда языков имеет существенное значение соноризация *б* в интервокальной позиции или между гласным и согласным, например, *арав^оа*, *карав^оаш*, *кав^оып* (< *кабып* < *капып* < *капыб*), *авдал* (< *абдал*), *кав^о* (< *каб-*), *чив^оиж* (ср. *чубук*) и др. Пока не выявлен даже приблизительный ареал данного явления.

Из явлений, относящихся к влиянию согласных на гласные, в будущий вопросник могли бы войти следующие: огубление гласных под влиянием губных согласных, переход *а, е* соответственно в *ы, и* под влиянием соседнего *й*, опереднение *а* под влиянием согласных переднего или среднего ряда — *й, ж, ж, ч*, т. е. случаи типа *айт-...* — *эйт-* «говорить», *ажы/ачы...* — *эчи/есі...* «горький», *йай/жай...* — *йэй/жэй...* «лето», *йашыл/жашыл...* — *йешил/йэ шил/жэшил...* «зеленый».

Явление огубления негубных гласных имело широкое распространение в древних формах тюркских языков. Но в современных языках, где также известны аналогичные случаи, имеется тенденция к делабиализации таких форм, в результате чего закрепляются формы типа *капы*, *дивар*, *дилбер*, *тавык*, *карпыз*, *йымырта*, *кымыс* и т. п. Соотношение одного и другого пласта в разных языках неодинаково, и полевая работа в период подготовки диалектологического атласа могла бы дать ценные результаты по затронутому явлению. Безусловно развивающейся можно считать мо-

¹⁵ Б. П. Тукан, Вулканештский диалект гагаузского языка. Канд. диссерт., Кишинев — Москва, 1964, стр. 257—266.

дификацию того же явления, а именно $\frac{ae}{ee} > \frac{oe}{ee}$. Однако в данном случае границы явления неясны.

Из области редукции для задач атласа существенной представляется элизия узкого гласного во втором закрытом слоге двухсложных основ при их аффиксации. При всей общеизвестности данного явления его распространенность и пределы действия по языкам остаются неясными, хотя крайние полюсы как будто известны: туркменский с его регулярным проявлением указанного процесса и некоторые языки кыпчакского типа, в которых даже арабские заимствования типа *акыл*, *сыныф/п* сохраняют вторичный узкий гласный.

В реестр картографируемых явлений целесообразно внести элизию *й* в интервокальной позиции или между сонантом и гласным. Ее значение для современного и исторического состояния тюркских языков общеизвестно. При сборе материала на данное явление целесообразно учитывать два вида такой элизии: падение исконого *й*, например, азерб. *быг* из *бийык* «усы», *дал* (из *дейил* < *дегил*) «не» и др.; падение *й*, происходящего из *ң*, особенно частое в северо-восточных языках, например, хакас. *муус* «рог, á-», *наах* «щека», *таах* «курица», *хаас* «ремень»; тув. *диин* «белка», *мее* «мозг», *сеек* «муха», *чаа* «новый», *чеерби* «20» и др.

Обратимся к эволюции звуков и их сочетаний. Наиболее важным в плане синхронии и диахронии является по-прежнему вопрос об эволюции гуттуральных *k*, *g*, *ɣ* (особенно последних двух) в инлауте и ауслауте. Известны эволюции *ɣ* тройного рода: $\mathcal{F} > e^\circ/v$, $\mathcal{F} > k$ и $\mathcal{F} > \dot{y}$. Первая эволюция более всего наблюдается в кыпчакских (*бав°*, *сав°*, *тув°*-, *жав°*-, *ав°ыр*, *жав°ын*, *бав°ыр* и т. п.), но с многочисленными отступлениями (*ағу*, *боғ*-, *сығ*- и др.). Меньше и, кажется, чаще в корнях наблюдается она и в огузских языках (*коғ*- > *ков*-, *оғ*- > *ов*-, *кағур*- > *кагур*- и некот. др.). Вторая эволюция ($\mathcal{F} > k$) особенного интереса не представляет.

Третья эволюция $\mathcal{F} > \dot{y}$ известна в кыпчакских языках (*жый* < < *йығ*-, *ый* «плач» < *ығ*, *байла* < *бағла*-, *сыйыр* < *сығыр* и др.), проявляясь, однако, крайне нерегулярно.

Имеется еще четвертая эволюция — $\mathcal{F} >$ нуль звука или переход в заместительную долготу, наблюдаемая в нескольких языках, но в некоторых из них она реализуется в интервокальном положении и не реализуется в ауслауте (хакас., тув.).

Из эволюций *g* более важна в сравнении с другими $g > \dot{y}$, регулярно наблюдаемая в азербайджанском, турецком, нерегулярно в туркменском, ряде кыпчакских и некот. др. Удельный вес данного явления, фонетические условия его реализации и границы, а также границы между языками пока недостаточно определены и потому нуждаются в проверке их на материале диалектов.

О развитии *ң* > *й* > нуль звука попутно было замечено выше в связи с редукцией *й*.

Переходя к ударению, можно заметить, что хотя уже имеются экспериментальные исследования, специально посвященные ударению в отдельном слове, в большинстве случаев внимание специалистов преимущественно занято вопросом о фонетической природе ударения и его месте, и в силу этого сведения об ударении в разных разрядах слов и словоформ обычно фрагментарны. Поэтому целесообразно включить в будущий вопросник следующие моменты: 1) ударение в формах слова: с *емес*, *дегил*...; с глагольным отрицанием — форма аориста, прошедшее на *-ды*, настоящее на *-а*; 1 и 2-е лицо повелительно-желательного наклонения; 2) ударение в словосочетаниях знаменательного слова со служебным, в устойчивых сочетаниях, семантических сращениях; в составных глаголах с *ет*-, *кыл*-

(и с их синонимами); в видовых и других аналитических грамматических формах; 3) в отдельных грамматических категориях: наречиях, происходящих из прилагательных (*йаны, артык. йъл(ы)ңыз, сáде*), а также *санки, бэлки*; в указательных местоимениях *ана, мана, мына* и т. д.

Несколько слов о тюркской передаче звуков иноязычных фонетических систем. Для исторической фонетики разных тюркских языков существенное значение имеет фонетическая передача арабских и иранских заимствований. Интерес представляют гласные, в частности краткие, а также смычно-гортанные «айн» и «хамза». Можно заметить, например, что передача кратких гласных была разной в огузских и в кыпчакских языках, иногда даже в одной группе языков, как, например, в азербайджанском и турецком. Ср. азерб. *кейб, кейд, гейри, гейрэт, қиймет, кисмет, кууват* и их турецкие параллели *кайб, кайд, гайри, гайрет, кыймет, кысмет, кув(е)т*. Субституции «айна», «хамзы», *x* и *ʃ* также были разными в разных группах языков; в некоторых языках, как, например, в туркменском, смешивались обе системы передачи арабских и иранских слов.

Особый интерес в этом же плане представляет передача новейших русских заимствований, так как по ним можно делать заключения о современных тенденциях в фонетическом развитии тюркских языков. Для достоверности изучения целого ряда фонетических явлений было бы весьма желательно организовать дополнительно к слуховым наблюдениям также и лабораторные. Фонетико-экспериментальные наблюдения реально осуществимы в ряде тюркологических центров (Баку, Ташкент, Алма-Ата, Казань).

Перейдем к морфологическим явлениям.

В отличие от фонетических морфологические явления изучены несравненно лучше (объяснение чему следует искать в особенностях развития нашей отечественной тюркологии в послеоктябрьское время). В то же время сведения по морфологическим особенностям диалектов, сопоставимым с формами общенародных языков, пока еще недостаточны.

Объем морфологических фактов, которые могли бы войти в реестр вопросника, довольно велик. Поэтому здесь затрагиваются морфологические явления, нуждающиеся в повторном анализе, что возможно лишь при условии проведения новых фактических наблюдений.

Рассмотрение изоглоссных явлений морфологического порядка удобнее вести по частям речи.

Из раздела *с у щ е с т в и т е л ь н ы х* в перечень явлений прежде всего необходимо включить формы и значения падежей. Для атласа интерес представляют род., дат.-напр., вин. падежи, которые различаются по языкам, имея в некоторых свои отличия и в области местоимений.

Наряду с современной формой исходн. падежа (*-дан...*) в ряде языков сохранилась и более древняя форма (*-дин...*), равно как и употребление местн. падежа вместо исходного.

Мало что известно об ареале формы вин. падежа от посессивной формы 3-го лица ед. числа (*атасын, колун* и т. п.), и этот момент также целесообразно учесть в вопроснике.

Специальных наблюдений заслуживает функциональный параллелизм падежей — род. и вин., дат.-напр. и местн., когда на вопрос «кого/что?» отвечают род. падежом, на вопрос «куда?» — местн. падежом, а на вопрос «где?» — дат.-напр. падежом. Значение этого явления, известного еще в древнейших памятниках, для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков очевидно.

Как известно, в советской тюркологии все еще остается до конца не решенным вопрос о разграничительных признаках частей речи; сюда входит и более узкий вопрос: существуют ли в тюркских языках одни лишь су-

ществительные *т/демир* «железо», *таш* «камень» и т. п. или наряду с ними имеются омонимы *т/демир*₁ «железный» и *таш*₁ «каменный» (то же самое для остальных названий материалов и веществ). В азербайджанском языке было обращено внимание на сочетания существительных, означающих материал, с последующим служебным словом *бир*, которое во всех тюркских языках применяется для акцентуации впереди стоящего прилагательного. Такие же сочетания (*дэмир бир...*, *даш бир...*) встречаются и в турецком разговорном языке. Поскольку описываемое явление имеет принципиальное значение, необходимо его проверить на других языках.

В том же плане важно провести учет вообще всех имен, т. е. основ, способных выступать как прилагательное, существительное и нередко как наречие. Споры о том, как рассматривать подобные основы, можно за их бесплодностью пока отложить, переключив внимание на накопление новых наблюдений.

В разделе **числительных** формально дифференцированными являются: оборот, передающий дробное число (*учте бир*, *учтен бир*); разделительные числительные (*бирер*, *бир бир*); совокупные (*учеви*, *учу...*) и разрядные числительные (*бинлерже*, *б_мицлерле/мицлернен*, *миц миц* и др.). Полезно по названным разрядам числительных собрать более полный материал, чем тот, который в настоящее время зарегистрирован в тюркологии.

В разделе **местоимений** имеется ряд категорий, формы, а отчасти и содержание которых имеют модификации по языкам. Это касается падежей, а также разрядов местоимений. Особенно велико разнообразие указательных местоимений, имеющих много разновидностей и в отдельных языках. В одних, например, диалектах крымско-татарского языка существует не менее трех десятков форм указательных местоимений (*бу/бо/бы*, *шу/шо/шы*, *со/сы*, *о/у*; *абу*, *аву*; *ана* $\frac{ана}{мына}$ *бу*, $\frac{ана}{мына}$ *о*; *абучух*, *авучух*; *мына*, *ана*; *мынав*, *анав*, *мынавы*, *анавы* и др.). В связи с местоимениями необходимо провести наблюдения над особым типом склонения на базе род. падежа, известным еще с древности. Такое склонение отмечалось в диалектах узбекского и уйгурского языков.

Большое богатство грамматических категорий и многообразие их формального выражения имеется в отделе **глагола**. Представляется целесообразным включить, в частности, следующие времена: форму прошедшего времени на *-чук*, известную в киргизском, хакасском, тувинском и других языках и ассоциируемую с древнетюркской формой на *-йук*. В процессе наблюдений необходимо выяснить, насколько употребительны инфинитивные формы на *-мак*, *-(α)в°*, *-рга*, *-ма*, *-ш* и как они распространены по языкам.

Для диалектологического атласа представит интерес тип спряжения без личных показателей, известный в туркменском (*мен алжак*), мишарских говорах (*мин алган*), а из старых языков — в «Диван»'е Махмуда Кашгарского.

В связи с атласом открывается возможность проведения наблюдений по заранее составленной программе над глагольными перифрастическими формами, имеющимися во всех старописьменных и ряде младописьменных языков (турецк., туркм., азерб., узб., крым.-татар. и др.) и образующими стройную систему внутренне связанных форм со своими парадигмами.

Служебные части речи. Наблюдаются лексические расхождения в служебных частях речи: в служебных именах (*узэр* ~ *бет*, *алт* ~ *аст*, *арка* ~ *сырт*, *өң* ~ *алд*, *тараф* ~ *йак*, *етраф* ~ *айлана* и др.), в послелогах (*иле* ~ *нен* ~ *билен* ~ *аркылы*, *кадар* ~ *дек* ~ *дейин*, *адар* ~ *чаклы*, *факкында/фа^ккыда* ~ *туралы*, *доғру/тоғры* ~ *таман*

и т. д.) и союзах (*ве ~ жана/жане, иле ~ мен, зем ~ эри, ама ~ бирак, чунку ~ себеби/уйткени* и др.). Такие же расхождения имеются в частицах.

С л о в о о б р а з о в а н и е. Исследование словообразовательных категорий может быть построено, исходя из форм. При таком подходе исследователь будет иметь в своем распоряжении все сведения, касающиеся состава и удельного веса значений данной формы по языкам. Несовпадающие формы, имеющие тождественные значения, могут рассматриваться при последних. Возможна и иная подача словообразовательных категорий — по значениям. Например, для имени можно было бы наметить: формы, выражающие названия деятеля; формы, выражающие названия орудий; формы, выражающие названия качеств и свойств, и т. д. Однако такая схема окажется громоздкой и мало эффективной; те же формы аффиксов будут многократно повторяться в разных рубриках, и семантико-функциональная целостность словообразовательных форм окажется нарушенной.

Для атласа представляется более целесообразной первая из приведенных схем подачи словообразовательных категорий, а именно:

1. Общие формы с расходящимся составом или удельным весом значений:

А. Именные формы¹⁶: а) продуктивные — *-лык* (*ағлык ~ аклык...* «белизна», *орманлык* «лесистая местность», *калалык* «городской»); *-д/тай* ... (*йолдаш ~ жолдаш ~ йулдаш...* «спутник», *тустес* «однородный»); б) непродуктивные: *-мал* (туркм. *таны:мал* «известный; знатный», кирг. *урамал* «разруха», тув. *чорумал* «путник»), *-ман* (*дейирмен ~ тегирмен ~ тирмен...* «мельница», туркм. *куйрукман* «хвостатый», казах. *аларман* «желающий взять»).

Б. Глагольные формы: а) продуктивные — *-лаш-* (*ағырлаш- ~ ағырлаш- ~ авырлаш-* ... «тяжелеть», татар. *активлаш-* «активизироваться», узб. *тезлаш-* «ускоряться», кирг. *отурукташ-* «оседать»); *-лат-* (азерб. *аловлат-* «воспламенить», казах. *оңайлат-* «налаживать», якут. *деңнет-* «пользоваться случаем»); б) непродуктивные — *-а-* (межтюрк. *боша-* «давать жене развод», казах. *жута-* «лишаться скота», хакас. *сарна-* «петь», якут. *бергее-* «усиливаться», тув. *дажа-* «бросать») и др.

Формы аналитического словообразования — редупликация для имен и словосложение для глагола (имя + служебный глагол *ет-/кыл-* и др.) — также целесообразно включить в вопросник, так как их распространенность по языкам неизвестна.

Раздел словообразования может быть дополнен еще следующими вопросами: 1) какие из аффиксов именного словообразования неоднозначны по языкам, например, имеют ли аффиксы *-д/тай...*, *-рак...* грамматические функции, помимо словообразовательных? 2) можно ли свободно создавать от любого глагола залоговые формы и какие именно? Какие понудительные глаголы образованы аффиксами *-сам-*, *кар-*, *-кыз-*?

Переходим к последнему разделу вопросника — о лексических явлениях. Как и в предыдущих разделах, здесь картографированию подлежат такие явления, которые имеют нетождественную форму выражения в разных языках. Таким образом, необходимо выделить лексические ряды, в которых единицы различаются своими словесными оболочками при единстве значения. Но возможен также ряд, где единицы различаются своими значениями при единстве лексической формы. Наконец, необходимо допустить лексический ряд, внутренне не вполне однородный в том смысле, что будучи связаны объединяющим значением, члены ряда имеют разные формы (как в 1-м случае) и частично расходятся в оттенках значений.

¹⁶ В приводимом перечне в целях краткости не отмечены деления именных форм на отыменные и отглагольные; то же в отношении глагола.

Наиболее показательным в плане языковых различий является первый лексический ряд. Приняв в качестве дифференциальной модели словесный ряд с расходящимися формами при единстве их значения, можно решить и более частный вопрос о подаче словесных рядов по частям речи. Представляется более последовательным включение всего словесного материала, относящегося к частям речи, в отдел морфологии (см. выше на примере служебных частей речи). Однако могут быть и предложения о включении всех частей речи в отдел лексики. Как первый, так и второй подход тесно связан, конечно, с разным пониманием природы частей речи.

Для удобства обследования в полевой работе лексических явлений целесообразно разделить их на три отдела: 1) обозначения предметов и явлений; 2) обозначения признаков; 3) обозначения процессов. Каждый из отделов будет состоять из целого ряда тематических групп. Здесь не предлагается готовой классификации таких групп, так как пока важно определить общие контуры отдела лексических явлений. Распределение же словарного материала по реалиям не вызовет трудностей, поскольку оно уже имеет известную традицию и можно воспользоваться готовыми схемами. Сказанное выше о лексической части вопросника проиллюстрируем примерами из каждого перечисленного отдела обозначений:

«Медь», «латунь» — азерб. *мис* «медь», *пахыр* «окись меди»; туркм. *ми:с* «медь», *бурунч* «латунь»; турецк. *бакыр* «медь», *пиринч* «латунь»; крым.-татар. *жез* «медь», *бакыр* «латунь; медь»; кирг. *жез*, *мис* «медь»; казах. *мыс* «красная медь», *бакыр*, *жез* «латунь»; ногайск. *бакыр* «красная медь», *йез* «латунь»; татар. *бакыр* «красная медь», *жиз* «латунь»; башк. *бакыр* «красная медь», *ййз* «латунь»; узб. *мис* «медь», *жез* «латунь»; уйг. *мис* «медь»; алт. *йес* «медь»; тув. *чес* «красная медь»; хакас. *чис* «красная медь»; якут. *алтан* «медь», *жес/жес алтан* «красная медь», *У_ос* или *урун алтан* «латунь»; чуваш. *пазар* «медь», *йес* «латунь».

«Дерево» (растение); «дерево» (строительный материал) — азерб. *ағач*; туркм. *ағач*; турецк. *аач*, *тахта*, *ахшан*; крым.-татар. *терек*, *ағач*; кумык. *терек*, *ағач*; кирг. *жығач*, *дарак*; казах. *ағаш*; башк. *ағас*; узб. *даракт*, *йа^аға^ач*; уйг. *дэрэх*, *йағач*; алт. *ағаш*; тув. *ыйаш*; хакас. *ағас*; якут. *мас*; чуваш. *йываç*.

«Кислый» — азерб. *туриш*; туркм. *туришы*; турецк. *екши*; крым.-татар. *екши*; кумык. *туришу*, *аччы*; кирг. *кычкыл*; казах. *ашы*, *кышкыл*; башк. *эсй*, *асы*; узб. *аччик*, *кимизак*; уйг. *аччик*; алт. *кычкыл*; тув. *ажык*; хакас. *ачан*; якут. *асы*; чуваш. *йусё*.

«Сладкий» — азерб. *ширин*; туркм. *суйжи*, *ширин*; турецк. *татлы*, (стилистически огран.) *ширин*; крым.-татар. *татлы*; кумык. *татлы*, *леззетли*; кирг. *татту*, *ширин*; казах. *тэтти*, *шырын*; башк. *татлы*; узб. *татли*, *мазали*, *ширин*; уйг. *татлык*, *ширин*; алт. *тату*; тув. *таптыг*, *амданныг*, *чигрзиг*; хакас. *тадылыг*; якут. *минийгес*; чуваш. *тутлă*, *пылак*.

«Жечь» — азерб. *йандыр-*, *ода-*; туркм. *йак-*; турецк. *йак-*, *йандыр-*; крым.-татар. *йак-*; кумык. *йандыр-*, *гуйдур-*, *йаллат-*; кирг. *өрттө-*; казах. *жак-*, *өрте-*; башк. *йандыр-*, *йак-*; узб. *йа^андир-*, *куйдир-*, *от кой-*; уйг. *көйдур-*, *йандур-*; алт. *өрте-*; тув. *өртте-*, *оттула-*, *ода-*; хакас. *өрте-*; якут. *убат-*; чуваш. *сунтар-*.

В заключение уместно заметить, что приведенный выше ориентировочный перечень лингвистических явлений неоднороден с точки зрения возможностей их фундаментальной проверки. Весьма возможно, что некоторые из намеченных явлений сложны в смысле организации наблюдений по ним и потому не найдут места в вопроснике. Все уточнения на этот счет будут сделаны в дальнейшем, пока же важно выбрать правильное направление в отборе явлений, подлежащих картографированию.

А. М. ЩЕРБАК

О ХАРАКТЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ТЮРКСКИХ, МОНГОЛЬСКИХ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Стремление объяснить природу материальной и структурной близости тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков выразилось в появлении нескольких гипотез и, в частности, так называемой алтайской гипотезы, постулирующей существование алтайского праязыка и исходящей из посылки о генетическом родстве указанных языков¹.

На протяжении более чем столетия алтайская гипотеза занимает доминирующее положение в системе взглядов на природу рассматриваемой языковой общности, и усилия некоторых алтаистов вплоть до настоящего времени направлены преимущественно на поиски различных параллелей.

К ультимационной точкой развития компаративистической алтаистики явилась публикация двух сравнительных грамматик: Г. И. Рамstedта и Н. Н. Поппе². Оба автора, обобщая собственные наблюдения, а также излагая в довольно полной и систематической форме многочисленные факты, добытые усилиями других специалистов, подводят итог тому, что было сделано за все время существования алтаистики.

Однако появление сравнительных грамматик не привело к окончательному решению алтайской проблемы. Напротив, оно вызвало усиление скептицизма и способствовало возникновению такой ситуации, когда для широкого круга исследователей алтайская гипотеза по существу утрачивает научную ценность. Отрицательная реакция объясняется тем обстоятельством, что благодаря указанным работам стала более очевидной несостоятельность приемов, при помощи которых устанавливались параллели и реконструировались праформы³. Так, например, достаточно некоторого внешнего сходства и относительной близости значений, чтобы слова, происхождение которых часто остается неизвестным, рассматривались как образованные от одного корня. Особенно неприемлема методика произвольных, не обоснованных реконструкций на основе материалов двух-трех языков или одной-двух групп.

Кризис традиционной алтаистики поставил под сомнение полезность ее дальнейшего развития. Как справедливо заметил Д. Синор, если крупные ученые не в состоянии доказать тезис о генетическом родстве алтайских языков, то, очевидно, есть что-то неправильное в самом этом тезисе⁴.

¹ Подробный обзор алтаистической литературы см. в кн.: D. Sinor, *Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale*, Wiesbaden, 1963.

² G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, bearb. und hrsg. von P. Aalto, I — Lautlehre, Helsinki, 1957 (далее в тексте — RL); II — Formenlehre, Helsinki, 1952; N. Poppe, *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, Th. 1 — Vergleichende Lautlehre, Wiesbaden, 1960 (далее в тексте — PL).

³ См.: A. Sauvageot, [пер. на кн.:] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, I, BSLP, LIV, 2, 1959.

⁴ D. Sinor, *Observations on a new comparative Altaic phonology*, «Bull. of the School of Oriental and African studies», XXVI, pt. 1, 1963, стр. 144. См. также: G. Doerfer, *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, I — Mongolische Elemente im Neupersischen, Wiesbaden, 1963, стр. 51; Г. Д. С а н ж е е в, Сравнительно-

В последние годы наряду с компаративистической алтаистикой постепенно развивается другое направление, сторонники которого подчеркивают важность исторических связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и обращают внимание не только на их сходства, но и на расхождения.

Известно, что сходства, обнаруживаемые в разных языках, не обязательно являются следствием их генетического родства. Нередко сближенные языки, независимо от характера первоначальных связей между ними, обусловлено их взаимопроникновением, степень и размеры которого зависят от разных обстоятельств и прежде всего от продолжительности и интенсивности контактов.

Взаимодействие тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков происходило непрерывно в течение многих столетий, и при этом были периоды, когда оно становилось устойчивым и необычайно интенсивным.

Таковыми периодами для тюркских и монгольских языков Дж. Клосон считает IV—VII вв. (возвышение тюркского племени табгач, основавшего династию Северная Вэй, 386—535 гг.; вассальная зависимость киданей от тюрков до середины VIII в.), VIII—XII вв. (интенсивные контакты тюрков и монголов в Прибайкалье; частичная ассимиляция тюрками северных монгольских племен), XIII—XIV вв. (уйгуро-монгольские культурные связи в разных районах Туркестана)⁵. Особого внимания заслуживают контакты тюркских и монгольских племен, имевшие место в Средней Азии в период после монгольского нашествия, вплоть до завершения ассимиляции среднеазиатских монголов тюрками (XIV—XVI вв.). Монгольское нашествие и связанное с ним оседание в Средней Азии монгольских племен сыграло заметную роль в местных этногенетических процессах и не прошло бесследно для формирования и развития таких тюркских языков, как казахский, киргизский и др.⁶ Что касается судьбы самих монголов в Средней Азии, то они, находясь постоянно в тюркском окружении и подвергаясь сильному ассимилирующему воздействию, в конце концов полностью утратили свой язык. Полной утрате языка предшествовало состояние двуязычия, засвидетельствованное в письменных источниках и представляющее большой интерес с точки зрения оценки возможностей и путей смешения разных языков.

Периоды сближения тюркских и тунгусо-маньчжурских языков трудно установить с достаточной определенностью. Весьма вероятно, что один из них совпадает со временем существования государства Бохай (698—926 гг.)⁷.

Активное взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков относится к эпохе существования киданьской империи Ляо (X—XII вв.) и возвышения чжурчженей (XII—XIII вв.), а также ко времени

исторические и типологические исследования в алтаистике, сб. «Лингвистическая типология и восточные языки. Материалы совещания», М., 1965, стр. 85, 86; А. Р о н а т а ш, О комплексности типологического метода, там же, стр. 261, 263.

⁵ G. C l a u s o n. The earliest Turkish loan words in Mongolian, «Central Asiatic journal», IV, 3, 1959, стр. 184 и сл.

⁶ См.: С. К у д а й б е р г е н о в, Материалы о киргизо-монгольских лексико-грамматических параллелях, «Изв. АН КиргССР», Серия обществ. наук, VI, 1 (лингвистика), 1964.

⁷ К числу слов, заимствованных маньчжурами непосредственно у тюрков, В. Котвич относит следующие: *bejle* — титул князя, *durun* «внешний вид; образ», *туру* «образец, модель», *tehgин* «море», *arfa* «вес, ячмень», *bitze* «книга, грамота», *fijelen* «глава, раздел», *satu* «борода», *toron* «пыль», *eisi* «польза, выгода», *ozon* «ярый, свирепый, неистовый», *sebjen* «веселье, радость» и т. д. [W. K o t w i c z, Les éléments turcs dans la langue mandchoue, RO, XIV (1938), 1939, стр. 93 и сл.]. Проникновение тюркской лексики в тунгусо-маньчжурские языки могло происходить и через посредство монгольских языков.

адаптации маньчжурами монгольского письма и распространения буддизма (XVII—XVIII вв.). Особенно тесными были связи монголов с маньчжурами, язык которых вследствие разного рода влияний утратил многие черты исконного своеобразия⁸ и заметно обособился от других языков тунгусо-маньчжурской группы.

Значение исторических связей тем более велико, что данные, относящиеся к области взаимодействия алтайских языков в недалеком прошлом и в настоящее время, говорят о широком проникновении элементов языка одной группы в язык другой, ср., например, влияние монгольского языка на тувинский, бурятского на солонский язык и нерчинский говор эвенкийского языка, якутского языка на эвенский.

Что касается расхождений, то показательно, что при наличии множества общих слов, обозначающих второстепенные понятия и нередко полностью совпадающих, числительные от 1 до 10, обладающие, как правило, колоссальной устойчивостью, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках не совпадают и не могут быть выведены из единых праформ. Не совпадают также и почти все слова, относимые по традиции к основному, или базовому, лексическому фонду.

То, что степень сходства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков находится в большой зависимости от исторических и географических обстоятельств⁹ и что наряду с поразительными сходствами совершенно очевидны не менее значительные различия, делает преждевременным применение сравнительного метода. Нетрудно понять, что реконструированные без предварительного анализа параллелей праформы не будут иметь никакой достоверности, а установленные фонетические соответствия могут оказаться, в целом или частично, следствием закономерного освоения заимствованных слов.

Учитывая все сказанное выше, на вопрос о том, с чего целесообразнее начинать исследование алтайской проблемы, следует ответить так: с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов.

II. Объектом исследования, послужившего основой для настоящего сообщения, явились три тематические группы — «названия космических тел и явлений», «названия времен года, дня и ночи и т. д.», «названия домашних животных (лошади, мула, осла, коровы, верблюда, овцы и козы)», — которые охватывают 52 наименования.

Выбор названных тематических групп не случаен. Первые две из них включают в себя слова, являющиеся очень древними и устойчивыми, общими в абсолютном большинстве случаев для всех языков каждой группы

⁸ Ср. J. Benzing, *Remarques sur les langues tounghouses et leurs relations avec les autres langues dites «altaïques»*, UAJb, XXV, 1—2, 1953, стр. 110.

⁹ По вопросу о заимствованиях внутри алтайских языков см.: Б. В л а д и м и р ц о в, Турецкие элементы в монгольском языке, ЗВО РАО, XX, вып. II—III, СПб., 1911; W. B a n g, Türkisches Lehngut im Mandschurischen, UJb, IV, 1924, стр. 15—19; Г. Д. С а н ж е е в, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, ч. I — ИАН СССР, VII, серия Отд. гуманитар. наук, 1930, 8, ч. II — там же, 9; W. K o t w i c z, Les éléments turcs dans la langue mandchoue; A. C a f e r o ğ l u, Azerbaycan ve Anadolu agizlarındaki mogolca unsurlar, «Türk dili arařtırmaları yillığı, Belleten», Ankara, 1954; N. P o r p e, The Turkic loan words in Middle Mongolian, «Central Asiatic journal», I, 1, 1955; G. C l a u s o n, The earliest Turkish loan words in Mongolian, «Central Asiatic journal», IV, 3, 1959, стр. 174—187; е г о ж е, The Turkish elements in 14-th century Mongolian, «Central Asiatic journal», V, 4, 1960; St. K a l u z y ũ s k i, Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache, Warszawa, 1961, и т. д.

в отдельности, ср. например, тюрк. **aj* «луна», **kök* «небо», **öl* «год»; монг. **saran* «луна», **yal* «огонь», **namur* «осень», **qabur* «весна»; тунг.-маньчж. **bijača* «луна», **sigün* «солнце», **mö* «вода», **dolbo-* «ночь», **iima-* «утро», **točo* «огонь». Вместе с тем данный разряд лексики не является абсолютно непроницаемым. Можно обнаружить некоторые названия космических тел и явлений, а также название года, относительно заимствования которых одними алтайскими языками из других существует единое мнение, ср. чуваш. *nar* «солнце» (< монг.), монг.-письм. *jil* «год» (< тюрк.), монг.-письм. *čakilčan* «молния» (< тюрк.). Слова, входящие в третью тематическую группу, менее устойчивы и в некоторых языках появились довольно поздно, так как наличие обозначаемых ими реалий связано с особенностями хозяйственного уклада и определенными географическими условиями. В пределах этой тематической группы обнаруживается большое количество прямых параллелей, с почти полным совпадением слов.

Принципиальное различие двух первых групп, с одной стороны, и третьей группы, с другой, делает необходимым их отдельный анализ.

А. Названия космических тел и явлений¹⁰

тюрк.	монг.	тунг.-маньчж.
* <i>aj</i> «луна»	* <i>saran</i>	* <i>bijača</i> (~ * <i>biāča</i>)
* <i>kün</i> (~ * <i>kün</i>) «солнце»	* <i>narān</i>	* <i>sigün</i> (* <i>dilačā</i>)
* <i>čultus</i> «звезда»	* <i>podun</i> (~ * <i>čodun</i>)	* <i>xosiqta</i>
* <i>kök</i> «небо»	* <i>oγtorγoj</i>	* <i>naŋna</i>
* <i>äar</i> «земля»	* <i>čajar</i>	* <i>dunra</i>
* <i>suβ</i> (~ * <i>suγ</i>) «вода»	* <i>usun</i>	* <i>mö</i>
* <i>öl</i> «огонь»	* <i>yal</i>	* <i>točo</i>
* <i>öl</i> «ветер»	* <i>kej</i>	* <i>xādün</i>
* <i>iöli</i> «град»	* <i>mönder</i>	* <i>böna</i> (~ * <i>boŋuna</i>)
* <i>päs</i> «лед»	* <i>mölisün</i>	* <i>jükä</i>
* <i>čašin</i> «молния»	* <i>čakilčan</i>	* <i>hösin</i>
* <i>qār</i> «снег»	* <i>časun</i>	* <i>ximanra</i>
* <i>čaγtur</i> «дождь»	* <i>buruγān</i>	* <i>tügdä</i>
* <i>čig</i> «роса»	* <i>sigüder</i>	* <i>siläksä</i>
* <i>qiraγu</i> «иней»	* <i>qiraγu</i>	—
* <i>pulut</i> (~ * <i>pilit</i>) «облако, туча»	* <i>egülen</i>	* <i>tögüksä</i>

Б. Названия года, времен года, дня и ночи

тюрк.	монг.	тунг.-маньчж.
* <i>öl</i> «год»	* <i>pon</i> (~ * <i>čon</i>)	* <i>aħa-</i>
* <i>küs</i> «осень»	* <i>namur</i>	* <i>bolo-</i>
* <i>qiš</i> (~ * <i>qiš</i>) «зима»	* <i>ebül</i>	* <i>tögä-</i>
* <i>šas</i> «весна»	* <i>qabur</i>	* <i>nälki-</i> (* ~ <i>nāŋni-</i>)
* <i>šaj</i> «лето»	* <i>jun</i>	* <i>juča-</i>
* <i>kün</i> (~ * <i>kün</i>) «день»	* <i>edür</i>	* <i>ināhi</i>
* <i>tün</i> «ночь»	* <i>söni</i>	* <i>dolbo-</i>
* <i>är</i> «утро»	* <i>öglüge</i>	* <i>iima-</i>
* <i>käč</i> «вечер»	* <i>üdeši</i>	* <i>šikšä</i>

¹⁰ Монгольские и тунгусо-маньчжурские праформы восстановлены Г. Рамстедтом, И. Бенцингом и другими специалистами, тюркские — самим автором. См.: В. И. Цициус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949; ее же, К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 101. Факт народов Севера, 1954, стр. 6—10; J. Benzing, Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik, «Abhandl. der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse [der Akademie der Wissenschaften und der Literatur]», Jg. 1955, N 11, Wiesbaden, 1956; N. Poppe, Introduction to Mongolian comparative studies, MSFOu, 110, 1955.

Какие-либо комментарии по поводу прямых параллелей в пределах двух первых тематических групп излишни: их всего две — одна тюркско-монгольская и одна монгольско-тунгусо-маньчжурская, ср. тюрк. **qiraγu* и монг. **qiraγu* «иней», монг. **jun* и тунг.-маньчж. **juga*- «лето».

Косвенные параллели и параллели, устанавливаемые в традиционной алтаистике посредством привлечения материалов других тематических групп, весьма многочисленны, ср.:

1. Монг. *paran*¹¹ «солнце», тюрк. *jaz* «весна», эвенк. *nglki* «весна» (RL 75, 111); монг. *niraj* (<**naj²aj*) «свежий; новорожденный», маньчж. *nārxun* «зеленый, свежий», тюрк. *jaz* (<**nār²*) «весна» (PL 81, 97, 154, 156).
2. Тюрк. *jaj* «лето», дагур., бурят. *naγir* (RL 75, 97).
3. Тюрк. *ot* «огонь», монг. *očin* (<**hotin*) «искра» (RL 153); монг. *odčigin* (<**öt* + *tigin*) — имя собств., *odqan* (<**öt* + *qan*) «божество огня; младший сын», тюрк. *ot* «огонь» (PL 49).
4. Тюрк. *kök* «небо; голубой», монг. *köke* «голубой» (PL 56, 109, 125; RL 154), эвенк. *kükasin* «синий» (PL 154).
5. Эвенк. *tu* (<**tö*) «вода», монг. *mören* «река» (PL 110, 150; RL 79, 147).
6. Монг. *časun* «снег», *čaji*- «белеть», *čal* «седой», *čagan* «белый», тюрк. *čal* «седой»; эвенк. *čalbān* «береза», *čalka* «лебедь» (PL 97, RL 63).
7. Монг. *boroγan* (<**burugān*) «дождь», эвенк. *burqun* «буряк», турецк. *bur-* «вер-тесть, поворачивать», *buran* «буря, вьюга» (PL 21, 79, 102).
8. Эвенк. *dilačā* «солнце», монг. *jil* «год», тюрк. *jil* «год», эвенк. *dild'apkī* «звезда» (RL 52, 143).
9. Монг. *on*, др.-монг. *hon*, монгол. *fān* «год», маньчж. *fon* «время» (PL 11, 69, 99, 155; RL 141).
10. Тюрк. *küz* «осень», монг. *küreŋ* «рыжий, коричневый» (RL 112, 148).
11. Тюрк. *qış* «зима», эвенк. *kēldi* «холодный» (RL 110).
12. Монг. *sōni* (<**sōni*) «ночь», монг. *sōnū-*, тюрк. *sōn-*, эвенк. *hīw-* (<**sōjibū-*), эвенк. *siw-* (<**sōji-*) «гаснуть» (PL 30, 70, 109).
13. Тюрк. *tün* «ночь», монг. *tüne* «темный», др.-монг. *tün* «темный лес» (PL 112, RL 148).
14. Туркм. *ir*, чуваш. *ir* «утро», монг. *erte* (> якут. *ärdä*) > эвенк. *erdε*, маньчж. *erte* «рано» (PL 106, RL 146).

Никаких данных, позволяющих реконструировать праформы для *jaz* «весна» и *jaj* «лето» с начальным **ñ* (*ʃ*), нет. Подобные реконструкции находятся в явном противоречии с особенностями фонологических систем современных тюркских языков и тюркского праязыка и предопределены лишь одним желанием увеличить количество лексических параллелей. Все случаи появления в некоторых тюркских языках на месте начального *j* (~*d* ~ *č*...) среднеязычного *ñ* (*ʃ*) или *n* объясняются ассимилятивным воздействием носовых согласных, ср. саг. *nan* «сторона», шор. *neγä* «жена старшего брата».

Относительно возможности сопоставления эвенк. *tu* «вода» (<**tö*) с монг. *mören* «река» трудно сказать что-либо определенное, так как дополнительные звенья, которые позволяли бы установить связь между этими словами, отсутствуют.

Монг. *odčigin* — имя собств. и *odqan* «божество огня; младший сын» — заимствования из тюркских языков, ср. др.-тюрк. *ot* «огонь», *tegin* «принц», *qan* «хан, правитель». Самостоятельно слово *od* ~ *ot* ни в древних, ни в современных монгольских языках не встречается. Есть достаточные основания считать заимствованным из тюркских языков и монг.-письм. *köke* «голубой». В тюркских языках значение «голубой» — производное от значения «небо» в монгольских языках *köke* обозначает только цвет¹². Нали-

¹¹ Здесь и ниже почти полностью сохранены транскрипционные знаки и сокращения, принятые авторами цитируемых работ.

¹² См.: Б. В. Л а д и м и р ц о в, Турецкие элементы в монгольском языке, стр. 159. Относительно заимствования др.-тюрк. *kök* монголами и его фонетической адаптации см.: W. K o t w i c z, Contributions aux études altaïques. III, RO, VII (1929—1930), 1931, стр. 225, 230.

чие второго гласного в *kōke* может рассматриваться как следствие структурно-фонетической адаптации: для древних монгольских языков односложные слова и слова с глухим (сильным) согласным в исходе не были характерны, ср.:

Д р.-т ю р к.	М о н г.-п и с ь м.
<i>ār</i> «муж, мужчина»	<i>ere</i>
<i>ārkh</i> «сила, власть»	<i>erke</i>
<i>bārkh</i> «крепкий»	<i>berke</i>
<i>čaq</i> «высекать, делать искру»	<i>čaki-</i>
<i>jūs</i> «лицо»	<i>jūsün</i> «цвет лица; вид; масть»
<i>küč</i> «сила»	<i>küčün</i>
<i>qoĵ</i> ~ <i>qoĵ</i> «овца»	<i>xoni</i>
<i>saĵ</i> «дрить»	<i>saĵa-</i>

Необходимо отметить далее, что многие собственно монгольские прилагательные, обозначающие цвет, имеют особый морфологический состав, см. монг.-письм. *ulaġan* «красный», *poġoġan* «зеленый», *čaqān* «белый», *baraġan* «темный», *jaġān* «розовый; светло-фиолетовый», *gegēn* «светлый». Именно в этой форме выступают почти все обозначения цветов, заимствованные маньчжурами у древних монголов, ср. маньчж. *fulgijan* «красный», *šanjan* «белый», *genggijen* «светлый», *šejen* «белоснежный», *niowanggijan* «зеленый»¹³. И наоборот, те древнемонгольские слова, обозначающие цвет, которые имеют иную структуру, являются, как правило, заимствованиями из тюркских языков, ср. *šira* «желтый» (< *sariġ*), *boru* «серый» (< *bōz*), *al* «алый» (< *āl*), *xuwa* «бледно-желтый» (< *quba*), *χara* «черный» (< *qara*), *jihijin* «багряный, ярко-красный; фиолетовый» (< *jeġkin* ~ *jeġkin*)¹⁴. Эвенк. *kuku* «синий; зеленый; зеленовато-серый» < бурят.

Čal «седой, серый (масть лошади)» относится к числу «культурных слов», ср. перс. *čal*, русск. *чалый*, и примыкает к большой группе монгольских слов, содержащих древний корень *ča-*, ср. монг.-письм. *čaqān* «белый», *časun* «снег», *čaji-* «белеть». Не исключено, однако, что связь *čal* с указанной лексической группой является случайной: это слово можно обнаружить только в современном монгольском языке и только в составе парного сочетания (*cal būral*). Связь эвенк. *čalbān* «береза» (ср. маньчж. *čalfa* «береста») с монг. *čal* не ясна. *Čalka* в значении «лебедь» в словарях эвенкийского языка отсутствует¹⁵.

Далеко за пределы алтайских языков распространяется ареал бытования слов, объединяемых значением «бурац, пурга». Как отмечает А. И. Попов, «... в течение сотен лет разными путями создались те сходства, которые определяют некоторое „созвучие“ слов самых разных, часто совершенно не родственных между собой языков: *буря*, *пурга*, *буран*, *якут. бурхан* „буря“, алт. *порогон*, фин. *pyry*..., возможно, даже и др.-греч. Βορέας, и кассит. *Buriaš*, и турецк. *bora* „буря, ураган“...»¹⁶. Попытка рассматривать турецк. *buran* «буран» как отглагольное имя от *bur-* «вертеть»

¹³ См.: W. K o t w i c z, Contributions aux études altaïques. III, стр. 223, 229—232; Н. O k a d a, Color-names in Manchu, «American studies in Altaic linguistics», Uralic and Altaic Series, 13, Bloomington, 1962, стр. 225—227.

¹⁴ См.: G. C l a u s o n, The Turkish elements in 14-th century Mongolian, стр. 311. ¹⁵ В. Котвич указывает на несколько случаев упоминания этого слова в специальной литературе в значении «белый» и выделяет в нем основу *ča-* и аффикс *-lka* (*-lko*), ср. эвенк. *ča-lko* «белый», нан. *saka-lka* «черный» (W. K o t w i c z, Contributions aux études altaïques, III, стр. 232). Ср. также: ульч., нан. *čala* «светлый», нан. *čagžā* «белый», нивх. *č'and'* «белый» (о масти животных).

¹⁶ А. И. П о п о в, Из истории лексики языков Восточной Европы, [Л.], 1957, стр. 27. См. также: W. B a n g, Turkologische Briefe aus dem Berliner ungarischen Institut, UJb, XIV, 3, 1934, стр. 211, примеч. 1; G. D o e r f e r, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I, стр. 219—221.

вызывает возражения с фонетической стороны, ср. алт. *boroḡon*, татар., турецк. *buran*, тув. *boraq*, туркм., узб., уйг. *boran*, хакас. *poḡān* «непогода, метель, буран» (< *boraqan*, ср. др.-монг. *boroḡan* «дождь»); алт. *buru-*, татар. *bür-*, турецк., туркм., уйг. *bur-*, узб. *bur-* ~ *bur-* «вертеть, поворачивать» (< **pur-*).

Монг. *ḡil* (< тюрк.) в древних текстах входит в состав календарных обозначений по двенадцатилетнему животному циклу, заимствованному у уйгуров¹⁷.

Эвенк. *dilačā*, эвен. *diličī* «солнце» нетрудно сблизить со словом *dīl* «голова». Включение же его в одну группу с тюрк. *ḡil* ~ *ḡil* «год» кажется по меньшей мере странным. *Jildapki* (у Г. Рамстедта: *dild'apki*), обозначающее в говоре Подкаменной Тунгуски не «звезду», а «небо», фонетически не сводимо к *dilačā*.

Маньчж. *fon* «время» не имеет параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в тюркских языках, что делает сомнительным предположение о его развитии из общеалтайской праформы. Предпочтительнее считать *fon* заимствованием из монгольских языков.

Сопоставление тюрк. *küz* «осень» (чуваш. *kēr*) с монг. *küreḡ* «рыжий, коричневый» основано на чисто внешних моментах. В тюркских языках Южной Сибири *küreḡ* — заимствованное слово.

То же самое можно сказать и о сопоставлении тюрк. *qış* «зима», и эвенк. *kēldi* «холодный» (~ *gilli, gelli*). Чуваш. *xēl* «зима» — относительно позднее отражение тюркской праформы **qış* (~ **qış*).

Монг. *tüne* «темный» и *erte* «рано» — заимствования из тюркских языков. Др.-тюрк. *ärtä* — форма местн. падежа от *är* «утро» (< **är*).

Последняя группа параллелей включает как произвольные, так и вполне обоснованные сопоставления, ср. монг. *sōni* «ночь», монг. *sōnū*, тюрк. *sōn-*, эвен. *hiw-*, эвенк. *siw-* «гаснуть». Восстановление тунгусо-маньчжурских праформ для эвен. *hiw-* и эвенк. *siw-* «гаснуть» в виде **sōji-* или **sōjibū-* ничем не оправдано и, естественно, не может служить основанием для сближения *hiw-* и *siw-* с монг. *sōni* «ночь». Наличие этимологической связи между монг. *sōni* «ночь» и *sōnū-* «гаснуть» является весьма вероятным, но не бесспорным. Что же касается монг. *sōnū-* и тюрк. *sōn-* «гаснуть», то рассмотрение их в ряду лексических параллелей не вызывает никаких возражений.

V. Названия домашних животных (лошади, мула, осла, коровы, верблюда, овцы и козы)

Др. - тюрк.	Монг. - письм. др. - монг.	Тунг. - маньчж.
<i>at</i> «лошадь» <i>aḡta, alaša</i> «мерин»	<i>morin</i> <i>aḡta</i>	маньчж., эвенк. <i>morin</i> маньчж. <i>aḡta</i> , эвен. <i>atamat</i> <i>miran</i> ; маньчж. <i>alašan</i> «кляча»
<i>aḡyir</i> «жеребец» <i>bi(jā)</i> «кобыла»	<i>aḡirḡa</i> <i>gegān</i>	маньчж. <i>aḡirḡan</i> , эвенк. <i>aḡirga</i> маньчж. <i>geo</i> , эвенк. (верхне- ленский говор) <i>gēn</i>
<i>qisir</i> «бесплодный, яловый»	<i>keüser</i>	маньчж. <i>kisari</i> «нежеребая кобыла»
<i>qulun</i> «жеребенок до года» <i>ḡunan</i> «самец молодняка лошади, коровы, верблюда, овцы двух-трех лет»	<i>unḡan</i> <i>ḡunan</i>	маньчж. <i>unḡan</i> маньчж. <i>ḡunan</i>
<i>ḡunajin</i> «самка молодняка лошади, коровы, верблюда, овцы двух-трех лет»	<i>ḡunajin</i>	—

¹⁷ См.: W. K o t w i c z, O chronologii mongolskiej, RO, II (1919—1924), 1925, стр. 221, 224.

<i>dönän</i> «самец молодняка лошади, коровы, верблюда, овцы трех-четырех лет»	<i>dönön</i>	—
<i>dönäjin</i> «самка молодняка лошади, коровы, верблюда, овцы трех-четырех лет»	<i>dönöjin</i>	—
<i>qatir</i> «мул»	<i>qačir</i>	—
<i>äškäk</i> «осел»	<i>eljigen</i>	—
<i>oçuz, öküz</i> «бык»	<i>üxer</i>	эвенк. <i>hukur</i> «корова», эвенк. <i>inak ogus</i>
<i>iŋäk</i> «корова»	<i>ünegen</i>	маньчж. <i>muxašan</i> , эвенк. (нерч. говор) <i>baqa</i>
<i>buqa</i> «бык-производитель»	<i>buqa</i>	—
<i>bozaçi</i> «теленоч до года»	<i>biraçi</i> «теленоч двух лет»	—
<i>täbä</i> «верблюд»	<i>temegen</i>	маньчж. <i>temen</i> , эвенк. <i>temegen</i>
<i>atan</i> «верблюд-мерин»	<i>atan</i>	—
<i>buçra</i> «верблюд-производитель»	<i>buçura</i>	—
<i>iŋän</i> «верблюдица»	<i>iŋgen</i>	—
<i>bota, botuq</i> «верблюжонок до года»	<i>botuçan</i>	—
<i>tajlaç</i> «верблюжонок двух лет»	<i>tajilaç</i>	—
<i>torum</i> «верблюжонок по третьему году»	<i>torum</i>	—
<i>qoñin, qoñin</i> «овца»	<i>qonin</i>	маньчж. <i>xonin</i> , эвенк. <i>konin</i>
<i>qoç, qoçqar</i> «баран»	<i>quça</i>	нан. <i>xusa xoni</i>
<i>qozi</i> «ягтенок»	<i>quraçan</i>	эвенк. (нерч. говор) <i>kurkan</i>
<i>jitça</i> «самка дикого горного козла»	<i>imaçan</i> «коза»	маньчж. <i>niman</i> , эвенк. <i>imagan</i> , ороч. <i>ima</i> «коза»

В пределах данной тематической группы все совпадения прямые и нет случайных параллелей. Количество различающихся слов ограниченное. оно не имеет существенного значения для определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, и поэтому такие слова опущены.

Есть ли основание рассматривать это обилие параллелей как следствие генетического родства указанных языков?

Др.-тюрк. *aqta*, монг.-письм. *axta*, маньчж. *aqta*, эвен. *atamat* восходят к перс. *axta* «холощенный, выложенный»¹⁸ (монг.-письм. *axta* < др.-тюрк. *aqta*, эвен. *atamat* < якут. *attamit*). Др.-тюрк. *öküz* (*oçuz*), монг.-письм. *üxer*, эвенк. *ogus* «бык», эвенк. *hukur* «корова» принято считать заимствованиями из древних индоевропейских языков, ср. тохар. В *okso*¹⁹ (эвенк. *hukur* < монг.; эвенк., негид. *ogus* < якут.). Ср. также: др.-тюрк. *äškäk* и монг.

¹⁸ См.: П. М. Меллоранский, Заимствованные восточные слова в русской письменности до-монгольского времени, СПб., 1906 [отд. отт. из ИАН ОРЯС, X, (1905), 4], стр. 4—5.

¹⁹ См.: G. Clauson, Turkish and Mongolian studies, London, 1962, стр. 234. Г. Дёрфер выступает против сопоставления др.-тюрк. *öküz* с тохар. В *okso*, очевидно, полагая, что это может осложнить решение проблемы происхождения начального *h* в монгольских языках, и рассматривает *öküz* как собственно тюркское слово (**ржкёр* > прамонг. **pükär* > *hüker* > *üker*). См.: G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I, стр. 539. Действительно, решить проблему происхождения начального *h* в др.-монг. *hüker* с учетом его развития из тюрк. *öküz* (< тохар. В *okso*) не легко. И все же такой способ решения указанной проблемы кажется наиболее правильным, тем более что восстановление в тюркском праязыке праформы **ржкёр* не подкреплено никакими фактами тюркских языков.

письм. *eljigen* «осел»²⁰; др.-тюрк. *täbä*, монг.-письм. *temegen*, маньчж.-*temen* «верблюд» (*-käk* в др.-тюрк. *äškäk* является факультативным словообразовательным элементом, ср. др.-тюрк. *är* и *ärkäk* «мужчина», др.-тюрк. *tiz* и тув. *diskek* «колени»). Заимствование др.-монг. *qačir* «мул» из тюркских языков засвидетельствовано разными источниками и в число традиционных алтайских сопоставлений не включается²¹. О тюркском происхождении ряда других монгольских и тунгусо-маньчжурских названий животных свидетельствуют их структурно-фонетические особенности, обусловленные приспособительными изменениями — озвончением или вокализацией согласных (ср. монг.-письм. *ünegen* и др.-тюрк. *iğäk* «корова»; монг.-письм. *buγura* и др.-тюрк. *buγra* «верблюд-производитель»; монг.-письм. *qiča* «баран», нан. *xusa* «самец» и др.-тюрк. *qoç* «баран»; монг.-письм. *botuγan* и др.-тюрк. *botuq* «верблюжонок»), морфологический состав (др.-тюрк. *tajlaq* «верблюжонок двух лет», ср. узб. *botaloq* «верблюжонок», *čaqaloq* «младенец», *taj* «жеребенок»); др.-тюрк. *bozaγu* «теленочек до года» (ср. др.-тюрк. *boz* «серый», **boza-* «сереть»), этимологические связи (ср. др.-тюрк. *at* «лошадь», *atan* «верблюд-мерин»). Староузб. *γunan*, *γunaγin* «самец и самка молодняка двух-трех лет», *dönän*, *dönäγin* «самец и самка молодняка трех-четырех лет» и маньчж. *γunan* — заимствования из древнемонгольского языка (ср. монг.-письм. *γurban* «три», *dörben* «четыре»)²².

Следует подчеркнуть также, что почти вся лексика, связанная с использованием домашних животных у древних монголов, является тюркской по происхождению, например, монг.-письм. *kilγasun* «волос» (< др.-тюрк. **qilaq*, ср. турецк. *qil*, чуваш. *xělěx*), *ajiraγ* «айран» (< др.-тюрк. **ajraq*, ср. узб. *ajron* «айран», *ajir-* «отделять»), *niγγasun* «шерсть» (< др.-тюрк. **juγaq*, ср. узб. *jug*), *qudirγa* «шляя» (< др.-тюрк. *qudiruq* «хвост», ср. тув. *qudiruq*), *kömlürge* «нагрудный ремень у лошади» (< др.-тюрк. *kömlürük*, ср. *köml* ~ *köγül* «грудь»), *saγulγa* «подойник» (< др.-тюрк. **saγlaq*, ср. *saγ-* «доить», *saγliq* «дойная овца»), *köske* «вьюк» (< др.-тюрк. **köçük*, ср. *köç-* «кочевать»), *örügen* «пути» (< др.-тюрк. *örük* ~ *örüg* «сплетенный, переплетенный») и т. д.

Приведенных данных достаточно, чтобы убедиться в невозможности объяснения лексических параллелей, обнаруживаемых в последней тематической группе, ссылкой на генетическое родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Совершенно очевидно, что названия многих домашних животных в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеют небольшую историю и что начало хозяйственного использования коровы, верблюда, осла, овцы и козы у монголов и тунгусо-маньчжуров относится к позднему времени²³.

Местом расселения тюркских племен с давних пор являлись степи. В связи с этим названия домашних и диких животных степной зоны в тюркских языках представлены чрезвычайно широко, с большой возрастной

²⁰ См.: O. Schrader, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, стр. 206; H. Pedersen, Türkische Lautgesetze, ZDMG, 57, 1903, стр. 561.

²¹ См.: N. Porre, The Turkic loan words in Middle Mongolian, стр. 40.

²² См.: «Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб», I, «Труды Ин-та востоковедения», XIV, М.—Л., 1933, стр. 69.

²³ Ср. замечание Г. Д. Санжеева о том, что «маньчжурский и монгольский языки объединяет лишь та часть лексики, которая является отражением скотоводческой культуры» и что сближение этих языков происходило в период номадизации их носителей (Г. Д. Санжеев, К тюрко-монгольской лингвистической проблеме, «Труды Московск. ин-та востоковедения», 4, М., 1947, стр. 68. См. также: е г о ж е, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, I, стр. 615).

дифференциацией, тогда как наименования лесных животных весьма бедны. Местом обитания древних монголов, тунгусов и маньчжуров была зона лесов. В специальном исследовании, посвященном монгольскому кочевому феодализму, Б. Я. Владимирцов отмечает, что «... монгольские кочевники-скотоводы сохранили многое от охотничьего быта»²⁴ и что множество фактов «... позволяет видеть в монголе древней эпохи не просто номада, а кочевника-охотника»²⁵. Занятия охотой более характерны для лесных племен, чем для степных, и поэтому кочевника-охотника следует считать потомком жителя лесов.

Мы глубоко убеждены, что последовательное и вместе с тем очень осторожное разделение древних тюрков, с одной стороны, и древних монголов, тунгусов и маньчжуров, с другой, как степных жителей и жителей лесов, представит дополнительные возможности для выяснения природы многих алтайских параллелей.

III. Краткий обзор и анализ 16 лексических параллелей, устанавливаемых в пределах двух первых тематических групп представителями традиционной алтаистики, показывает, что четыре из них являются случайными, шесть — возникшими в результате заимствования, две — относящимися к «культурным словам», границы распространения которых находятся далеко за пределами алтайских языков, и четыре — неясными, т. е. такими, которые можно рассматривать и как возникшие в результате заимствования и как восходящие к алтайским праформам.

Таким образом, объектом дальнейшего исследования, после исключения произвольных параллелей, могут быть, с одной стороны, параллели, о происхождении которых нельзя сказать ничего определенного (ср. тюрк. *qıraqı и монг. *qıraqı «иней»; монг. *jun и тунг.-маньчж. *juqa- «лето»; тунг.-маньчж. *mō «вода» и монг. *mören «река»; монг. *söni «ночь», *söñi- «гаснуть» и тюрк. *sön- «гаснуть»), с другой, явные заимствования (ср. монг. kōke «голубой», эвенк. kuku²⁶ «синий, зеленый» < тюрк.; монг. odčigin — имя собств., odqan «божество огня; младший сын» < тюрк.; монг. jil календ. «год» < тюрк.; маньчж. fon «время» < монг.; монг. tüne «темный» < тюрк.; монг. erte «рано» < тюрк.).

Относительно параллелей с неясным происхождением можно заметить, что они охватывают не все три, а только по две группы алтайских языков (тюркские и монгольские, монгольские и тунгусо-маньчжурские). Хотя само по себе это обстоятельство и не имеет решающего значения для выяснения природы алтайской общности, тем не менее оно заслуживает внимания. «Цепная» связь (т. е. связь тюркских языков с монгольскими, монгольских с тунгусо-маньчжурскими, тунгусо-маньчжурских с тюркскими) плохо согласуется с представлением о генетическом родстве и свидетельствует об образовании указанных параллелей скорее путем конвергентного развития разных языков, чем вследствие дробления предполагаемого единого праязыка.

Заимствованные слова, входящие в параллели всех трех тематических групп, образуют самостоятельную и очень важную область исследования. Они оказываются тем дополнительным источником, в котором зафиксированы и сохранены фонетические процессы, происходившие в разное время в той или иной группе языков.

Остановимся на явлении ротацизма. Древнетюркским словам öküз «бык», bozağı «теленка до одного года», qazi «ягненок» соответствуют

²⁴ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 35.

²⁵ Там же, стр. 41.

²⁶ Проникло в эвенкийский через бурятский язык.

монг.-письм. *üxer, biraγu, qiraγan*; ср. также: эвенк. *hukur* «корова», *ogus* «бык», *kurkan* «ягненок» (нерч. говор) ²⁷.

Соответствие *r ~ z ~ s*, *r ~ z* или *r ~ s* в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках прослеживается и в других заимствованных словах, не входящих в рассматриваемые тематические группы. Примеры:

1 (*r*) др.-монг. *bo'orla-* «перерезать горло», ср. чуваш. *pīr*, узб. *boʻiz*, тув. *bōstā*, «горло»;

монг.-письм. *boru* «серый, чалый», ср. чуваш. *pāvār*, гагауз. *bōz*;

монг.-письм. *ikere* «близнецы, двойня», ср. чуваш. *jékereš*, татар. *igiz*, алт. *igis*;

эвенк. *turuke* «соль», ср. чуваш. *tāvar*;

монг.-письм. *küger* «гордый, надменный», ср. др.-тюрк. *küvāz*;

монг.-письм. *keγü-* «бродить, скитаться», ср. др.-тюрк., узб. *kez-*;

др.-монг., маньчж. *sere-* «чувствовать», ср. чуваш. *sis-* (<татар.), татар. *siz-*, алт. *ses-*,

маньчж. *toron* «пыль», ср. татар. *tuzan*;

монг.-письм. *uran* «мастер», ср. др.-тюрк. *uz* «искусный, опытный», якут. *ās* «мастер»;

2 (*z*) др.-монг. *seze-* «чувствовать» ²⁸, ср. узб. *sez-*,

3 (*s*) монг.-письм. *boγos* «зародыш у самки животного», ср. якут. *buos*, узб. *boʻuz* «стельная, жеребая»;

др.-монг. *bōs*, маньчж. *boso* «материя: холст, бязь, ситец», ср. алт. *bōs*, узб. *bōz*,

туркм. *bīd*, чуваш. *pir* (<?тохар. В *bōs*);

монг.-письм. *dabusun* ²⁹, маньчж. *dabsun*, эвенк. *tus* «соль», ср. якут. *tūs*, чуваш. *tāvar*, туркм. *dūd*;

монг.-письм. *ʃisün* «цвет лица; вид; масть», ср. якут. *sūs* «лоб», узб. *jüz*;

монг.-письм. *kesü-* «бродить, скитаться», ср. тув. *kes-* «обходить», узб. *kez-*;

монг.-письм. *toγosun* ³⁰ «пыль», маньчж. *dahasun* «земля», ср. чуваш. *tusan* (<татар.), татар. *tuzan*, туркм. *tōd* «пыль».

Z, *r* и *s* в тюркских языках восходят к одному из аллофонов пратюркского */*s/* — слабому *s*, выступавшему в положении после долгого гласного в односложных словах и после любого гласного в словах из двух и большего количества слогов ³¹. Слабый *s* в период существования общетюркского языка (или после его дробления) в одной диалектной группе тюркских языков сохранил глухость, в другой — развился в *z* (*δ*), в третьей — изменился сначала в *z* (*δ*), а затем в *r* ³². Из современных тюркских языков ротацирующим является только чувашский.

В монгольских языках ротацизм встречается в конце первого слога *s'* общетюркским долгим гласным и в конце непервых слогов после лю-

²⁷ См.: М. А. С а s t r é n, Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, St.-Pb., 1856, стр. 81.

²⁸ См.: «Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб», I, стр. 320, 322.

²⁹ Дж. Клосон склонен рассматривать сопоставление монг.-письм. *dabusun* «соль» с др.-тюрк. *tüz* и монг.-письм. *toγosun* «пыль» с др.-тюрк. *tōz* как случайное (G. C I a u s o n, A postscript to prof. Sinor's «Observations on a new comparative Altaic phonology», «Bull. of the School of Oriental and African studies», XXVII, pt. 1, London, 1964, стр. 155).

³⁰ Согласно предложению Дж. Клосона монг.-письм. *toγosun* «пыль» развилось из др.-тюрк. *toγ* «пыль» (там же, стр. 155).

³¹ О других точках зрения на природу ротацизма см.: G. J. R a m s t e d t, Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, JSFO u, XXXVIII, 1922—1923, стр. 26—32 (Г. Рамстедт возводит *z ~ r* к особому **r'*); O. P r i t s a k, Der «Rhotazismus» und «Lambdazismus», UAJb, 35, fasc. D, 1964, стр. 337—349 (О. Прицак возводит *z ~ r* к сочетанию **rti*); А. Б и и ш е в, Соответствие *-p/-z* в алтайских языках, сб. «Исследования по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965 (в большой группе слов А. Бишев рассматривает *z* и *r* как разные морфологические элементы).

³² Аналогичный процесс происходил в германских языках. «Как известно в сильной позиции, — пишет Э. А. Макаев, — германская фонетическая система допускала лишь глухую (слабую) фонему *s*. В слабой позиции реализовался озвонченный вариант данной фонемы. С течением времени данный вариант (*z*) в отдельных германских диалектах перерастает в особую фонему *R*» (Э. А. Макаев, Некоторые явления системы согласных германских языков с фонологической точки зрения, сб. «Материалы первой научной сессии по вопросам германского языковедения», М., 1959, стр. 50).

бых гласных, преимущественно в интервокальном положении. Следовательно, те условия, которые предопределяли в тюркских языках ослабление конечного *s* и его озвончение, а также переход *z* в *r*, на монгольской почве получили еще более интенсивное выражение.

Ни в одном из древнетюркских текстов, относящихся к VIII—XII вв., ротацизм не встречается, поэтому естественно думать, что ротазирующие формы появились в монгольских языках не позднее VI—VII вв., когда все тюркские племена располагались довольно компактно в бассейне Енисея.

В ряде слов, например, в монг.-письм. *jisün* «цвет лица, вид, масть», др.-монг. *bös* «холст, бязь» (ср. чуваш. *pir*), монг.-письм. *kesü* «бродить, скитаться» (ср. монг.-письм. *kerü* «бродить, скитаться») и т. д., при наличии условий для перехода *z* в *r*, ротацизм не наблюдается. Эти слова были заимствованы после VII—VIII вв. из той диалектной группы тюркских языков, в которой отражения всех аллофонов тюркской фонемы /*s/ сопали в *s*.

В тесной связи с ротацизмом находится ламбдаизм. Др.-тюрк. *äškäk* «осел» соответствует др.-монг. *eljigen*. Ср. также в составе других тематических групп: др.-тюрк. *qorçašin* (~ *qoruγjtn* ~? *qošun*, турецк. *qurşun*, кирг. *qorçoşun*, казах. *qorçasın*) «свинец», *arıš* «оглобля», *taş* «камень», *taṣan* (~ *tavišγan*) «заяц» и, соответственно, др.-монг. *qorγoljin*, *aral*, *čilayun*, *taulaj* (~ *tablqaj*)³³. Строго говоря, ламбдаизм представлен только в пределах трех последних параллелей, так как в др.-монг. *eljigen* «осел» и *qorγoljin* «свинец» тюркскому *š* соответствует не *l*, а сочетание *lj*.

Ламбдаизм — чисто тюркское явление и поэтому др.-монг. *aral*, *čilayun*, *taulaj* следует считать заимствованиями из тех тюркских языков или диалектов, в которых общетюркский *š* после долгого гласного или в конце любого многосложного слова становился слабым, озвончался и подвергался сонантизации. Что касается др.-монг. *eljigen* и *qorγoljin*, которые также должны рассматриваться как несобственные монгольские слова, то в них, с учетом возможности изменения древнетюркского *š* в *j*, вполне вероятно появление *l* на монгольской почве.

Обратим далее внимание на соответствие *n* ~ *j* ~ *j*³⁴, ср. др.-тюрк. *jimγa* «самка дикого горного козла», монг.-письм. *imaγan* (> якут. *imaγa*), др.-монг. *nimaγan*, монг. *jamā*, маньчж. *niman*, эвенк. *imagan*, ороч. *ima* «коза».

В заимствованных словах, относящихся к другим тематическим группам, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках это соответствие охватывает большее количество звуков — *d* ~ *n* ~ *j* ~ *j*. Примеры:

1 (*d*) монг. *del*, бурят. *delhen*, эвенк. (нерч. говор) *džlin*, *džlsun*, маньчж. *delun* «грива», ср. алт. *d'elbek* «лохматый», тув. *čel*, турецк. *jele* «грива»; монг.-письм. *deleb*, маньчж. *delen* «вымя», ср. алт. *d'eli*, узб. *jelin*, кирг. *jelin*; монг.-письм. *dulaγan* «теплый», ср. алт. *d'ilu*, тув. *čiliγ*, узб. (диалект.) *jiliq*, кирг. *jilü*;

2 (*n*) монг.-письм. *nidurγa*, маньчж. *niγan* «кулак», ср. саг. *nuzruq*, хакас. *munzuruγ*, тув. *čuduruq*, якут. *suturuq*, татар. *jədrüq*, кирг. *juduruq*; др.-монг. *nubgasun* «шерсть», ср. тув. *čüh*, кирг. *jün*, др.-тюрк. *jüh*;

3 (*j*) монг.-письм. *jaγa* «воротник», ср. кирг. *jaqa*, узб. *joqa*;

др.-монг. *ja'ay* «орех», ср. кирг. *jaγaq*, узб. *jəγəq*;

др.-монг. *ja'an* «слон», ср. тув. *čän*, алт. *d'an*, др.-тюрк. *jaγan*;

монг.-письм. *jarim* «половина», ср. кирг. *jarim*, тув. *čartiq*, узб. *jarim*;

³³ Другие примеры ламбдаизма, обычно рассматриваемые в специальной алтаистической литературе, весьма случайны, см. нашу рец. на кн.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I—II («Народы Азии и Африки», 1961, 4, стр. 229—230).

³⁴ См.: G. Clauson, The Turkish Y and related sounds, «Studia Altaica. Ural-Altaische Bibliothek», Wiesbaden, 1957, стр. 33—45.

- др.-монг. *jemis* «фрукт», ср. кирг. *jemiš*, тув. *čimis*;
 др.-монг. *jihijin* «фиолетовый», ср. др.-тюрк. *jepkin*;
 монг.-письм. *jil* «год», ср. кирг. *jil*, тув. *čil*, алт. *d'il*, узб. *jil*;
 монг.-письм. *jirüken* «сердце», ср. кирг. *jürök*, тув. *čürek*, алт. *d'ürek*, узб. *jüräk*;
 монг.-письм. *jula* «светильник», ср. тув. *čula*;
 монг.-письм., маньчж. *jalbari-* «молиться, умолять», ср. туркм., др.-тюрк. *jalbar-* «просить, умолять»;
 монг.-письм. *jiruça* «иноходец», маньчж. *joran* «иноходь», ср. кирг. *jorço* «иноходец», турецк. *jorça* «иноходь; иноходец», алт. *d'orço* «иноходец»;
 монг.-письм. *jud* «гололедица и надеж скота от гололедицы», ср. кирг. *jut.*, тув. *čut*, алт. *d'ut*, узб. *jut*;
 4 (j) др.-монг. *jalavači* «посол», ср. др.-тюрк. *jalavač*;
 др.-монг. *jilvi* «волшебство», ср. др.-тюрк. *jelvi*;
 др.-монг. *jirtinčü* «вселенная, мир», ср. др.-тюрк. *jirtinčü* (<?тибет. *jig rten*).

В фонологической системе тюркского праязыка мы восстанавливаем фонему */*θ/*, аллофон которой, выступавший в абсолютном начале слова, имел многообразные рефлексy, ср. азерб. *j*, алт. *d'(t')*, балкарск. *j ~ z*, тув. *č*, чуваш. *ś*, якут. *s*, саг. *n* (при ассимилятивном воздействии последующих носовых согласных), например, азерб. *jol*, алт. *d'ol*, балкарск. *jol ~ zol*, чуваш. *śul*, якут. *suol* «дорога».

В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках оказались зафиксированными отдельные этапы развития **θ*, причем самыми древними заимствованиями следует считать слова с начальными *d* и *n*, более поздними — с *j* и еще более поздними — с *č*.

Разновременность и разноместность заимствований создают иллюзию закономерных фонетических соответствий, однако достаточно указать лишь на одно обстоятельство, чтобы эта иллюзия полностью рассеялась. В тюркской группе в каждом языке или диалекте регулярно представлен один член соответствия (*d*) ~ *n* ~ *j* ~ *č*, в монгольской и тунгусо-маньчжурской группах в одном языке могут выступать одновременно все члены соответствия. Правда, некоторые алтаисты обходят эту трудность произвольным увеличением количества архетипов, что существенно облегчает объяснение многообразных соответствий в пределах одного языка (ср. **r'*, **l'* наряду с **r*, **l*; **d*, **δ* и **t* и т. д.). И то, что разные архетипы в целых группах языков дают одинаковые ряды рефлексов, во внимание не принимается. Хотя случаи разного рода конвергенций не так уж редки, утрата нескольких дифференциальных признаков, образующих коррелятивные оппозиции, без существенных изменений в системе вряд ли возможна.

IV. Основные или исходные компоненты тюрко-монгольских параллелей имеют чаще всего тюркское происхождение, монголо-тунгусо-маньчжурских — монгольское, и, таким образом, процесс заимствования в целом должен быть охарактеризован как направленный от тюркских языков к монгольским, от монгольских к тунгусо-маньчжурским. Причину подобной односторонней результативности процесса взаимодействия много лет тому назад объяснили Б. Я. Владимирцов и Г. Д. Санжеев, отметившие, что развитие культуры в Центральной Азии и на Дальнем Востоке направлялось с запада на восток³⁵.

В самом деле, не только лексика, связанная со скотоводством, но и терминология земледельческой культуры в подавляющем большинстве случаев распространялась в одном направлении. Так, например, монг.-письм. *tarijan* «пашня; посев», маньчж. *tarin* «посев; земледелие»; монг.-письм. *tegermen* «мельница», *elgek* «сито», *buçudaj* «пшеница», *buçay* «го-

³⁵ Б. Владимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, стр. 159; Г. Д. Санжеев, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, стр. 615.

рох», *arba ~ arbaĵ*, маньчж. *arfa* «ячмень» — заимствования из древних тюркских языков, ср. др.-тюрк. *tariġ, tǔgǎrmǎn, ǎlgǎk, buġdaj, burĉaq, arpa*.

Приблизительно также обстоит дело с названиями основных металлов и сплавов, ср.:

Др.-тюрк. (совр. тюрк.)	Др.-монг., монг.-письм.	Тунг.-маньчж.
<i>altun</i> «золото»	<i>altan</i>	маньчж. <i>aisin</i> , эвенк. <i>altan</i>
<i>baġir</i> «медь»	<i>jes ~ jed</i>	эвен. <i>ĉüürmi</i> , эвенк. <i>ĉiĉun</i> , эвен. <i>ĉirit</i> , эвенк. <i>ĉirikte</i>
<i>jǎz ~ jǎz</i> «латунь»	<i>ġaulin ~ ġǎlin</i> , <i>ġǎli</i>	эвен. <i>gigan</i> «латунь», маньчж. <i>giowan</i> «медь»
<i>tuĉ</i> (турецк. <i>tunĉ</i> ; казах. <i>gola</i> , хакас. <i>xola</i>) «бронза»	<i>kürel, ġolani</i>	—
<i>qorġašin</i> «свинец»	<i>qorġoljin</i>	эвен., эвенк. <i>tūj ~ tūja</i> «сви- нец, олово»
<i>kūmāš</i> «серебро»	<i>möhgün</i>	маньчж. <i>meġgün</i> , негид. <i>mǎgün</i>
<i>bolat</i> «сталь»	<i>bolad, ġaq</i>	маньчж. <i>ġahan</i> , негид. <i>gan</i>
<i>ġügürt</i> «сера»	<i>kükür</i>	маньчж. <i>xürkü</i>
<i>temir</i> «железо»	<i>temür</i>	маньчж. <i>sele</i> , эвенк. <i>sele</i> , эвен. <i>hel</i>
<i>ĉoj</i> «чугун»	<i>širem</i>	—

Слово *altun (altan)* «золото» не этимологизируется ни в тюркских, ни в монгольских языках и вполне реальна возможность его связи с кит. *tun* «медь» (*al-tun*)³⁶. Эвенк. *altan* «золото» заимствовано из бурятского языка. Др.-монг. *jes* «медь» < др.-тюрк. *jǎz ~ jǎz*. Монг.-письм. *qorġoljin* «свинец» так относится к др.-тюрк. *qorġašin*, как монг.-письм. *elġigen* «осел» к др.-тюрк. *ǎškäk*. Эвен. *tūja* «олово» <? монг.-письм. *tūlġa(n)*, маньчж. *meġgün* «серебро» < монг.-письм. *möhgün*. Др.-тюрк. *bolat* «сталь», *ġügürt* «сера» и, соответственно, монг.-письм. *bolad, kükür*, а также маньчж. *xürkü* «сера» — персидского происхождения, ср. перс. *pulad*³⁷, *ġügürt*. Традиционное направление заимствований (с запада на восток) нарушается лишь в одном-двух случаях: монг.-письм. *ġaq*, маньчж. *ġagan* «сталь» < кит.; казах. *gola*, др.-монг. *ġolani* «бронза» <? кит.; др.-тюрк. *tuĉ*, турецк. *tunĉ* «бронза» <? кит.

Выплавка и обработка металлов с давних времен были характерной чертой хозяйственной деятельности тюрков Алтая. Не случайно «центральноазиатская молва» назвала их «плавильщиками»³⁸. Косвенно об этом свидетельствует также само название Алтая в текстах рунической письменности VIII в. (*Altun jiš* буквально: «Золотая чернь»).

Интенсивная добыча железа на Алтае началась в V—VI вв. Как раз этим временем датируется сообщение о том, что тюрки, живущие в горах Алтая, платят дань жуань-жуаням, одному из монгольских племен, железом³⁹. И именно в это время могло быть заимствовано монголами соответ-

³⁶ У Г. Рамстедта: **al-ton*, ср. др.-тюрк. *al* «алый, розовый», корейск. *ton* «благородный металл» (G. J. R a m s t e d t, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, стр. 151).

³⁷ Ср.: Ф. Е. Корш, Некоторые персидские этимологии, «Древности Восточные», IV, М., 1913, стр. 5.

³⁸ См.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 495, 506, 515, 522.

³⁹ Там же, стр. 495.

ствующее слово (*temir*)⁴⁰. Характерно, что на среднем Енисее, в Монголии и Китае железо распространялось довольно поздно⁴¹.

Бронза появилась в Центральной Азии намного раньше железа и значительно раньше возникновения контактов между тюрками, монголами и тунгусо-маньчжурами. Очевидно, только этим объясняется отсутствие одинаковых наименований бронзы в разных группах алтайских языков.

Напомним, что и распространение письменности, являющейся наиболее концентрированным выражением культуры, в основном шло с запада на восток, ср. адаптацию согдийского письма уйгурами, уйгурского письма монголами, монгольского — маньчжурами.

В заключение необходимо отметить, что тюркские языки, «поставляя» монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам собственную лексику, являлись вместе с тем своеобразной перевалочной базой для слов, заимствованных из древних индоевропейских языков Средней Азии и Восточного Туркестана: тохарского, согдийского и других. Есть основания думать, что в этих районах, начиная приблизительно с V в., тюркские племена приобщались к оседлой земледельческой культуре (ср. дореволюционное наименование уйгуров в Восточном Туркестане — *taranči* буквально: «земледельцы»), и, пожалуй, бесспорно то, что из всего древнего алтайского мира только тюркские племена могли иметь непосредственные контакты с индоевропейцами⁴².

*

На основании всего изложенного должен быть сделан следующий вывод: объем лексических связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками весьма значителен, однако природа и характер их таковы (обусловленность контактами и отчетливо выраженная региональность), что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным⁴³.

⁴⁰ Ошибочно рассматривая начальный тюркский *t* как вторичный звук (<*d), Г. Дёрфер относит монг. *temir* к числу довольно поздних заимствований из тюркских языков (G. Doerfer, *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, I, стр. 100).

⁴¹ См.: С. В. Киселев, указ. соч., стр. 319.

⁴² См.: W. Winter, *Tocharians and Turks*, сб. «Aspects of Altaic civilization», Bloomington, 1963, стр. 239—254; A. J. van Winkelen, *Sur quelques mots tokhariens provenant de langues asiatiques indo-européennes et non-indo-européennes*. «Orbis», XIII, 2, 1964, стр. 595.

⁴³ Выражаю искреннюю благодарность О. А. Константиновой, В. Д. Колесниковой и К. А. Новиковой за помощь, оказанную в процессе работы над статьей.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. А. КРЕЙНОВИЧ

ОБ ИНКОРПОРИРОВАНИИ И ПРИМЫКАНИИ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

Инкорпорирование представляет собой одно из языковых явлений, не получивших однозначного решения в трудах языковедов¹; любопытно, что данные, приводимые для подтверждения противоположных взглядов на инкорпорирование, не кажутся достаточными автору обзора советских исследований по палеоазиатским языкам, появившихся в послевоенный период, а самый спор об инкорпорировании представляется ему носящим «чисто терминологический характер»².

В связи с тем, что в настоящее время В. З. Панфиловым полностью опубликована его «Грамматика нивхского языка»³, можно подвести некоторые итоги и показать, что этот спор носит не терминологический, а теоретический характер.

Для того чтобы были ясны факты, с позиций которых мы относим нивхский язык к числу инкорпорированных языков, нам придется в очень кратких чертах изложить свое понимание его строя.

Нивхский язык, как и любой другой язык, в качестве своих строевых единиц имеет фонемы, морфемы и слова. Все эти строевые единицы нивхского языка варианты. Эта вариантность проявляется в следующем.

Смычные и щелевые согласные в нивхском языке характеризуются следующей системой чередований:

Чередования начальных смычных имен существительных		Чередования начальных щелевых переходных глаголов	
$n \sim v \sim b \sim \phi$	$n' \sim \phi$	$v \sim n \sim b \sim \phi$	$\phi \sim n'$
$m \sim r \sim d \sim r$	$m' \sim r$	$r \sim m \sim d \sim r$	$r \sim m'$
$t' \sim z \sim d' \sim c$	$ч' \sim c$	$z \sim t' \sim d' \sim c$	$c \sim ч'$
$k' \sim \gamma \sim g \sim x$	$k' \sim x$	$\gamma \sim k \sim g \sim x$	$x \sim k'$
$\kappa' \sim b \sim g \sim \chi$	$\kappa' \sim \chi$	$b \sim \kappa \sim g \sim \chi$	$\chi \sim \kappa'$

Особняком стоит чередование $j \sim h$.

Начальные щелевые имен существительных и начальные смычные глаголов, как правило, не чередуются.

¹ Ср.: В. З. Панфилов, К вопросу об инкорпорировании, ВЯ, 1954, 6; его же, Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке, ВЯ, 1960, 6; его же, Письмо в редакцию, ВЯ, 1963, 6, с одной стороны, а с другой — Е. А. Крейнович, Об инкорпорировании в нивхском языке, ВЯ, 1954, 6; Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, Фонетическая характеристика различных типов синтаксических сочетаний в нивхском языке, ВЯ, 1962, 4.

² D. W o r t h, Paleosiberian, в кн.: «Current trends in linguistics», ed. by T. A. Sebeok, The Hague, 1963, стр. 370.

³ В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, М.—Л., 1962; ч. 2, М.—Л., 1965.

Основная фонема, стоящая в начале слова, при употреблении этого слова в словокомплексах чередуется с другими фонемами, которые при этом нейтрализуются в своей смысловозначительной функции, см. *t'aqo* «нож», *n'zaqo* «мой нож», *id'aqo* «его нож», *n'saqo* «свой нож». Фонетические варианты слова *t'aqo* — *zaqo*, *-d'aqo*, *-saqo*, изъятые из окружения других морфем, самостоятельно не выражают значения «нож». В ряду словокомплексов, образованных от слова *paq* «камень» — *n'vaq* «мой камень», *ibaq* «его камень», *n'faq* «свой камень», словокомплекс *n'vaq* «мой камень» может совпасть со словокомплексом *n'vaq* «мой мох», где *vaq* выступает как отдельное слово со значением «мох». В данном случае в словах *paq* «камень» и *vaq* «мох» начальные согласные выступают как разные фонемы, в то время как в словокомплексе *n'vaq* «мой камень» звук *-v-* выступает как альтернант начальной фонемы *n* в слове *paq* «камень».

Позиция максимального смысловозначения в словах нивхского языка преимущественно расположена в начале слова. Противопоставляются такие фонологические признаки, как придыхательность — непридыхательность, звонкость — глухость, смычность — щелинность: *pal* «гора», *n'al* «пол»; *vad'* «драться», *fad'* «надевать наголенники»; *tu* «озеро», *t'u* «нарта»; *rod'* «помогать», *rod'* «носить» и т. д.

Чередования согласных пронизывают всю морфологию нивхского языка. Они имеют морфологический характер — используются в языке для различения и дифференциации ряда имен существительных и переходных глаголов, а также переходных и непереходных глаголов: *n'uf* «пила», *fuvd'* «пилить»; *tyt's* «скребок», *rytt'* «скоблить»; *vykd'* «потерять», *nykd'* «потеряться»; *zokt'* «сломать», *t'okt'* «сломаться» и т. д.

Чередования согласных изменяют звуковую оболочку морфем, в связи с чем последние имеют алломорфы: так, например, аффиксальная морфема мн. числа представлена алломорфами *-ku* ~ *-γu* ~ *-gu* ~ *-xu*, показатель совместности дв. числа — алломорфами *-kə* ~ *-γə* ~ *-gə* ~ *-xə*, показатель совместности мн. числа — алломорфами *-ko* ~ *-γo* ~ *-go* ~ *-xo*, показатель направительного падежа — алломорфами *-toq*, *-roq*, *-doq* и т. д.

Чередования согласных обуславливают также наличие фонетических вариантов слов. Слова в нивхском языке делятся на свободные и несвободные варианты. Приводим примеры:

Варианты имен существительных

свободные	несвободные
<i>nos</i> «материя»	<i>-vos</i> , <i>-bos</i> , <i>-fos</i> , <i>-vos-</i> , <i>-bos-</i> , <i>-fos-</i> ,
<i>tyf</i> «дом»	<i>-ryf</i> , <i>-dyf</i> , <i>-rye-</i> , <i>-dye-</i>
<i>t'us</i> «мясо»	<i>-zus</i> , <i>-d'us</i> , <i>-sus</i> , <i>-zuz-</i> , <i>-d'uz-</i> , <i>-suz-</i>
<i>ki</i> «обувь»	<i>-γи</i> , <i>-ги</i> , <i>-хи</i>
<i>qan</i> «собака»	<i>-qan</i> , <i>-gan</i> , <i>-qan</i>
<i>haq</i> «шапка»	<i>-aq</i>

В приведенных примерах несвободные варианты слов представлены одними лишь фонетическими вариантами, за исключением слова *-aq* «шапка» (ср. *n'aq* «моя шапка»), который может рассматриваться как морфологический вариант слова *haq* «шапка». Однако в именах существительных подобные случаи единичны. В других же частях речи несвободные варианты слов представлены как раз морфологическими вариантами, образующимися вследствие утраты свободными словами своих аффиксов. Приведем примеры:

Варианты личных местоимений		Варианты указательных и других местоимений	
свободные	несвободные	свободные	несвободные
<i>н'и</i> «я»	<i>н'.</i> ⁴	<i>тыд'</i> «этот» (ближний)	<i>ты-</i>
<i>ч'и</i> «ты»	<i>ч'.</i>	<i>һыд'</i> «тот» (подальше)	<i>һы-</i>
<i>иҫ</i> «он»	<i>и-, в-</i>	<i>јаҫод'?</i> «какой?»	<i>јаҫо-</i>
<i>н'и</i> «себя»	<i>н'.</i>	<i>тоҫад'</i> «такой»	<i>тоҫа-</i>

Варианты непереходных глаголов		Варианты качественных глаголов	
свободные	несвободные	свободные	несвободные
<i>прыд'</i> «пришел»	<i>пры-</i>	<i>мат'кид'</i> «быть маленьким»	<i>мат'ки-, мат'-</i>
<i>һ'од'</i> «спал»	<i>һ'о-</i>	<i>урд', урлад'</i> «быть хорошим»	<i>урла-</i>
<i>порд'</i> «лежал»	<i>пор-</i>	<i>паҫд', паҫл'ад'</i> «быть красным» ⁵	<i>паҫла-</i>

Варианты переходных глаголов

свободные	несвободные
<i>зуд'</i> «мыть»	<i>-т'уд' ~ -д'уд' ~ -суд'; зу- ~ -т'у- ~ -д'у- ~ -су-</i>
<i>сид'</i> «класть»	<i>-ч'ид'; -си- ~ -ч'и-</i>
<i>иҫмд'</i> «давать кому-либо»	<i>-к'имд' ~ -химд'; иҫм- ~ -к'им- ~ -хим-</i>
<i>индыд'</i> «видеть что-либо»	<i>-нр ыд'; инды- ~ -нры-</i>
<i>эвд'</i> «держатъ»	<i>-вод' ~ -бод' ~ -под'; эв- ~ -во- ~ -бо- ~ -по-</i>
<i>эспт'</i> «колоть»	<i>-ч'эвд' ~ -с'эвд'; эсп- ~ -ч'эв- ~ -с'эв-</i>
<i>јард'</i> «кормить»	<i>-ард'; ја-р- ~ -ар-</i>
<i>јэд'</i> «варить»	<i>-һэд'; јэ- ~ -һэ-</i>

Обзор приведенных фактов показывает, что образование несвободных вариантов слов, не принадлежащих к разряду имен существительных, связано с опущением одного из трех морфологических показателей: 1) суффикса *-и* в личных и возвратных местоимениях; 2) суффикса *-д'*, на который оканчиваются все глаголы и некоторые разряды местоимений; 3) местоименных показателей объекта *и-, э-, ј-*. Образование несвободных вариантов этих слов, кроме того, связано еще с чередованием начальных согласных *ј ~ һ*.

Что представляют собой с точки зрения их морфологической структуры свободные и несвободные варианты слов?

Свободные варианты имен существительных представлены нечленимыми корневыми словами. Следовательно, каждое такое слово представлено корневой морфемой, а несвободные фонетические варианты такого слова представляют собой алломорфы корневой морфемы. Свободные слова других частей речи — местоимений и глаголов — относятся к членимым словам, в составе которых выделяются корневые и аффиксальные морфемы. Несвободные варианты таких слов образуются вследствие того,

⁴ Конечный *-и* личных местоимений, возможно, представляет собой какой-то словообразовательный суффикс, ср.: *һави* «сверток», *һадд'* «завернуть».

⁵ Качественные глаголы представляют собой особую лексико-семантическую группу глаголов, которая в свою очередь разделяется на семантические группы, обозначающие физические свойства предметов, цвета, вкусовые качества, качества людей и др. Важнейшие физические свойства предметов имеют очень четкие обозначения. В связи с этим имеются, например, разные слова для выражения значения «одинаковый» — *һыкыд'* (по длине), *выкыд'* (по оконечности), *гул'кид'* (по высоте), *вэр-ркэд'* (по ширине), *раҫад'* (по толщине), *һыкыд'* (по форме), *рурҫуд'* (по внешности), *һар-лид'* — одинаковый (вообще). В числе обозначений цветов имеются разные слова, выражающие значения «белый» — *чаңд'* (о собаке, лошади), *һонуд'* (о матери), *тоғд'* (о муке, лице человека), *һалһал'ад'* (о бумаге) — последнее имеет также значение «светлый» и т. д. При помощи каузативно-децентричных форм качественных глаголов на *-кут-, -кур-, -гут-, -гур* выражаются значения качественных наречий, однако относить эти формы слов к качественным наречиям нет оснований. Качественные глаголы вихвского языка заслуживают специального исследования и описания.

что свободные слова утрачивают один из своих аффиксов и предстают в усеченном виде, либо утрачивают все свои аффиксы. В последнем случае они оказываются представленными корневыми морфемами, либо вторичными основами, как, например, основы качественных глаголов на *-ла-*. Однако если в именах существительных алломорф равен исходной корневой морфеме, которая совпадает с законченным и цельнооформленным словом, то в членимых словах корневая морфема и ее алломорфы не тождественны исходному свободному слову, так как последнее состоит не из одной корневой морфемы, но из корневой и аффиксальных морфем.

Естественно возникает вопрос: в каких условиях выступают свободные и несвободные варианты слов в нивхском языке?

Свободные варианты слов выражают присущее им значение вне всякой зависимости от контекста, представляя собой законченные и целостные звуковые сигналы, несущие информацию о том или ином явлении действительности. Несвободные варианты слов зависят целиком от контекста и без него не представляют собой слов (т. е. законченных и целостных звуковых сигналов). Свободные варианты слов реализуются на лексическом и синтаксическом уровнях, а несвободные — на синтаксическом.

Рассмотрим на конкретных примерах функцию свободных и несвободных вариантов слов в определительных словокомплексах.

В нивхском языке имеются следующие типы определительных словокомплексов: 1) имя существительное + имя существительное: *ытык-рыф* «дом отца», *ытык-му* «лодка отца» (*ытык* «отец», *тыф* «дом», *му* «лодка»); 2) личное местоимение + имя существительное: *н'рыф* «мой дом», *н'му* «моя лодка», *н'ың-дыф* «наш дом», *н'ың-му* «наша лодка» (*н'и* «я», *н'ың* «мы»); 3) указательное местоимение + имя существительное: *һы-дыф* «тот дом», *һы-му* «та лодка» (*һыд'* «тот»); 4) вопросительное местоимение + имя существительное: *јабо-дыф?* «какой дом?», *јабо-му?* «какая лодка?» (*јабод'* «какой?»); 5) определительное местоимение + имя существительное: *тоба-дыф* «такой дом», *тоба-му* «такая лодка» (*тобад'* «такой»); 6) качественный глагол + имя существительное: *мат'ки-дыф* «маленький дом», *мат'ки-му* «маленькая лодка» (*мат'кид'* «быть маленьким»); *урла-дыф* «хороший дом», *урла-му* «хорошая лодка» (*урд'* «быть хорошим»); 7) непереходный глагол + имя существительное: *т'осқ-дыф* «сломанный дом», *т'осқ-му* «сломанная лодка» (*т'осқт'* «сломаться»); 8) переходный глагол + имя существительное: *зоқ-дыф* «сломанный дом» (имеется в виду, что он кем-то сломан); *зоқ-му* «сломанная лодка» (*зоқт'* «сломать»).

Рассмотрим структуру словокомплексов, определительный компонент которых характеризуется опущением суффикса *-д'* соответствующего цельного слова. Так, например, указательное местоимение *һыд'* «тот» распадается на две морфемы — корневую *һы-* и аффиксальную *-д'*, причем значение *һы-* — морфемы с вещественной частью слова — мы вынуждены воспринимать как нечто данное, значение же аффиксальной морфемы *-д'* подлежит выяснению. Нижеприводимое сопоставление способствует ее объяснению: *һыд'-рыф* «того дом» и *һы-дыф* «тот дом». В первом случае аффикс *-д'* в определении *һыд'* — указывает на отношение дома к лицу, а во втором случае, где в качестве определения выступает одна корневая основа *һы-*, лишняя аффикса *-д'*, она указывает на то, что определяемому присущ известный признак⁶.

⁶ В. З. Панфилов, Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке, ВЯ, 1960, 6, стр. 56, где указывается, что в роли определения слова на *-д'* и без него «противопоставляются друг другу... как разные формы слова». Однако они в таких случаях выступают как основы разных слов, ср.: *му-ниг* «умерший человек» и *мудьны* «умершего вещи».

Таким образом, можно утверждать, что аффиксальная морфема *-d'* во всех словах, которые она оформляет, выражает либо обобщенное представление о носителе статического признака, либо такое же обобщенное представление о субъекте процессуального признака (корневая морфема, выступая в соединении с аффиксальной морфемой *-d'*, во всех случаях как бы служит определением к этому местоименному обобщенному показателю). В связи с этим обобщенный показатель в любой момент может быть заменен именем конкретного носителя признака либо конкретного субъекта действия; например:

<i>hyd'</i> «тот»	<i>mat'kid'</i> «быть маленьким»	<i>n'ryd'</i> «пришел»
<i>hynixx</i> «тот человек»	<i>mat'kixnixx</i> «маленький человек»	<i>n'rynixx</i> «пришедший человек»
<i>hygan</i> «та собака»	<i>mat'kixgan</i> «маленькая собака»	<i>n'rygan</i> «пришедшая собака»

Аффиксальная морфема *-d'*, замещенная во всех приведенных словокомплексах конкретными именами существительными, получает в них как бы свое развернутое и конкретное выражение.

Из изложенного неизбежно вытекает следующий вывод: если *hyd'*, *mat'kid'* и *n'ryd'* — слова, то образованные при их помощи словокомплексы, в которых суффикс *-d'* замещен конкретными именами существительными, также представляют собою слова, но только не простые, а сложные, состоящие из двух корневых морфем. В нивхском языке такое сложное слово представляет собой единицу не словарного (лексического) уровня, а уровня синтаксического, в связи с чем такие сложные слова и называются словокомплексами.

Перед одним определяемым может стоять несколько определений. При этом некоторые из них могут сливаться с впереди стоящим определением в один словокомплекс, а некоторые, обычно однородные определения, стоят обособленно от словокомплекса: *n'mu* «моя лодка», *ur'a-mu* «хорошая лодка», *ur'a nil'a-mu* «хорошая большая лодка» (*nil'ad'* «быть большим»), *n'ur'a nil'a-mu* «моя хорошая большая лодка» и т. д. Обособленность второго однородного определения объясняется тем, что оно не может непосредственно слиться с определяемым именем существительным, поскольку с ним уже слилось другое однородное определение. Поэтому язык и поместил его в виде несвободного варианта слова впереди первого однородного определения, так как иных средств обозначения связи этих определений с одним определяемым не оказалось. Для связи же однородных прямых дополнений с глаголом-сказуемым нивхский язык нашел иные средства (см. ниже).

В роли определений к определяемому имени существительному выступают главным образом несвободные варианты слов, представленные основами слов, в связи с чем они соединяются с определяемым словом в один словокомплекс. Имена существительные также выступают в роли определений только в виде основы (хотя внешне они совпадают с законченными словами), что обуславливает их слияние с определяемым словом в один словокомплекс. В строго обусловленных случаях при этом происходит чередование начального согласного в определяемом слове, что является внешним выражением этого слияния. В тех же случаях, когда такого чередования не происходит, можно предположить наличие слияния определения с определяемым словом воедино, поскольку все явления в нивхском языке располагаются системно.

Рассмотрим теперь вопрос о взаимоотношении свободных и несвободных вариантов слов, выступающих в роли прямого дополнения и сказуемого — переходного глагола.

В качестве прямых дополнений в нивхском языке выступают имена существительные, числительные, личные, указательные, вопросительные и определительные местоимения, глагольные имена, оканчивающиеся на *-d'*, имена пространства.

Все слова, выступающие в функции прямого дополнения, внешне, по своей форме, совпадают со свободными вариантами слов; исключение составляют личные местоимения ед. числа *n'u* «я», *ч'u* «ты», *иф* «он» и возвратное местоимение *n'u* «себя», которые выступают в позиции прямого дополнения в усеченном виде. Что же касается переходных глаголов-сказуемых, имеющих при себе местоименный показатель объекта, то они при прямых дополнениях выступают именно в несвободных своих вариантах. Ср. к примеру: *нивү иүд'* «человек убил», но *нивү нивх-к'үд'* «человек человека убил»; *к'отр индыд'* «медведь увидел», но *к'отр к'отр-нрыд'* «медведь медведя увидел»; *о: л'а эд'* «ребенок держит», но *о: л'а о: л'а-бод'* «ребенок ребенка держит»; *ранр зад'* «сестра побила», но *ранр n'ранр-т'ад'* «сестра сестру побила».

Возникает вопрос: почему имена существительные *нивх* «человек», *к'отр* «медведь», *о: л'а* «ребенок» и *ранр* «сестра» не вызывают изменения глагольного сказуемого, когда они выполняют функцию подлежащего, и почему они вызывают его изменение, когда стоят перед сказуемым в позиции прямого дополнения?

Ответить на этот вопрос позволяет анализ морфологической структуры глагола *иүд'* «убить». Этот глагол членится на три морфемы *и-γ-д'*. Первая морфема — местоименный показатель объекта 3-го лица ед. числа «его», она образована от личного местоимения *иф* «он». Вторая, *-γ-*, представляет собой корневую морфему с вещественным значением «убить», а третья, *-д'*, является аффиксальной морфемой, которая указывает на обобщенного производителя действия. Следовательно, глагол *иүд'* «убить» буквально означает «его-убивать-некто». Каждая из аффиксальных морфем, обозначающих «его» или «некто», может быть конкретизирована соответствующим именем существительным. В примере *нивү иүд'* «человек убил» имеется в виду: «он что-то убил»; конкретный объект действия при этом не указывается — он обозначен местоименным показателем объекта *и-*. В предложении *нивх ч'о-хүд'* «человек рыбу убил» указывается конкретный объект действия (рыба), в связи с чем надобности в обобщенном показателе объекта нет — его вытесняет конкретное имя существительное, занявшее его место. В роли прямого дополнения к глаголу *иүд'* «убить» может стоять любое имя существительное, обозначающее какое-либо животное: *нивү л'анр-к'үд'* «человек нерпу убил», *нивх к'отр-к'үд'* «человек медведя убил» и т. д. Конечный суффикс *-д'* глагола *иүд'* также может быть заменен именем существительным, обозначающим субъект действия, например, *ч'охунивх* «рыбу убивший человек», *л'анрк'унивх* «нерпу убивший человек» и т. д.

В строении глагола *иүд'* «убить» и образования типа *ч'охунивх* «рыбу убивший человек» можно проследить морфологический параллелизм:

<i>и</i>	<i>-γ-</i>	<i>д'</i>	«убить» («его-убить-некто»)
<i>ч'о</i>	<i>-хү-</i>	<i>нивх</i>	«рыбу-убивший-человек»
<i>л'анр</i>	<i>-к'ү-</i>	<i>нивх</i>	«нерпу-убивший-человек»

Для того чтобы параллелизм этих образований стал еще более очевидным, укажем, что в говоре селения Чайво на о. Сахалине глаголу *иүд'* «убить» амурского диалекта соответствует форма *иүуд* «убить», которая была там записана нами в 1926 г. Указанный глагол с корневой морфемой *-γү-* объясняет, почему в амурском диалекте в вариантах корневой морфемы *-γ-* глагола *иүд'* «убить» восстанавливается гласный *-ү-*. Установив таким образом тождество вариантов корневой морфемы *-γ-~хү-*

~к'у⁷, нетрудно понять, что местоименный префикс и- «его» глагола иγδ' «убить» замещен в рассматриваемых образованиях именами существительными ч'о «рыба» и л'аңр «нерпа», обозначающими конкретный объект действия, а конечный показатель -δ' со значением неопределенного субъекта действия замещен в них словом нивх «человек». Таким образом, между анализируемым словом иγδ' и образованиями типа ч'оxунивх устанавливается следующее соотношение морфем:

аффиксальная морфема + корневая морфема + аффиксальная морфема
корневая морфема + корневая морфема + корневая морфема

Произведенный анализ позволяет заключить: если глагол иγδ' «убить» представляет собой слово, то и образования ч'оxунивх «рыбу убивший человек», л'аңрк'унивх «нерпу убивший человек» следует признать словами, но не простыми словами (как глагол иγδ'), а сложными словами, поскольку подобные образования состоят из трех корневых морфем, из которых крайние — первая и третья — корневые морфемы заместили собой крайние аффиксальные морфемы и- — -δ' глагола иγδ'. Этот вывод неоспорим вследствие точного соотношения компонентов, образующих, с одной стороны, простые, а с другой стороны, сложные слова. Однако эти сложные слова являются не словарными, а синтаксическими единицами (каждый из образующих их компонентов подвижен и легко может быть замещен другим — к'отрк'унивх «медведя убивший человек», нивхж'уқ'отр «человека убивший медведь» и т. д.), или иначе говоря — словокомплексами.

Обратим теперь внимание на следующие факты:

и γ δ'	«убил»
и γу δ	«убил»
ч'о- ху- δ'	«рыбу убил»
л'аңр- к'у- δ'	«нерпу убил»
ч'о- ху- нивх	«рыбу убивший человек»
л'аңр- к'у- нивх	«нерпу убивший человек»
ч'оxо л'аңржо- к'у- нивх	«рыб и нерп убивший человек»
н'и ч'оxо л'аңржо- гир јэскиδ'	«я рыб и нерп продал» (дословно: «я рыбами и нерпами продал»)

Из этих фактов можно видеть, что корневая морфема -к'у- наподобие слова может вступать в синтаксические отношения с двумя прямыми дополнениями, связанными соединительными суффиксами -γо ~ -жо (ч'оxо л'аңржо). Из этого обстоятельства как будто бы можно было сделать вывод, что -к'у- это не корневая морфема, а слово. Однако вывод этот был бы поспешен, так как в последнем примере те же самые слова ч'оxо л'аңржо соотношены с одним суффиксом твор. падежа -гир. Если соединительные суффиксы -γо ~ -жо в нивхском языке способны соотносить два имени существительных с одной аффиксальной морфемой, следовательно, они могут соотносить их и с одной корневой морфемой, а это значит, что у нас нет никаких формальных оснований для отождествления корневой морфемы к'у с отдельным цельнооформленным словом. Если же произвести такое отождествление, то необходимо признать за слово и суффикс твор. падежа -гир, что невозможно.

⁷ Говоря о тождестве, отметим, что алломорфы корневой морфемы -γ ~ -ху ~ ~к'у- выражают значение «убить» на лексическом уровне только в составе слова иγδ' «убить» либо на синтаксическом уровне в окружении других основ, с которыми они сливаются. Вне этих условий они не несут никакой информации и не ассоциируются с какими-либо значениями за исключением тех редких случаев, где они внешне совпадают со звуковыми комплексами, образующими другие слова.

Уже в своих первых работах по нивхскому языку мы указывали, что прямое дополнение может сливаться с глаголом не только в виде чистой основы, но и при оформлении ее некоторыми словообразовательными компонентами — послелогоми, суффиксом мн. числа, соединительными суффиксами. В качестве иллюстрации приводился следующий пример: *н'и п'ытхин п'ымхин-ху- мил'к-нанхт виивунт* (с. д.) „я моего (своего) отца и мою (свою) мать убившего злого духа искать иду“; *н'и* „я“, *п'и* „себя“, *ытк* „отец“, *ымк* „мать“, *-хин...-хин* „и — и“ — соединительный суффикс однородных подлежащих и дополнений, *иуд* «убить», *мил'к* „злой дух“, *нанхт* „искать; охотиться“, *-т-* — суффикс соединительного деепричастия, *ви-иву-нт* „ходить“⁸. Здесь мы снова встречаемся с корневой морфемой *-ху-* «убить», но к ней в этом предложении, взятом из сказки, относится не одно, а два прямых дополнения, связанных соединительными суффиксами *-хин.. -хин*. Одно из дополнений, оформленных суффиксом *-хин*, мы соединили при помощи дефиса с глаголом, а другое не соединили.

Необходимо указать, что в своих статьях и учебниках на нивхском языке мы при помощи дефиса соединяли сливающиеся члены предложения — определение с определяемым и прямое дополнение с глаголом. Однородные определения, не стоящие непосредственно перед определяемым словом, и однородные дополнения, не стоящие непосредственно перед переходным глаголом, мы не соединяли с другими словами при помощи знака дефиса, располагая их тем самым вне комплекса. Изучение этих явлений мы оставляли для задуманной, но в силу обстоятельств не осуществленной работы по синтаксису нивхского языка. Однако и тогда и сейчас для нас было ясно, что такие структуры, сложившиеся в результате развития языка, представляют собой особую область исследования. К тому же они не опровергают того неоспоримого факта, что когда перед переходным глаголом стоит одно прямое дополнение, а перед определяемым — одно определение, то они соединяются друг с другом в словокомплексе. Таким образом, уже из наших давних публикаций явствовало, что однородное дополнение и однородное определение как бы обособляются от комплекса. Учтя эти материалы, В. З. Панфилов сделал из них вывод, что комплексов в нивхском языке вообще не существует и что все эти компоненты представляют собою не основы слов, а законченные слова. Так, В. З. Панфилов пишет: *«ни п'ытхин п'ымхин-ху-милк- н'анхт виивунт* (в. с. д.) „Я моего отца и мою мать убившего чёрта искать пойду“. Основа глагола *иуд* „убить.“ (*-ху*), являясь причастием, выступает определением к слову *милк* „чорт“ и „инкорпорировается“ им. Но тем не менее к ней относятся два прямых дополнения *п'ытхин* „мой отец“ (*хин* — соед. суфф.), *п'ымхин* „моя мать“ (*хин* — тот же суфф.), последнее из которых „инкорпорировается“ ею. Первое же пр. доп. выступает в предложении самостоятельно и ведущий компонент „инкорп. компл.“ *ху* продолжает сохранять с ним синт. связь»⁹.

На основании этого и других аналогичных примеров (многие из них взяты из наших работ) В. З. Панфилов приходит к заключению, что „инкорпорированный комплекс“ в нивхском языке... ничем не отличается от словосочетаний обычного типа, а его компоненты — от слов: компоненты „инкорпорированного комплекса“ не только находятся в определенных синтаксических отношениях друг к другу, но они — что еще более существенно для понимания природы этого явления и что до недавнего време-

⁸ Е. А. Крейнович, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, М.—Л., 1937, стр. 33.

⁹ В. З. Панфилов, Нивхские количественные числительные. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953, стр. 8.

ни не отмечалось — вступают в синтаксические связи со словами, находящимися вне „инкорпорированного комплекса“¹⁰.

В вышеприведенном примере, как было уже показано, компонент *-ху-*, представляющий собой корневую основу слова, выражает значение «убить» только на синтаксическом уровне. Вне же синтаксического уровня это пустое сочетание звуков, не несущее никакого значения, в связи с чем отождествлять словокомплекс со словосочетаниями русского и других языков абсолютно невозможно, ибо словокомплекс и словосочетание представляют собою разные технические способы выражения одного и того же значения, что можно продемонстрировать даже на фактах нивхского языка.

В нивхском языке выделяется небольшое число переходных глаголов, которые не изменяются при прямом дополнении. Сравним два глагола (сахалинский диалект): *ихнд* «убить» (соответствует глаголу *иүд'* «убить» в амурском диалекте) и *ит'инд* «зажечь огонь»; *н'и ца-хунд* «я зверя убил», но *н'и т'у үр ит'инд* «я огонь разжег». В первом случае под влиянием прямого дополнения *ца* «зверь» в глаголе *ихнд* «убить» выпал местоименный показатель объекта *и-*, в результате чего образовался инкорпорированный словокомплекс *ца-хунд*. Во втором же случае глагол *ит'инд* «зажечь огонь» не изменился под влиянием прямого дополнения *т'у үр* «огонь», и не утратил своего начального *и-*, в связи с чем здесь образовалось словосочетание. Такие редкие случаи, встречающиеся в нивхском языке, служат не только наглядной иллюстрацией различных технических приемов инкорпорирования и примыкания, но они доказывают также беспорность наличия инкорпорирования в нивхском языке¹¹.

Исходя из отождествления словокомплекса со словосочетанием, В. З. Панфилов приходит к неверным методологическим установкам при изучении слова в нивхском языке.

Так, он утверждает, что «слово не является единицей ни фонетического, ни морфематического уровня, и ни один из признаков этих уровней не является релевантным для слова»¹². Кроме того, он утверждает, что «слово как лексико-грамматическая языковая единица характеризуется в отличие от морфемы (или компонента сложного слова) относительно самостоятельным значением и способностью выразить понятие в линейном синтагматическом ряду, а в отличие от словосочетания (свободного) — семантической цельностью...»¹³.

Правильность теоретических положений всегда проверяется опытом. Перейдем к фактам:

<i>үэд'</i> «купил»	<i>н'и нух-кэд'</i> «я иглу купил»	<i>кэд'</i> «растянулось»
<i>р'ад'</i> «изжарил»	<i>н'и т'ус-т'ад'</i> «я мясо изжарил»	<i>т'ад'</i> «дышал»
<i>ээд'</i> «сказал кому-нибудь»	<i>н'и п'ранр-к'ээд'</i> «я своей сестре сказал»	<i>к'ээд'</i> «ловил сетью рыбу»
<i>хад'</i> «стрелял»	<i>н'и қ'отр-қ'ад'</i> «я медведя стрелял»	<i>қ'ад'</i> «отлив» ¹⁴ .

¹⁰ В. З. Панфилов, Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке, стр. 54.

¹¹ Словосочетания типа *т'у үр ит'инд* «огонь разжег» подлежат экспериментальному исследованию. Если будет установлено, что гласные в глаголе под влиянием прямого дополнения становятся краткими, то и эти случаи надо будет отнести к инкорпорированию.

¹² В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. II, стр. 27—28.

¹³ Там же, стр. 28.

¹⁴ Мы приводим здесь такие примеры, где слияние прямого дополнения с глаголом-сказуемым может быть представлено графически. Однако в таких, например, случаях, как *н'и цынд'* «я промыплюю», *н'и ца-цынд'* «я зверя промыплюю» (*ца* «зверь»), показать графически наличие инкорпорирования затруднительно, так как для этого не выработаны еще специальные обозначения, кроме знака соединения дефисом. По нашей просьбе факты такого рода исследовались в Кабинете экспериментальной

В первом вертикальном ряду приведены переходные глаголы, представляющие собой свободные варианты слов; во втором ряду эти глаголы даны в объектных словокомплексах. Нетрудно заметить, что начальные щелевые согласные свободных вариантов глаголов чередовались с соответствующими смычными согласными в их несвободных вариантах. Отметив это, извлечем эти несвободные варианты слов из словокомплекса и поместим их в третий вертикальный ряд. Однако тут мы убеждаемся, что нивхи связывают эти звуковые группы с другими значениями, т. е. эти звуковые группы представляют собой совершенно отдельные и самостоятельные слова, не имеющие ничего общего с тем значением, которое имеют аналогичные звуковые группы в инкорпорированных словокомплексах нивхского языка.

Спрашивается, можно ли отождествлять при этом инкорпорированный комплекс со словосочетанием? Можно ли утверждать, что фонетические признаки не релевантны для слова? Можно ли считать, что в нивхском языке слово способно выразить понятие только в линейном синтагматическом ряду? Ведь слова выражают понятия и на лексическом уровне вне синтагматического ряда. В нивхском же языке, как языке инкорпорирующем, та звуковая группа, которая является словом на синтагматическом уровне, может не соответствовать звуковой группе, выражающей это же самое слово на лексическом уровне.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что позиция максимального смыслоразличения в словах нивхского языка расположена главным образом в начале слова. Когда же слово оказывается в словокомплексе в сочетании с другими несвободными вариантами слов, то начальный согласный слова может чередоваться с другим физиологически родственным ему звуком, а местоименный показатель объекта в глаголах может быть опущен. Однако в словокомплексе альтернант основной фонемы, расположенной в начале слова, нейтрализуется. Но едва только мы извлечем из словокомплекса вариант слова, порожденный чередованием, как нейтрализованная фонема может проявить свою смыслоразличительную функцию, в результате чего получается новое слово, что и было продемонстрировано выше.

Таким образом, факты нивхского языка доказывают, что фонетические признаки в нивхском языке в высшей степени релевантны для определения слова и звуковой облик слова на синтаксическом и лексическом уровнях может быть различен. Следовательно, то, что является словом на синтаксическом уровне, может не соответствовать тому, что является словом на лексическом уровне.

В. З. Панфилов утверждает, что «... при анализе вопросов, составляющих суть проблемы инкорпорирования, фонетическая сторона соответствующих явлений в принципе не может иметь решающего значения...»¹⁵. Он подтверждает эту мысль примером: *‘hy’ug’ mu-yir-malg’ola-tyfko fabrikaq’o-dëskut had’* (ам. д.) „В это военное время много заводов и фабрик было разрушено“. Определение *malg’ola*, выступая в обычной инкорпорированной форме (ср. *malg’od’* „много, многие“ в функции сказуемого), относится к двум определяемым: *tyf* „дом“ и *fabrika* „фабрика“ (*ko ~ e’o ~ go ~ xo* — соединительный суффикс). Непосредственно примыкая к первому из них, оно не вызывает чередования его начального согласного,

фонетики им. Л. В. Щербы, где было обнаружено, что при прямом дополнении гласный глагола-сказуемого подвергается резкому сокращению, что, несомненно, является следствием слияния указанных членов предложения в один словокомплекс. См. об этом: Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, Фонетическая характеристика различных типов сочетаний в нивхском языке, ВЯ, 1962, 4.

¹⁵ В. З. Панфилов, Письмо в редакцию, стр. 157.

которое должно было бы иметь место при данных комбинаторных условиях, и, следовательно, не образует инкорпорированного комплекса также и с ним»¹⁶.

По поводу этого аргумента против инкорпорирования в нивхском языке достаточно указать, что нивх в приведенном примере¹⁷ произнесет эти слова только как *мал'зол'а-дыфко*, и наличие словокомплеса в этом случае определяется не только чередованием, но и ощущением суффикса *-д'* в слове *мал'вод'*, *мал'зол'ад'* «быть многочисленным».

При исследовании структуры любого языка, и в частности нивхского, нельзя игнорировать ни одного признака. Фонетика, морфология и синтаксис в нивхском языке, как нам уже приходилось указывать, представляют собой нерасторжимое единство. Игнорирование исследователем фонетических моментов — морфофонемике нивхского языка неизбежно сказывается, как мы в этом убедимся ниже, на его построениях.

В. З. Панфилов утверждает, что морфемный уровень также нерелевантен для определения слова в нивхском языке (см. выше). С этим положением невозможно согласиться. Если слово нечленимо и представлено корневой морфемой, то исследование на морфемном уровне дает возможность понять структуру этого слова и отождествить корневую морфему со словом. Если же слово членимо и распадается на корневую и аффиксальные морфемы, то исследование на морфемном уровне не позволяет отождествить корневую морфему со словом, так как последнее выражает большее количество информации, чем первое.

Выше при анализе слова *иҫд'* «убить» и словокомплесов *ч'охунивх* «рыбу убивший человек» и *л'аҫрк'унивх* «нерпу убивший человек» были выделены корневые алломорфы *-ҫ-~ху-~к'у-*, выражающие лексическое значение «убить». В составе словокомплесов эти корневые алломорфы реализуют свойственное им лексическое значение; вне словокомплесов они не выражают этого значения.

Между тем В. З. Панфилов утверждает, что подобные корневые алломорфы членимых слов являются отдельными законченными словами и называет их даже причастиями¹⁸ — в соответствии со своим стремлением доказать, что слово в нивхском примыкает к другому слову.

¹⁶ В. З. Панфилов, К вопросу об инкорпорировании, стр. 20—21.

¹⁷ Сравним, однако, этот пример с примером, помещенным там же, стр. 24: *ны уг'му-ырух мале'ола-заводго фабрикаго-дэскуп-һадь* (ам. д.) «В это военное время много заводов и фабрик было разрушено». Этот пример взят В. З. Панфиловым из изданной мной книги для чтения на нивхском языке (Е. А. Крейнович, Jurgibitha, ч. II, М.—Л., 1934, стр. 27). Изменив начало этого примера, т. е. заменив в нем слово *заводго* «заводов» словом *тыфко* «домов», он забыл исправить в первом примере перевод; кроме того, он, вероятно, умышленно сохранил начальное *т* слова *тыфко* «домов», хотя следовало бы дать *д*, после чего заключил, что тут отсутствует комбинаторное чередование и это доказывает, что *мале'ола тыфко* не образует комплекса.

Настороженное отношение к себе вызывают факты, подлежащие доказательству, что прямое дополнение оформляется в нивхском языке предикативным суффиксом *-ра*: *Хэвгун тукила иҫд'*? *Хэвгун тукира иҫд'*? «Хэвгун убил осетра? Осетра Хэвгун убил?» (В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 30). Если бы нивхи действительно употребляли эту форму, то она нашла бы свое отражение в фольклорных текстах. Между тем даже в текстах, опубликованных В. З. Панфиловым в приложениях к его книге, этой формы нет. В свое время нами было отмечено, что показатель утверждения *-ра ~ та ~ да* встречается при сказуемом и при подлежащем. В 1960 г. на Охотском берегу Сахалина я проверял возможность образования такой формы прямого дополнения. Когда я конструировал предложение с таким объектным словосочетанием, нивхи, конечно, понимали, о чем идет речь, но тут же мне указывали, что правильно говорить иначе: они повторяли сказанное предложение, инкорпорируя в глагол прямое дополнение без суффикса *-ра*. Для данного случая, относящегося к амурскому диалекту, это выглядело бы так: *Хэвгун туки-худ'* «Хэвгун осетра убил».

¹⁸ См.: «Н и п'ымыкху п'ытыкху к'у гинс нынт вишнд' ра», «Я моих матерей и моих отцов убившего черта собираюсь идти искать» (з.-с.г.) (причастие *к'у* „убившего“

Квалифицируя словокомплексы нивхского языка как словосочетание, В. З. Панфилов устанавливает, что оно характеризуется следующими признаками: «1) каждый из его членов сохраняет свое лексическое значение и тем самым — способность самостоятельно выражать какое-либо понятие; 2) каждый из его членов находится в определенных синтаксических отношениях с другими членами словосочетания и сохраняет способность иметь подобные отношения со словами — членами других словосочетаний; 3) каждый из его членов выступает как член своего собственного парадигматического ряда, т. е. как одна из возможных форм слова»¹⁹.

Эта характеристика «словосочетания»²⁰ вызывает следующие возражения: 1) несвободные варианты слов не способны самостоятельно выражать значения, а это доказывает, что они не обладают функцией номинации, характеризующей слова (имеются в виду слова, относящиеся к знаменательным частям речи); 2) ни один из членов «словосочетания» не имеет «своего собственного парадигматического ряда». Это видно из следующего примера. Корневая морфема глагола, оформленная показателями каузативного залога или времени, преобразуется вместе с этими показателями в основу соответствующего глагола: *п'рыниех* «пришедший человек», *п'рыниниех* «человек, который придет», *п'рыгуниех* «человек, которого привели» и т. д. Компоненты *п'ры-*, *п'рыны-*, *п'рыгу-* — это вторичные основы глаголов, выступающие в роли определения. Относить их к парадигматическому ряду глагольного слова нельзя, как нельзя квалифицировать корневую морфему *п'ры-* глагола *п'рыд'* «приходить» как причастие²¹. Точно так же имя существительное, в роли прямого дополнения оформленное показателем мн. числа, соединительным суффиксом или послелогом, образует вместе с ними вторичную основу, а не парадигматический ряд имени существительного. В. З. Панфилов отождествляет таким образом суффиксы несинтаксического и синтаксического формообразования, относя первые к парадигматическому ряду, что недопустимо, т. к. суффиксов синтаксического формообразования члены «словосочетаний» (т. е. словокомплексов) не имеют.

Отождествляя инкорпорированные словокомплексы со свободными словосочетаниями, В. З. Панфилов утверждает, что «... определение

является определением к слову *кинс* ~ *гине* „черт“...» (В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 2, стр. 135). Нетрудно заметить, что в основе отнесения морфемы *к'у* к причастиям лежит перевод на русский язык. Исходя из этого же перевода в категории причастий, не существующей в нивхском языке, устанавливается даже «действительное и страдательное значение причастий» (там же, стр. 63). Нереальные и другие выделенные В. З. Панфиловым грамматические категории, в основе которых лежит перевод на русский язык. Так, среди объектных словоформ, образованных при помощи несвободных корневых вариантов личных местоимений — *н'зуд'* «меня мыл» (*зуд'* «мыл»), *ч'суд'* «тебя мыл»; *ид'уд'* «его мыл», *п'суд'* «себя мыл» (т. е. «мылся») и т. д. — последняя словоформа выделяется им в категорию возвратного залога. В основе рассуждений об инфинитиве, которого нет в нивхском языке, также лежит перевод на русский язык. Корневые основы личных местоимений *н'-*, *ч'-*, *и-*, *е-*, *п'-* квалифицируются В. З. Панфиловым как префиксы и выделяются в грамматическую категорию принадлежности, поскольку признание их корневыми основами местоимений не увязывается с его взглядами на инкорпорирование.

¹⁹ В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 33.

²⁰ В своем первом очерке грамматики нивхского языка мы также необдуманно называли словокомплексы словосочетаниями: «Способность прямого дополнения с присоединенными к нему определениями сливаться через посредство суффиксов (мн. числа, соединительных суффиксов и др. — Е. К.) со сказуемым приводит, как мы это видим, к образованию довольно сложных словосочетаний» [Е. А. Крейн ов и ч, Нивхский (гиляцкий) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М. — Л., 1934, стр. 210].

²¹ См.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 2, стр. 137: «... *п'ры н'иех* состоит из: 1) причастия *п'ры* „пришедший“ выступающего в функции определения к существительному *н'иех* „человек“...».

и определяемое, прямое дополнение и сказуемое образуют в нивхском языке не инкорпорированные комплексы, а словосочетания, построенные на примыкании»²². Кроме того, он утверждает, что обстоятельства-наречия также «сочетаются с определяемыми ими словами по способу примыкания»²³.

Если вышеуказанные члены предложения, как это утверждает В. З. Панфилов, действительно примыкают друг к другу, то в звуковой цепи между ними должны возникать абсолютно тождественные физические условия примыкающей друг к другу звуковой материи и последствия этого тождества должны быть одинаковыми. Рассмотрим факты нивхского языка.

ытык урк туд' «отец ночью поднялся вверх по реке» (*урк* «ночь»); *ытык-рух* «отца топор» (*тух* «топор»). Возникает вопрос: почему же при тождественных фонетических условиях примыкания фонем *к* и *т* фонема *т* в одном случае сохраняется неизменной, а в другом случае она чередуется с *р*? Ответ на этот вопрос может быть только один: значит, в звуковой цепи указанные фонетические условия не координированы отношениями тождества. Если бы эти отношения существовали, то фонема *т* в обоих случаях вела бы себя совершенно одинаково, т. е. она либо чередовалась бы с *р*, либо не чередовалась бы.

Рассмотрим другие примеры: *ранр ургуур род'* «сестра хорошо помогла» (*уругур* «хорошо»); *ытык ургуур п'ранр-тод'* «отец хорошо сестре помог». Фонетическая ситуация *-р — р-* в первом случае выражена «наречием» *уругур* «хорошо», оканчивающимся на *-р*, и сказуемым *род'* «помогла», начинающимся на *р-*. Никакого влияния примыкающие *р* и *р* друг на друга не оказывают в этой ситуации. Однако во втором случае, когда то же самое слово *ранр* «сестра», в первом примере стоявшее в позиции подлежащего, заняло позицию прямого дополнения, начальный *р* сказуемого чередуется с *т*.

Отвечая на вопрос, можно ли признать и синтаксически и фонетически тождественными такие условия, при которых ситуация *-р — р-* в одном случае остается неизменной, а в другом случае один из *р* в этой ситуации изменяется в *т*, нельзя не признать, что эти условия не являются тождественными.

Таким образом, анализ и этих примеров не подтверждает положение В. З. Панфилова о том, что во всех этих случаях имеет место примыкание.

Рассмотрим теперь следующие данные: *ных индыја* «сегодня найди», *нух-нрыја* «иглу найди»; *наф эја* «сейчас возьми», *таф-ноја* «багор возьми».

Возникает вопрос, почему при наречии, оканчивающемся на *-х* или *-ф*, сказуемое-глагол не изменяет своей формы, а при прямом дополнении, оканчивающемся звуком *-х* или *-ф*, сказуемое-глагол опускает свои местоименные показатели объекта *и-* и *э-* и резко изменяет свою форму. Очевидно, что в исследуемых нами отрезках звуковой цепи имеются разные материальные условия. В тех случаях, где перед сказуемым-глаголом стоит цельнооформленное слово — наречие, там действительно имеет место примыкание, но в тех случаях, где перед сказуемым-глаголом стоит прямое дополнение, там имеет место не примыкание, а инкорпорирование, поскольку прямое дополнение вытесняет местоименный показатель объекта²⁴. При его же отпадении обнажается основа глагола, с которой и сливается имя существительное. Наречия же не вытесняют

²² В. З. Панфилов, К вопросу об инкорпорировании, стр. 25.

²³ В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 2, стр. 177.

²⁴ Можно утверждать, что все переходные глаголы нивхского языка, начинающиеся со щелевых согласных, обладают влиянием, которое выражено отсутствующим (нулевым) показателем местоименного объекта.

местоименного показателя объекта, в связи с чем они не инкорпорируются в глагол, а только примыкают к нему. Примыкать друг к другу могут только цельнооформленные слова, а основы слов сливаются друг с другом²⁵.

Итак, инкорпорирующие языки, наиболее яркими представителями которых являются языки нивхский, корякский и чукотский, имеют следующие общие особенности:

1. Основные строевые единицы этих языков — фонемы, морфемы и слова — обладают ярко выраженной вариантностью: фонемы чередуются с другими фонемами, морфемы имеют алломорфы, слова — варианты слов.

2. Функционирование основных и вариантных строевых единиц в инкорпорирующих языках строго обусловлено. Таким образом, инкорпорирование в этих языках является не частным явлением, а закономерным проявлением всего их строя.

3. Особенности слов в инкорпорирующих языках имеют решающее значение для определения их морфологической структуры. Слова в нивхском (как и в корякском, чукотском языках) представлены двумя морфологическими вариантами — свободным вариантом и несвободным вариантом. Между свободным и несвободным вариантами слова существует следующее соотношение: свободные варианты слов реализуют свое основное лексическое значение как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях; несвободные варианты слов реализуют свое лексическое значение только на синтаксическом уровне.

Несвободные варианты слов вне синтаксического уровня не представляют собою лексических единиц, адекватных свободным вариантам слов. Таким образом, несвободные варианты слов находятся в отношении дополнительной дистрибуции к свободным вариантам слов.

4. Свободный и несвободный варианты слова по своему фонетическому облику и морфологической структуре в нивхском, корякском и чукотском языках могут не совпадать (см. прилагаемую таблицу по корякскому и чукотскому языкам)²⁶.

5. Наличие у слова двух морфологических вариантов, выражающих одно и то же лексическое значение, но обладающих различной дистрибуцией, представляет собой характернейшую особенность инкорпорирующих языков. Эта особенность дает право на выделение этих языков в особый морфологический тип.

²⁵ Ср. также: Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 96, примеч. 3, где тоже отмечается, что В. З. Панфилов отождествляет инкорпориацию и примыкание.

²⁶ В отличие от нивхского в корякском и в чукотском языках имена существительные при инкорпировании модифицируются не только фонетически, но и морфологически, при этом опускаются некоторые суффиксы, например, *-н*, *-нә* ~ *-на* / *-ны*, *-лң* / *н* || *-лғын*, а также вторые редуцированные компоненты имен существительных, образованных при помощи удвоения корневой основы. Примечательно, что слова, имеющие корень, представленный двухзвуковым открытым слогом, в корякском и чукотском языках имеют тождественную трехслоговую структуру, а слова, имеющие корень, представленный трехзвуковым закрытым слогом, имеют тождественную двухслоговую структуру. ср.: коряк. *јајаңа* «дом» (корень *ја-*), *титиңә* «игла» (корень *ти-*), *виләл* «цена» (корень *вил-*), *вэтивэт* «лист» (корень *вэт*) и чукот. *јаҕаңы* «дом», *титиңы* «игла», *виллил* «цена», *вэтвэт* «лист». Создается впечатление, что удвоенные слова должны иметь не меньше шести и не больше восьми звуков при четырех, шести или семи фонемах (ср. коряк. *мэҕмэҕ* «волна», *тил'мэтил'* «орел»). При инкорпировании в словокомплекс может входить только корневая основа имени существительного; ср. коряк. *ит'эти* «острая игла» (*н'ит'эҕин* «острый»). О слоговой и частично морфологической структуре слов в корякском языке см.: Е. А. Крейнов и ч, Опыт исследования структуры слога в корякском языке, «Доклады и сообщения [Ин-та языковедения АН СССР]», XI, М. — Л., 1958. Принишу благодарность научному сотруднику Института языковедения АН СССР П. И. Инзликею за помощь в подборе параллельных примеров по чукотскому языку, приведенных в прилагаемой таблице.

Сказанное не должно давать оснований для выводов, будто этим языкам свойствен один только технический прием инкорпорирования. Инкорпорирующие языки широко пользуются техническими приемами агглютинации, флексии и аналитического конструирования. Однако наряду с этими приемами они пользуются совершенно несвойственным агглютинирующим, флективным и аналитическим языкам приемом инкорпорирования, который составляет их особенность и оправдывает их выделение в особый морфологический тип языков.

6. Технический прием инкорпорирования реализуется только на уровне синтаксиса вследствие того, что только на этом уровне несвободные варианты слов реализуют свое значение.

Так как несвободные варианты слов в инкорпорирующих языках представлены корневыми морфемами слов и значительно реже — производными основами, то это обстоятельство с непреложной необходимостью обуславливает явление словосложения. Будучи лишены своих аффиксов, которые придавали им характер цельнооформленного законченного слова, корневые основы слов неизбежно проявляют тенденцию к сложению с другими словами, которые и позволяют проявить этим основам свойственные им лексические значения. Таким образом, инкорпо-

		Имена существительные	Имена прилагательные	Глаголы
Корякский язык	свободные варианты слов	қојаңа «олень» lulit «пара рукавица» ВитуВит «гусь»	н.мэјџқин «большой» н'(у)wtџқан «тонкий» нтујқин «новый»	ꞑпатꞑ «варить» ꞑпꞑк «надеть» тꞑмꞑк «убить»
	несвободные варианты слов	қој-«олень» -lu- ~ -lэ- «рукавица» Виту- ~ Вэто- «гусь»	мэјң- ~ мајң- «большой» ꞑт- «тонкий» туј- ~ тој- ~ чуч- ~ чоч- «новый»	-пат- -пан'- «варить» -п- «одеть» тꞑм- ~ -нм- «убить»
	инкорпорированные комплексы		мајңꞑқој «большой олень» ꞑтꞑтꞑ «тонкие рукавицы» тојꞑқој «новый олень»	Вэтонꞑтꞑ «гуся-варит-он» лэпꞑ «рукавицы-надел-он» Вэтонꞑмꞑтꞑ «гуся-убил-он»
Чукотский язык	свободные варианты слов	қораңы «олень» lulit «рукавицы» ꞑитуꞑит «гусь»	н.мэјыңқин «большой» н.ывыꞑықан «тонкий» н.ытурқин «новый»	ыпꞑтык «варить» ꞑылык «надеть» тымык «убить»
	несвободные варианты слов	қор- «олень» лэꞑт «рукавицы» ꞑиту- ~ ꞑэто- «гусь»	мэјң- ~ мајң- «большой» выꞑꞑ- «тонкий» тур- ~ тор- «новый»	-пат- «варить» -п- «надеть» тым- ~ -нм- «убить»
	инкорпорированные комплексы		мајыңқор «большой олень» выꞑꞑꞑꞑꞑꞑ «тонкие рукавицы» торꞑқораңы «новый олень»	ꞑэтонꞑтыркың «гуся-варит-он» лэпꞑꞑꞑꞑꞑ «рукавицы-надел-он» ꞑэтонꞑмыꞑꞑꞑꞑ «гуся-убил-он»

рирование неизбежно связано с осново- и словосложением, которое очень широко развито в инкорпорированных языках.

Примечательная особенность инкорпорированных языков состоит как раз в том, что процесс осново- и словосложения происходит здесь на синтаксическом уровне. На основе этого синтаксического словосложения, с одной стороны, развивается словосложение как словообразовательный процесс, а с другой стороны, в единичных случаях, развиваются суффиксы вследствие утраты той или иной основы ее лексического значения и полной ее грамматизации²⁷.

7. В нивхском, корякском и чукотском языках несвободные варианты слов образуют синтаксические «сложные слова» определительного и объектного типа. Так как компоненты, образующие эти «сложные слова», подвижны, то в отличие от сложных слов как единиц лексического уровня их принято именовать инкорпорированными комплексами, или словокомплексами. При этом для определения природы инкорпоративного словокомплекса совершенно не обязательно, чтобы он замыкался аффиксальной рамкой между префиксом и суффиксом, он может не иметь ни того, ни другого и все же представлять собой самый подлинный словокомплекс.

8. Свободный вариант слова представляет собой одну из словоформ парадигматического ряда. Несвободный вариант слова не имеет своего парадигматического ряда, так как наличием последнего характеризуется тот словокомплекс в целом, в состав которого этот вариант входит в качестве одного из образующих его компонентов. Таким образом, свободный и несвободный варианты слова соотносятся друг с другом только как языковые единицы, выражающие одно и то же лексическое значение на равных уровнях.

9. Фонетические системы нивхского, корякского и чукотского языков сложились в теснейшей связи с необходимостью обслуживания требований морфологии и отчасти синтаксиса этих языков.

²⁷ Г. М. Корсаков, Инкорпорирование в палеоазиатских и североамериканских индейских языках, «Советский Север», 1939, 4, стр. 35, 42.

А. В. ГЛАДКИЙ

О ФОРМАЛЬНЫХ МЕТОДАХ В ЛИНГВИСТИКЕ

(По поводу статьи В. И. Абаева «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке»)

Как хорошо известно, в лингвистике примерно с начала нынешнего столетия усилилось внимание к логической структуре используемых методов и обозначилось стремление придавать этим методам по возможности четкий и строгий характер. Четкие и строгие методы во всех науках часто называют формальными. Это дает некоторым ученым повод считать, что такие методы обязаны своим возникновением «формалистическому» образу мышления или «формалистическим» методологическим установкам их создателей. В действительности же появление формальных методов лингвистики было обусловлено не складом мышления или методологическими установками исследователей, а существом дела — ведь язык представляет собой стройную систему, в некоторых своих частях довольно абстрактную и во многом напоминающую формальные системы, с которыми имеет дело математика. Эти черты языка особенно хорошо видны при изучении его в синхронном плане, а поскольку интерес к этому плану изучения языка резко возрос в XX в., то вполне закономерно, что именно в это время началось интенсивное развитие формальных методов в языкознании. Совершенствование этих методов естественно привело в дальнейшем — уже в совсем недавнее время — к созданию математических моделей языка, а также к появлению кибернетических подходов к изучению языковых явлений.

Очень важно подчеркнуть, что сближение лингвистики и математики представляет собой двусторонний процесс — оно идет не только со стороны лингвистики, но и со стороны математики. Это сближение стало возможным лишь тогда, когда математика начала заниматься изучением своего собственного языка, своей логической структуры. Именно те дисциплины, которые изучают строение языка математики — общая теория множеств, математическая логика, теория алгоритмов, некоторые разделы алгебры — стали основными источниками математических методов в лингвистике. И — что особенно существенно для математиков — наряду с обогащением лингвистики математическими методами имеет место и обратное влияние лингвистических идей на развитие некоторых математических теорий. Сейчас можно уже говорить о возникновении новой научной дисциплины, содержанием которой является разработка и изучение математического аппарата лингвистики. Именно эту математическую дисциплину целесообразно называть математической лингвистикой, и в последнее время такое употребление данного термина стало входить в обиход. Что касается другого довольно обычного употребления термина «математическая лингвистика» — в качестве общего обозначения для всех лингвистических работ, в которых хотя бы в самой небольшой степени используется какой-либо математический аппарат, — то это употребление следует признать неудачным, так

как использование в лингвистической работе математического аппарата не является признаком принадлежности этой работы к какому-то определенному разделу или направлению в лингвистике (см. об этом ниже). Являясь математической дисциплиной, математическая лингвистика тем не менее развивается в тесном взаимодействии с лингвистикой как таковой.

Таким образом, проникновение в науку о языке математических методов представляет собой закономерный процесс, обусловленный естественным ходом развития как лингвистики, так и математики. Ускорению этого процесса, как и возникновению кибернетических подходов к лингвистическим вопросам, в большой мере способствовала также важность точных методов исследования языка для ряда прикладных задач, имеющих большое практическое значение (проблема общения человека и машины, создание информационных языков для различных областей науки и техники, автоматизация перевода и т. д.). Но распространенное представление, что структурные и математические методы языкознания связаны исключительно или главным образом с его прикладными аспектами¹, конечно, неправильно.

Бурное развитие формальных методов языкознания вовсе не означает, что неформальные методы становятся ненужными или что наука о языке разделяется на две — формальную и неформальную. Лингвистика остается единой наукой, использующей различные методы в зависимости от характера изучаемых явлений. Взаимодействие формальных и неформальных методов оказывается обычно весьма плодотворным. Одинаково существенны те и другие методы и для разработки математических приемов изучения языка, которые, вопреки часто встречающемуся представлению о них, возникают вовсе не «на пустом месте» и не игнорируют достижения лингвистики, а, напротив, широко их используют. Неформальные лингвистические понятия часто оказываются не менее благодатным материалом для математической трактовки, чем формальные.

Следует сказать, однако, что с изложенной точкой зрения на нынешнее положение в лингвистической науке не все согласны. Приходится встречаться с мнением, что формальные методы, характерные для так называемой структурной лингвистики, несовместимы с неформальными, присущими так называемой традиционной лингвистике², и из этих двух групп методов лишь одна является действительно научной.

Весьма недвусмысленно такая точка зрения выражена в статье В. И. Абаева «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке» (ВЯ, 1965, 3).

Задача статьи В. И. Абаева — доказать ненаучность структурных методов. Попробуем проследить, как эта задача решается. Основное положение статьи состоит в следующем: структурные методы в лингвистике суть разновидность модернизма — реакционного течения в общественных науках и искусстве, порожденного кризисом буржуазного общества. Почему? Очень просто: модернизм формалистичен, а структурная лингви-

¹ Это представление отразилось в таких, ставших уже привычными, словосочетаниях, как «структурная и прикладная лингвистика», «прикладное и математическое языкознание».

² Под «структурной лингвистикой» мы будем понимать все те лингвистические направления, которые сознательно стремятся к формализации. Вероятно, при таком определении объем этого понятия будет приблизительно совпадать с тем, что включается в него большинством современных авторов. Конечно, методы и понятия структурной лингвистики нельзя полностью отождествлять с формальными; с одной стороны, традиционным языкознанием построено немало понятий, по существу вполне формальных (хотя их формальный характер часто не осознавался); с другой стороны, структурная лингвистика, стремясь к формализации, не всегда ее достигает.

стика изучает язык формально. Развивая это положение, автор заявляет, что структурная лингвистика основана на концепции непознаваемости объективной действительности, что она смотрит на язык «как на замкнутую систему языковой техники, не связанную с объективной действительностью» и признает реальное значение «только за чистыми отношениями, независимо от характера и значения соотносимых величин». В подтверждение приводятся слова Ф. де Соссюра: «Язык есть форма, а не субстанция». Кроме того, утверждается, что введение в языковедение формальных методов приводит к его «дегуманизации», т. е. к отрыву от человека.

Как обстоит дело в действительности? Верно, что структурная лингвистика рассматривает язык как форму и изучает «чистые отношения» между элементами языка. Но это не означает ни отрицания социальной природы языка, ни отрыва языка от объективной реальности или от человека, ни тем более утверждения непознаваемости действительности. Ясно, что элементы языка и отношения между ними отражают в конечном счете реальный мир; но происходит это не путем простого копирования, а весьма сложным образом. Только часть элементов и отношений языка допускает непосредственное соотнесение с реальными предметами и отношениями между ними; с этим согласен и автор статьи (см. стр. 29). (Более того, даже те элементы языка, которые непосредственно соотносятся с реальными предметами и отношениями, не привязаны к ним накрепко; иначе язык не мог бы приспосабливаться к меняющимся условиям жизни людей.) Но все языковые элементы и отношения, как те, которые допускают непосредственное соотнесение с реальными предметами, так и те, которые такого соотнесения не допускают, образуют в языке единую систему, подчиняющуюся своим внутренним закономерностям; только благодаря этому язык может служить для общения между людьми и для описания реального мира, являясь для этого описания формой (именно формой и ничем иным!). Естественно поэтому, что изучение языка — это изучение его внутренних закономерностей, не обязательно связанное с учетом внеязыковых факторов. Видеть в этом отрыв от действительности или агностицизм нелепо. С таким же успехом можно было бы объявить «агностической» геометрию, которая тоже ведь изучает «чистые отношения» между абстрактными понятиями, совсем не интересуясь свойствами материи, из которой состоят предметы, послужившие прототипами геометрических понятий.

Возражения В. И. Абаева направлены, в сущности, не только против формальных методов в лингвистике, но и вообще против изучения языка как самостоятельного явления. И далее автор ставит точки над «і», утверждая, что теоретическое языковедение должно заниматься только такими темами, как «язык и мышление», «язык и история», «язык и культура», т. е. вопросами, пограничными между языковедением и другими науками. Всякая попытка изучать язык в каких-либо других аспектах приравнивается В. И. Абаевым к отрицанию наличия связей между языком, с одной стороны, и мышлением, историей, культурой — с другой. А это по меньшей мере странно. Ведь трудно найти науку, предмет которой не был бы связан самым тесным образом с предметами каких-либо других наук; лингвистика вовсе не является здесь исключением. Но каждая наука, не забывая об этих связях, в то же время изучает свой предмет прежде всего с точки зрения его с о б с т в е н н ы х внутренних закономерностей и только поэтому является самостоятельной наукой.

Чтобы подкрепить влияние структурной лингвистики в «формалистической идеологии» и «агностицизме», автор ссылается на работы лингвистов так называемой копенгагенской школы. Но никакой попытки дать серьезный анализ этих работ не делается. Дается лишь тенденциозное,

в несколько строк, изложение отдельных мест, приводится несколько цитат и делается вывод о «порочности» и даже «абсурдности» всего содержания этих работ. Вряд ли такой метод может быть признан научным. К тому же цитирует В. И. Абаев не всегда добросовестно. Так, он говорит, что для автора одной из цитируемых работ — Ульдалля — «заветный идеал» состоит в достижении такого состояния, когда будет «поглощен весь привычный осязаемый мир и не останется взамен ничего, кроме клубка абстрактных функций». Взятая в кавычки фраза приводится как цитата из работы Ульдалля, с указанием страницы³. Но на этой странице читаем: «Если эгоцентрики и мистики протестуют против науки потому, что она излучает слишком резкий свет, то другие обвиняют ее в том, что она, наоборот, является слишком туманной, слишком нереальной. Ученые, говорят они, поглощают привычный осязаемый мир и не оставляют взамен ничего, кроме клубка абстрактных функций, математической паутины, одновременно темной и непрочной, которая никому не нужна, кроме самих ученых». А при цитировании мнение, вкладываемое автором в уста его оппонентов, выдано за его собственное.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идей копенгагенской школы (в которых, с нашей точки зрения, есть много ценного, хотя и не со всем в них можно согласиться). Но на одной мысли из работы Ульдалля «Основы глоссематики» — эта мысль вызывает особое возмущение В. И. Абаева — стоит остановиться. Речь идет о так называемом «устранении человеческого фактора». Читая изложение В. И. Абаева, можно подумать, что Ульдалль предлагает устранить из науки о языке всякую связь с человеком. На самом же деле он лишь возражает против взгляда на «человеческий фактор» как на нечто принципиально не поддающееся точному и объективному анализу. Цитируя высказывание Л. Х. Грея о том, что лингвистика «не является точной наукой в таком смысле, в каком точны математика и химия; человеческий фактор слишком силен в ней, чтобы она могла совершать чисто механические операции», Ульдалль говорит: «Если две свечи на обеденном столе горят не совсем одинаково — а они в редких случаях могут гореть одинаковым пламенем, — то по аналогии можно было бы заключить, что связанный со свечой фактор слишком силен для того, чтобы позволить физике или химии совершать чисто механические операции. Однако, вместе с тем, оказывается возможным (и, более того, обычно так и поступают) объяснить различие в состоянии двух свечей влиянием различия в устройстве этих свечей или же разными внешними обстоятельствами, такими, как температура или воздушные струи. „Связанный со свечой фактор“ тем самым лишается своей таинственности и оказывается на самом деле простым сочетанием вполне обычных явлений, которые могут быть предметом расчетов. Не окажется ли, что и „человеческий фактор“, о котором говорит Грей, можно будет свести к подобному сочетанию простых явлений?». И далее: «Гуманитарным наукам мешал выйти из эмбрионального состояния... взгляд на человеческий род как на какую-то космическую аристократию и убеждение, что человеческий разум — это нечто совершенно особое, единственная область во вселенной, подчиненная загадочной силе Свободной Воли и поэтому недоступная для исследования в таком направлении или теми методами, которые применимы ко всем остальным областям»⁴.

Смысл этих высказываний Ульдалля о «человеческом факторе» достаточно ясен. И если В. И. Абаев возражает против них, а не против чего-то им самим придуманного, то он тем самым солидаризируется с за-

³ Сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 406.

⁴ Там же, стр. 392.

щитниками тезиса об исключительности человеческого духа и недоступности его для научного анализа. К этому тезису, в сущности, очень близка проводимая в статье мысль о том, что никакие точные методы исследования не могут иметь отношения к чему-либо, связанному с человеческим «духом»⁵.

Объявив структурную лингвистику «модернистской», «формалистической» и «антигуманистической», автор не считает нужным конкретно анализировать ее идеи и методы. Вместо этого — пространные рассуждения о вреде модернизма вообще и не относящиеся к делу сравнения, в качестве материала для которых привлекаются абстрактное искусство и даже модные танцы и прически. Когда же речь заходит о том или ином лингвистическом вопросе, автор ограничивается априорными утверждениями. Так, несколько раз говорится, что в языкознании никакие методы, кроме исторических, не могут быть научными. Никаких намеков на доказательство этого положения нет, но все с ним несогласные предаются анафеме за «антиисторизм». Столь же бездоказательно утверждение, что «машинный перевод... стоит в стороне от основных проблем теории и истории языка». Это утверждение подкрепляется только произвольными сравнениями — на этот раз со стенографией и... рыбоконсервной промышленностью: «Стенография потребовала особого подхода к членению речи с точки зрения частотности и повторяемости составляющих ее элементов. Однако никто не говорил, что стенография открыла новую эру в теоретическом языкознании... Машинный перевод также требует особого подхода к анализу речи с точки зрения частотности, дистрибуции и пр., чтобы ее удобнее было „закладывать“ в электронную машину... Рыбоконсервная промышленность тоже выработала особые приемы членения рыбы, чтобы ее удобнее было укладывать в консервные банки. Но, насколько я знаю, работники рыбоконсервной промышленности никогда не претендовали, что они открыли новую эру в ихтиологии как науке». Поверхностность этой «аргументации» поражает. Стенография требует учета лишь некоторых, и притом, видимо, не самых важных лингвистически, особенностей речи. Рыбоконсервная промышленность тоже должна учитывать лишь некоторые, и опять-таки, вероятно, не самые важные биологически, особенности строения тела рыбы. Перевод же представляет собой один из сложнейших видов языковой деятельности, требующий использования едва ли не всех наиболее существенных черт строения языка. Если уж искать аналогию для задачи автоматизации перевода в ихтиологии — а лучше в биологии вообще — то подходящей параллелью была бы скорее задача такого типа, как управление наследственностью. А едва ли найдется биолог, который объявит эту последнюю задачу стоящей в стороне от основных проблем теоретической биологии.

Наиболее удручающее впечатление производит раздел статьи, посвященный математическим методам в лингвистике. Автор исходит здесь из того, что «в языкознании... количественные показатели неспособны вы-

⁵ Например, на стр. 39: «Представим себе двух специалистов, которые оба изучают земной шар. Но один изучает его как место обитания человека, а другой — как геометрическое тело. Спрашивается, какой общий язык могут найти эти два специалиста? Язык тоже можно рассматривать в двух аспектах: либо как «место обитания» человеческого духа, либо как геометрическую систему. Что может быть между ними общего?». Между прочим, этот пример как раз хорошо показывает несостоятельность положения, которое он призван иллюстрировать. «Изучение земного шара как геометрического тела» должно включать в себя изучение рельефа земной поверхности, а этот рельеф для человека безразличен — условия для «обитания человека» на Русской равнине и на вершинах Кавказа не вполне одинаковы. Точно так же для человеческого «духа», «обитающего» в языке, безразлично «геометрическое», т. е. формальное, строение языка.

явить самое главное — качественное своеобразие явлений». Это положение само по себе совершенно правильно. Наиболее важные характеристики языка носят всегда качественный характер; и не только традиционная, но и математическая лингвистика должным образом учитывает это обстоятельство. Конечно, количественный анализ играл и играет в языкознании заметную роль — это отмечает и В. И. Абаев; в последнее время область применения этого анализа значительно расширилась, и в нем начали использоваться современные методы математической статистики и теории информации. Но главными источниками математических методов лингвистики являются все же, как уже говорилось выше, общая теория множеств, математическая логика, теория алгоритмов, алгебра — типично неколичественные математические дисциплины⁶.

Когда в работах, посвященных исследованию важных аспектов языка математическими средствами, появляются вычисления, то они обычно играют вспомогательную роль⁷. И вот этой-то неколичественности математической лингвистики — ее основной особенности, которую легко уяснить себе даже при поверхностном ознакомлении с любой обзорной работой или монографией по данному вопросу — В. И. Абаев не заметил и построил всю свою критику на ошибочном отождествлении математических методов с количественными! При чем критикует он математическую лингвистику весьма решительно (вот образцы употребляемых им выражений: «нелепые вычисления», «пустословие», «скрещение псевдолингвистики с псевдоматематикой»)⁸.

Необходимо остановиться еще на одном серьезном обвинении в адрес структурной лингвистики, содержащемся в статье В. И. Абаева. Это обвинение, часто встречающееся и у других авторов, критикующих структурную лингвистику, состоит в том, что она «исходит из примата формы над содержанием» и игнорирует тот факт, что «центральный в языке является содержание, значение». По-видимому, данное обвинение основано на смешении следующих двух точек зрения. Первая из них состоит в том, что смысл не играет в языке существенной роли. Вторая — в том, что хотя смысл безусловно играет в языке определяющую роль, при изучении некоторых «уровней» языка можно и нужно отвлечься от смысла, чтобы получить возможность плодотворно исследовать другие,

⁶ Имеющееся у многих неспециалистов представление о математике как о науке, занимающейся исключительно или главным образом количеством, основано на недоразумении. Современная математика изучает абстрактные системы, из которых лишь некоторые являются количественными. Статьи, ошибки отождествления математики с «наукой о количественных функциях» не избежал и Ульдалль (см. об этом в примечании В. В. Иванова на стр. 414 указанной работы). Из этого отождествления он сделал вывод, что потребности лингвистики в точных методах должны удовлетворяться не математикой, а новой «теорией неколичественных функций» — «глоссематической алгеброй». Можно предположить, что именно из-за данной ошибки идеи копенгагенской школы не нашли широкого применения в конкретных исследованиях. (Разумеется, нужно помнить, что эти идеи сложились задолго до возникновения математической лингвистики).

⁷ Не составляют исключения и те очень интересные работы Ю. Д. Апресяна и Б. В. Сухотина, в которых некоторые лингвистические вопросы сводятся к задачам типа минимизации числовых функций. Дело в том, что результаты исследования в этих работах представляют собой чисто качественные классификации.

⁸ Конечно, появляются иногда и такие работы, авторы которых, обычно знакомые с математикой весьма поверхностно, претендуют на изучение языка математическими средствами, но на самом деле либо используют математические термины лишь «внешним образом», не по существу, либо производят подсчеты, лишенные содержательного основания. Однако за такие работы математическая лингвистика, естественно, не несет ответственности — как, скажем, физика не несет ответственности за проекты вечного двигателя.

менее сложные черты языка; более того, такое отвлечение от смысла на «низших» уровнях является необходимой предпосылкой для успешного изучения в дальнейшем самого смысла. Автору неизвестно, существуют ли лингвисты, стоящие на первой точке зрения. Что же касается второй, то ее, вероятно, придерживается большинство лингвистов, работающих структурными методами, и она полностью соответствует обычной практике науки. Действительно, при научном исследовании того или иного реального явления вычлениют, как правило, различные аспекты, каждый из которых связан лишь с определенной группой свойств данного явления, и при рассмотрении каждого аспекта пренебрегают остальными его свойствами, среди которых могут быть очень существенные; и это, конечно, совсем не означает отрицания того, что в действительности разные группы свойств существуют только вместе. В качестве примера можно еще раз привести геометрию, которая изучает, в сущности, материальные предметы, но отвлекается как раз от их материальности, т. е. самого главного их свойства. А физика, изучающая те же предметы уже с учетом их материальной природы, с успехом пользуется данными геометрии; больше того, физика не могла бы существовать, если бы геометрии не было. Или другой пример: одним из разделов механики является кинематика, изучающая движение тел без учета их масс и действующих на них сил. Динамика, в которой массы и силы учитываются, существенным образом использует данные кинематики, и никому не приходит в голову объявить их лишенными научной ценности на том основании, что каждое тело имеет массу и каждое изменение направления и скорости движения вызывается некоторой силой. В лингвистике же подобные вещи почему-то оказываются возможными: в статье В. И. Абаева утверждается, что «все то в языке, что не соотносимо с понятием значения, не имеет познавательной ценности в гуманитарном плане» и всякая попытка самостоятельного, без учета смысла, изучения несмысловых аспектов языка фактически приравнивается к «устранению из языкознания понятия значения».

Заканчивая рассмотрение статьи В. И. Абаева, стоит остановиться еще на освещении им истории советского языкознания. Он делит эту историю на три периода: «марровский» — до лингвистической дискуссии 1950 г., «сталинский» — от дискуссии 1950 г. до разоблачения культа личности, и период «идейного вакуума», якобы наступившего после разоблачения культа личности. Такая периодизация не отражает существа дела. Вехами в истории науки могут быть только плодотворные идеи и крупные открытия, а таких идей и открытий на счету марризма и «сталинского учения о языке» нет — этого не отрицает и В. И. Абаев. Даваемая им периодизация относится не к истории советского языкознания, а к истории административного давления на него. (Автор статьи вообще, видимо, склонен смещивать науку и культуру с административными и конъюнктурными факторами: об этом говорит хотя бы его утверждение, что при Сталине в нашей стране «весь гуманитарный сектор... выступал единым фронтом, под знаком культа личности».) Если ликвидация административного давления действительно привела бы к обнаружению «идейного вакуума», то это означало бы, что «вакуум» существовал и раньше. На самом же деле никакого вакуума не было и нет. Советское языкознание, несмотря на большой ущерб, нанесенный ему административными мерами «марровского» и «сталинского» периодов, сохраняло передовые традиции русских и советских лингвистов, занимавших в свое время, до 20-х годов нашего столетия включительно, одно из ведущих мест в мировой науке. Именно это сделало возможным тот подъем, который переживает сейчас советское языкознание и который так пугает отдельных

людей, склонных видеть «потрясение основ» во всем, что не отвечает их личным вкусам и привычкам⁹.

Полемика, в которой научные доводы заменяются априорными утверждениями, а разбор идей и методов — наклеиванием ярлыков и преданием анафеме инакомыслящих, не представляет собой, как известно, нового явления в практике наших научных дискуссий. Прежде это явление было широко распространено — достаточно вспомнить шельмование генетики, «обличение» кибернетики как «реакционной лженауки» и, наконец, полемические приемы сторонников того же «нового учения о языке». Характерной чертой такой полемики было допущение (никогда, конечно, не высказывавшееся прямо), что выдвижение против той или иной научной теории обвинения в каких-либо страшных «измах»¹⁰ избавляет критиков этой теории от необходимости основательно изучить ее, прежде чем критиковать; а это было очень удобно для тех, кто не хотел или не мог разбираться в новых и непривычных понятиях. Общеизвестно, какой колоссальный ущерб причинила советской науке (а в ряде случаев и народному хозяйству) такая «полемика» вместе с административными мерами, являвшимися ее логическим продолжением. Сейчас, когда в нашей стране созданы все условия для свободного развития науки, этот стиль полемики вышел из моды. Правда, встречаются попытки его возрождения — одной из них является статья В. И. Абаева, — но каждая такая попытка воспринимается сейчас как чрезвычайное происшествие и вызывает глубокое недоумение научной общественности.

⁹ Можно также заметить, что в оценке «марровского» периода В. И. Абаев допускает необъективность. Вот что он пишет, имея в виду, очевидно, этот период: «Было время, когда и в советском языкознании проблемы языка и мышления, языка и истории стояли в центре внимания. В их решении допускались грубые ошибки и упрощения, но в самой постановке проблем ошибки не было. В этих проблемах языкознание утверждало себя как одна из ведущих наук гуманитарного цикла». (Итак, достаточно поставить проблемы, чтобы стать «ведущей наукой»? А решать проблемы можно и неправильно — это дело второстепенное?) Ничего не сказано в статье о том, что насаждение «нового учения о языке» было не в меньшей степени обусловлено обстановкой культа личности, чем насаждение «сталинского языкознания» (см. об этом в статье В. В. Виноградова, опубликованной в сборнике «Теоретические проблемы современного советского языкознания», М., 1964).

¹⁰ В статье В. И. Абаева структурная лингвистика обвинена (в порядке появления в тексте) в модернизме, антигуманизме, формализме, антиисторизме, агностицизме, математизме, абстракционизме.

Л. Р. ЗИНДЕР

О НОВОМ В ЯЗЫКОВЕДЕНИИ

Как и всякое социальное явление, наука развивается закономерно; это означает, между прочим, что все новое возникает в ней в недрах старого и связано с ним. Поэтому понять и правильно оценить всякое новое направление в науке можно только в том случае, если рассматривать его в связи со старым. Само собой разумеется, что языковедение не представляет в этом отношении исключения.

Научное направление характеризует не только общая методологическая (философская) основа, на которой оно базируется, но и частная методика, техника исследования, применяемая в соответствующей отрасли знаний. При этом последняя может оказаться одной и той же, несмотря на различие философских основ, и наоборот. Так, советские языковеды, которые опираются на философию диалектического материализма, пользуются в конкретных исследованиях, в общем, тем же научным аппаратом, что и языковеды Запада, стоящие на идеалистических позициях. Общие приемы частной методики, а не только успехи науки, достигаемые в различных странах, делают науку интернациональной и позволяют говорить о мировой науке.

Советское языковедение выделяется в мировой науке тем, что оно опирается на марксистскую философию, и в этом именно смысле оно представляет собой нечто единое. Однако в советской лингвистике имеется не одно направление и не одна школа, что обнаруживается как в применении разных частных методов, так и в принципиально разном истолковании одних и тех же явлений.

В спорах о старых («традиционных», «классических») и новых («структурных» и «математико-лингвистических») методах, которые ведутся у нас на страницах лингвистической печати, часто забывают о том, что методы определяются предметом исследования. Язык¹ как общественное явление настолько сложен и многогранен, что если рассматривать его как объект изучения, то самые различные стороны или свойства этого объекта могут и должны быть предметом лингвистики, а также и других наук.

Разные этапы истории языковедения отличаются друг от друга прежде всего тем, что именно признается, по преимуществу, предметом этой науки. Современное языковедение родилось в борьбе с младограмматизмом, пережитки которого еще сильны в разных странах, в том числе и у нас. Младограмматики, как известно, считали единственным предметом языковедения историческое рассмотрение языка². Этим определялось и

¹ Здесь имеется в виду «язык» в самом широком понимании этого термина, в противоположность понятию «язык как система». См.: Л. В. Щ е р б а, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, ИАН СССР, Отд. общ. наук, 1931, стр. 113.

² Кстати говоря, у младограмматиков историзм понимался совсем не так, как в советской лингвистике. Стремясь в современном строе языка установить те же грамматические категории, которые имелись и в древнейшие времена, младограмматики по существу стояли на антиисторической точке зрения, так как не видели качественного развития, а только количественное.

их понимание задач общего языковедения. Показательно, что книга одного из виднейших представителей младограмматической школы — Г. Пауля, в которой изложена общая теория языковедения, была названа автором «Принципы истории языка».

Младограмматическое ограничение предмета лингвистики должно было быть преодолено и было преодолено в ходе развития этой науки. Независимо друг от друга И. А. Бодуэн де Куртене в России и Ф. де Соссюр на Западе пришли к признанию различия между диахроническим и синхроническим изучением языка, а также важности последнего. Заслуги Соссюра в обосновании того, что синхроническое изучение является основным предметом лингвистики, неоспоримы, но для понимания путей развития советского языковедения нельзя забывать о значении аналогичных идей Бодуэна, реализованных хотя бы в учении о фонеме.

Признание важности синхронического описания языка было характерно для советской лингвистики всегда, однако общих теоретических выводов из этого не делалось.

Роль, которую язык играет в человеческом обществе, сложна и многообразна. Будучи «реальным сознанием» и «важнейшим средством общения», язык является формой идеологии и культуры, формой одного из видов художественного творчества. Это — тривиальные истины. Естественно, что изучение всех возможных аспектов языка входит в задачу лингвистов, и что советские лингвисты уделяли им соответствующее внимание.

Однако едва ли такое изучение даст действительно бесспорные результаты до тех пор, пока досконально не изучен язык как система, пока неизвестно, как устроено это универсальнейшее орудие человеческого общения. Поэтому первым и важнейшим предметом языковедения приходится признать строй языка. Здесь уместно снова процитировать Щербу, который писал: «Что же касается презрительной характеристики некоторыми лингвистами описательной грамматики как не научной, то это, конечно, глубоко несправедливо: выведение из данных в опыте фактов речи (*parole*) общего, т. е. языка как системы (*langue*), является, как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которой стремится каждая наука... задача эта является самой трудной в лингвистике; если бы это было иначе, мы давно бы имели прекрасные грамматики и словари для всех известных языков. У нас не только нет этого, как я уже неоднократно указывал, но мы даже не знаем, как должно выглядеть в идеале (разрядка моя. — Л. З.) эти грамматики и словари. Поэтому-то это и является актуальнейшей лингвистической проблемой сегодняшнего дня»³.

Итак, чтобы объективно оценить новые направления и новые методы в лингвистике, нужно исходить из того, что в их основе лежит признание предметом лингвистики прежде всего синхронного состояния языка.

На протяжении первых 30 лет после Октябрьской революции в советской лингвистике совершенно недостаточно разрабатывалась общая теория грамматики и методы синхронного описания языков. Исключение представляла только фонология, которая касается чисто внешней, материальной стороны языка. На Западе и фонологией занялись только во второй четверти нашего века. До грамматики дело дошло значительно позже. Однако к пятидесятым годам и в этой области были достигнуты известные результаты.

³ Л. В. Щерба, Основные проблемы языковедения, «Избр. работы по языкознанию и фонетике», I, Л., 1948, стр. 14—15.

Развитию новых методов синхронического анализа строя языка способствовали не только теоретические соображения. Могушим толчком в этом направлении послужили требования практики. Ввиду все большего укрепления международных связей в науке и огромного роста количества научной литературы, выпускаемой на разных языках, перед прикладным языковедением возникла новая интересная и важная задача создания машинного перевода. Современные достижения в области электронной техники сделали его осуществление технически возможным, однако лингвистика оказалась для этого абсолютно неподготовленной, что было отмечено Л. В. Щербой в приведенной выше цитате.

Обратившись к проблеме машинного перевода, наши лингвисты (преимущественно молодые) столкнулись с почти полным отсутствием у нас последовательно синхронических описаний современных языков, не говоря уже о том, что эти описания не были построены на строгих принципах, как это требовалось бы для технического решения задачи машинного перевода. Естественно, что они должны были заняться разработкой новых методов анализа языка, учитывая, а частично и заимствуя, то, что было накоплено в этом направлении в мировой науке за последние десятилетия.

Я не буду касаться здесь всех черт, характеризующих современные методы. Мне хотелось бы только остановиться на двух из общих принципов, лежащих в их основе, которые многим кажутся одиозными. Это — требование «формализации языка»⁴, во-первых, и рассмотрение языка как кода, во-вторых.

Допустима ли «формализация» с точки зрения методологии советской лингвистики? Разумеется, все в языке прямо (значимые единицы языка) или косвенно (звуковая сторона) существует только для того, чтобы передавать какое-то содержание, какой-то «смысл». Из этого, однако, не следует, что «смысл» равен языку и что язык, таким образом, есть средство передачи самого себя. Язык в советской лингвистике не отождествляется с мышлением, он является лишь формой существования последнего и средством передачи мысли от человека к человеку.

Что грамматический строй абстрагирован от передаваемого при его помощи содержания — это достаточно очевидно. Ходячей иллюстрацией этого стала у нас щербовская «глокая куздра». Анализ «глокой куздры» показывает, что не только связи между словами, но и конкретное содержание отдельных слов и всего предложения в целом достаточно близко выражено чисто формальными средствами.

Совершенно естественно, что проблема машинного перевода заставляет наиболее полно использовать это свойство языка как системы. Научить машину переводить можно только в том случае, если вкладываемые в машину правила будут последовательны и строго формальны; ведь машина не может опираться на смысл⁵. Методика преподавания иностранных языков показывает, что и у человека формальная сторона в восприятии отделена от смысловой. В обучении пониманию содержание (смысл) является конечной целью; отправной точкой служит форма.

Таким образом, обучение машины переводу, т. е. прежде всего умению анализировать речевой материал до его понимания, принципиально не отличается от обучения иностранному языку человека. Можно сказать, что машина — это идеальный ученик, который никогда не перепутает

⁴ Само собой разумеется, что здесь не имеется в виду какое-то воздействие на язык; речь идет о формализации представления, описания, языка.

⁵ Здесь, кстати, следует заметить, что для того чтобы научиться переводить, машине не нужно знать, как развились в языке такие-то средства. Этому не знает и всякий носитель языка, что не мешает ему свободно пользоваться им.

правил, если они сообщены ему в строгой последовательности, и которому не мешают ассоциации с родным языком. Это принципиальное сходство машины с человеком является, с моей точки зрения, важным доводом против того взгляда, что машинный перевод не может ничего дать для теоретического языковедения⁶.

Итак, «формализовать» — это означает в первую очередь выявить внешние средства, организующие речевой материал. Как представить затем эти средства — в виде формул, схем или выраженных словами правил — это вопрос второстепенный, и он должен решаться в зависимости от конкретных задач.

Рассмотрение формы без обращения к содержанию — это не отказ от признания примата содержания, не пренебрежение содержанием; это, — скорее, признание необходимой и обязательной связи формы с содержанием. Поскольку сущность всякого грамматического описания заключается в реализации требования формализации, то в нем нет ничего принципиально нового. Новое заключается только в том, что если раньше лингвисты не всегда отдавали себе в этом отчет, то сторонники новых методов провозглашают формализацию своим основным принципом.

Остается вопрос: все ли в языке возможно формализовать? Если иметь в виду грамматический строй, то на этот вопрос безусловно нужно ответить положительно. Иначе придется ответить на вопрос, поставленный несколько по-другому: можно ли построить такую грамматику, которая раскрывала бы организацию любого предложения данного языка?

В предложениях типа *Дом строит новый трест* или *Трест строит новый дом* только значения слов *дом* и *трест* выявляют их синтаксическую роль, а следовательно, и раскрывают содержание предложений в целом. Заключенные в этих предложениях формальные средства не могут этого сделать, так как мы имеем здесь омонимию падежных форм и интонации, с одной стороны, и синонимию в порядке слов, с другой. Недостаточными будут и статистические закономерности: малая вероятность предикативной связи между словами *дом* и *строить*; возможны ведь и такие предложения, как *Дом ленинградской торговли строит себе новое здание*.

Мы должны, таким образом, признать, что, минуя значение слова, в некоторых случаях невозможно определить его роль в предложении. Однако не исключена возможность формального представления и самих значений. Попытки такого рода, как известно, предпринимаются и у нас, и за рубежом. Мне такая возможность кажется очень ограниченной, но я не взял бы на себя смелость делать в этом отношении какие-либо прогнозы.

Рассмотрение языка как кода связано с определением его как средства общения. В наше время возникла математическая теория коммуникации, теория информации, которая позволяет определять количественные характеристики кода. Поскольку язык это средство коммуникации, постольку, естественно, такая общая теория может осветить и известные свойства языка. Язык при этом предстает как некий код, при помощи которого передаются мысли; он, таким образом, как бы отделяется от мышления в том смысле, что последнее как бы предшествует языку. В других случаях, более простых, это очевидно так: алфавит существует совершенно независимо от азбуки Морзе, которой он кодируется. Мышле-

⁶ А. Н. Колмогоров высказал однажды мысль о том, что человек в принципе является автоматом, чем вызвал неудовольствие со стороны многих «гуманитаров». Они полагают, что А. Н. Колмогоров обидел человека, потому что автомат действует не сам по себе, а соответственно тому, как его задумал человек. Однако и человек работает так, как научило его общество.

ние и язык находятся, конечно, в более сложных отношениях между собой. Вместе с тем, мысль может быть отделена от языкового выражения, с которым она связана. Только благодаря этому мы можем «перекодировать» одну и ту же мысль с одного языка на другой. Конечно, язык во многих отношениях существенно отличается от всех кодов и его лишь условно можно назвать кодом. Однако кодовые свойства языка могут быть описаны методами теории информации, и это может помочь лучше понять некоторые стороны языка как средства общения.

Несомненным кодом является письмо. Создание оптимальных систем графики и орфографии представляет собой, несомненно, важнейшую задачу прикладного языковедения. Все увеличивающийся объем необходимых знаний, которые человек должен приобрести в школе, требуют сокращения времени, затрачиваемого на отдельные предметы школьного преподавания. Бесспорным уродством является огромная затрата времени на изучение орфографии, которое не дает никаких знаний о языке и не является гимнастикой для ума учащихся. Дело идет не о частичных реформах орфографии, а о создании новых рациональных систем графики и орфографии, основанных на теории кодов.

Н. Ф. Яковлев еще в 1928 г. в статье «Математическая формула построения алфавита» ратовал за привлечение математических методов к решению вопроса о письме⁷. Сейчас теория информации дает в руки лингвиста необходимый математический аппарат.

Лингвисты, критикующие новые направления и отрицающие научные достижения их, часто говорят, что ничего нового эти направления не открыли. Они при этом забывают, что по-новому истолковать какое-нибудь явление, может быть, не менее важно, чем открыть его. Такими языковыми единицами, как фонемы, лингвисты оперировали с древнейших времен, однако едва ли кто-нибудь станет сейчас отрицать, что создание учения о фонеме было эпохой в языковедении.

Новое истолкование известных фактов языка необходимо, как уже говорилось выше, для развития прикладной лингвистики, значение которой в наше время трудно переоценить. Мы живем в эпоху технического переворота, когда к машине предъявляется требование помогать не только человеческим рукам, но и человеческому мозгу. Без такого переворота невозможно полное раскрепощение человека. Разве не гуманнейшей из всех задач является участие в решении таких практических задач?

Современная наука характеризуется стиранием границ между отдельными областями знаний. Можно ли согласиться с мнением, что при этом лингвистика как гуманитарная наука остается и должна оставаться резко отграниченной от негуманитарных наук? Думаю, что с этим согласиться нельзя. Величайшим открытием Маркса было именно то, что общество развивается по тем же общим законам диалектики, что и природа.

Заканчивая, я позволю себе сделать небольшое отступление. Нередко можно услышать мнение о том, что такая-то дискуссия ни к чему не привела. Едва ли единственным положительным результатом дискуссии можно считать «победу» какой-нибудь точки зрения; это — не всегда так. Спорящие стороны, как правило, останутся при своих мнениях, но не участвующие в споре, особенно молодые ученые, несомненно, извлекут пользу из дискуссии, независимо от ее итогов.

⁷ Сб. «Культура и письменность Востока», кн. 1, М., 1928.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Н. АМОСОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ФРАЗЕОЛОГИИ

В последние 15—20 лет в отечественную номенклатуру лингвистических дисциплин вошло и все прочнее в ней закрепляется новое название — фразеология. Эта отрасль языкознания привлекает внимание все более и более широких кругов языковедов. Бурно разрабатывается фразеологическая теория, ведутся фразеологические исследования материала различных языков — как родных языков самих исследователей (русского, белорусского, молдавского, татарского, украинского, эстонского, азербайджанского и др.), так и зарубежных (французского, английского, немецкого, испанского, китайского и др.)¹. Работы на фразеологические темы — диссертации, статьи, монографии, доклады, заметки, — появившиеся за последние десятилетия, насчитываются сотнями. Любая организуемая тем или иным научным учреждением (Научным советом по лексикологии и лексикографии при ОЛЯ АН СССР, словарным сектором Института русского языка, Самаркандским университетом и др.) сессия или конференция по проблемам фразеологии всегда привлекает множество участников. Достаточно вспомнить, что программа межвузовской конференции, организованной Череповецким педагогическим институтом в мае 1964 г., включала 80 докладов, посвященных различным проблемам и аспектам фразеологии.

В то же время у нас только начинают создаваться фразеологические словари национальных языков народов Советского Союза. Издававшиеся в свое время словари русских «крылатых слов» или «иносказаний»² ни в коей мере не могут удовлетворить нынешнюю потребность в словаре такого рода, будучи устарелым по материалу, по его отбору и обработке. Вышедший двумя изданиями сборник «крылатых слов» Н. С. и М. Г. Ашукных³ дает толкование, указывает источники и приводит некоторые цитатные образцы употребления только речений литературного происхождения. Фразеологических словарей других национальных языков Советского Союза еще вообще не существует, за редчайшими исключениями⁴. Потребностями переводческой и педагогической работы, по-видимому,

¹ См. библиографию литературы по фразеологии, изданной в СССР (1918 — 1964 гг.) в сб. «Проблемы фразеологии», М. — Л., 1964, стр. 255 и сл.

² Например: С. В. Максимов, Крылатые слова, СПб., 2-е изд., 1899 (переизд. — 1955); М. И. Михельсон, Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, I—II, СПб., 1903—1904; В. З. Овсянников, Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии, М., 1937.

³ Н. С. и М. Г. Ашукных, Крылатые слова. Литературные цитаты. Общеразные выражения, М., 1955 (2-е изд., М., 1960).

⁴ Например: Т. Сахокиа, Грузинские образные слова и выражения, I—III, Тбилиси, 1950—1957.

объясняется тот факт, что в первую очередь начали выходить в свет двуязычные фразеологические словари⁵.

Таким образом, теоретическая работа в области фразеологии заметно опережает сейчас у нас работу лексикографическую. Это понятно: в наши дни составлять словари, не имея в своем распоряжении строго продуманных и подкрепленных хорошо разработанной теорией фразеологии принципов их комплектования и построения, представляется уже невозможным.

Между тем, за рубежом дело обстоит как раз наоборот. Там лексикографическая практика не только обгоняет, но в большинстве случаев заменяет собой лингвистическую теорию в области фразеологии. Во многих европейских странах уже несколько веков тому назад, еще тогда, когда родной язык не служил для филологов объектом наблюдения и теоретического осмысления, начали появляться справочные сборники «речений», т. е. употребительных словесных комплексов, отмеченных семантическим своеобразием. Подбор материала для таких сборников производился, разумеется, «на глазок», с помощью единственного интуитивного критерия, который, в общем, на первых порах всех удовлетворял. Подбирались «речения», которые представляли собой «краткую общеупотребительную сентенцию или выражение, содержащее какой-либо троп, фигуру речи, омонимию, рифму или иную выразительную необычность (novity of expression)»⁶. Только в нашем столетии узуальные «речения» сделались предметом обсуждения в работах некоторых зарубежных лингвистов.

Примечательно, однако, что, хотя начало фразеологической теории было положено Ш. Балли в его «Французской стилистике» еще в 1909 г., инициатива этого ученого не была подхвачена другими западными лингвистами, и его учение о фразеологических единицах не получило в их трудах ни развития, ни поддержки, ни хотя бы теоретического опровержения. Работы по фразеологии за рубежом — редкое, эпизодическое явление; они носят характер разрозненных этюдов, никак, по сути дела, друг с другом не соотносящихся. Это либо краткие, зачастую совершенно дилетантские вводные статьи в словарях и пособиях по идиоматике⁷, либо отдельные разделы в трудах по стилистике, лексикологии или теории лексикографии⁸, либо (реже всего) заметки по истории сложения тех или иных «устойчивых выражений»⁹. Бросается в глаза отсутствие преемственной связи между этими работами. Л. П. Смит пишет об идиомах так, как если бы Ш. Балли вовсе не затрагивал этой проблемы за 16 лет до него, Х. Касарес также излагает свою концепцию речений и proverbially-ных сочетаний без упоминания о своих предшественниках, хотя некоторые

⁵ Например: Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова, Русско-татарский фразеологический словарь, Казань, 1959; Н. Н. Гамрекелли, Е. А. Мгалоблишвили, Русско-грузинская идиоматика, Тбилиси, 1956; В. П. Соловьев, Краткий молдавско-русский фразеологический словарь, Кишинев, 1958; И. И. Тарабукин, Краткий русско-коми фразеологический словарь, Сыктывкар, 1964; Л. Э. Бинович, Немецко-русский фразеологический словарь, М., 1956; А. В. Кунин, Англо-русский фразеологический словарь, М., 1955, и некот. др.

⁶ «A hand-book of proverbs, comprising an entire republication of Ray's Collection of English proverbs (1670)». London, 1855, стр. VII.

⁷ См., например: F. H. Vizetelly, L. J. de Bekker, A deskbook of idioms and idiomatic phrases in English speech and literature, New-York — London — Toronto, 1923; W. Borchart, G. Wustmann, G. Schoppe, Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert, 7 Aufl. bearb. von A. Schirmer, Leipzig, 1955, Zur Einführung, и др.

⁸ Например: L. P. Smith, Words and idioms, Ch. V, London, 1925; Х. Касарес, Введение в современную лексикографию, ч. III, М., 1958.

⁹ Например: В. J. Whiting, «Old maids lead apes in hell», «Englische Studien», 70, 3, 1936.

воззрения того же Ш. Балли или Л. П. Смита заслуживали бы прямой реакции автора, пишущего после них. Но и эти немногие теоретические работы зарубежных филологов по фразеологии не обнаруживают особого стремления к отысканию строгих лингвистических приемов анализа. В них фразеологические явления рассматриваются либо под стилистическим («экспрессивные факты языка» у Ш. Балли), либо под лексикографическим (Х. Касарес), либо под логико-психологическим, а также в большой мере этнографическим (Л. П. Смит) углом зрения. В последние годы интерес к разработке фразеологической теории наметился лишь в ряде социалистических стран в связи с общим широким разворотом исследовательской работы в области теории соответствующих национальных языков и лексикографии¹⁰.

Таким образом, даже те лингвисты за рубежом, которые полностью сохраняют верность так называемому «традиционному» языкознанию, за очень немногими исключениями не занимаются теорией фразеологии. Несмотря на это, в Западной Европе и в Америке издается огромное количество фразеологических словарей разного объема и различной целенаправленности, и основаны они, как и столетия тому назад, на чисто эмпирическом отборе материала. Особенно много таких словарей издается и переиздается в Англии и США. В этих странах ведется широкая пропаганда английского языка; поэтому многие фразеологические словари имеют учебный характер¹¹.

Вместе с тем, фразеология как наука, несмотря на свои успехи и популярность в нашей стране, находится еще в колыбели. Дело тут не в том, что в настоящее время в научном обиходе сосуществуют несколько разных, иногда резко отличных по своим принципам фразеологических концепций¹². Ведь в любом давнем-давно оформившемся разделе науки о языке — например, в грамматике — мы находим и принципиальные расхождения между учеными по линии методологии, и различия в теоретической трактовке изучаемых явлений, и разнообразие приемов исследования. В ходе времени модифицируется или перестраивается и методологическое, и техническое оснащение лингвистических теорий. Может изменяться и объем самого объекта данного раздела языкознания. Например, грамматика, первоначально ограничивавшаяся морфологией, с течением времени стала заниматься и синтаксисом; но основной объект ее — структура языковых единиц — от этого расширения не изменился, только увеличился состав единиц, изучаемых с точки зрения их строения. Границы же объекта фразеологии с самого начала ее формирования не получили общепризнанного определения. Прежде всего налицо два понимания этого объекта: во-первых, как сочетаемости слов в определенных их значениях, а во-вторых, как фиксированных словесных сочетаний, обладающих определенной спецификой семантики. Между этими двумя крайними позициями колеблется значительная часть фразеологических

¹⁰ Например: W. Doroszewski, *Struktura a znaczenie wyrazów*, «Poradnik jezykowy», 3—4, 1959; J. Minal, *Zo slovenskej frazeologie*, «Slovenska řeč», 24, 1959; К р. Ч о л а к о в а, Някои видове фразеологични единици и тяхното включване в речниците, «Изв. на Института за български език», VIII, София, 1962, и др.

¹¹ См.: Н. Н. Амосова, Об английских фразеологических словарях, «Лексикографический сборник», VI, М., 1963.

¹² Ср., например: В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, сб. «А. А. Шахматов», М., 1947; Н. Н. Амосова, Основы английской фразеологии, Л., 1963; А. В. Кунин, Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Автореф. докт. диссерт., М., 1964; В. Л. Аргагельский, Устойчивые фразы в современном русском языке, Ростов-на-Дону, 1964, и др.

работ, нередко совмещающих в себе обе эти установки¹³. Затем имеются разногласия и по вопросу о структурных типах фразеологических единиц. Одни исследователи считают возможным относить к фразеологическим единицам только словосочетания непредикативной структуры, делая исключения лишь для таких предикативных образований, которые функционально эквивалентны словосочетанию как единице номинации, а не коммуникации¹⁴. Другие исследователи включают во фразеологический фонд языка и словесные комплексы со структурой предложения, безотносительно к их функции единицы коммуникации или номинации, на основании того признака, что они извлекаются из памяти целиком, а не творятся в процессе общения¹⁵. Нет полного единомыслия и в отношении функционально-стилевой характеристики фразеологических единиц. Одни лингвисты (правда, их теперь меньшинство) трактуют их только как эмоционально-экспрессивные средства языка¹⁶, другие вовлекают в круг рассмотрения сочетания слов любого функционально-стилистического ряда¹⁷.

Все исследователи, как бы ни расходились их взгляды по ряду частных вопросов, сходятся в одном, очень важном, отношении: они занимаются неоднословными образованиями, «привычными» сцеплениями слов, имеющими семантическое, структурное и функциональное своеобразие, отличающее их и от лексем, и от абстрактно-моделированных синтаксических конструкций. Такие проблемы, как место этих образований в системе языка, формы их функционирования в речи, их типология, внутренние зависимости, существующие между их членами, — все эти и многие другие проблемы в своей совокупности составляют основу для единства научной задачи. Разработка этих проблем не может вестись ни в рамках лексикологии, ни в рамках синтаксиса, ибо лексикология занимается словами как таковыми (с разных точек зрения), а не их сочетаниями¹⁸, а синтаксис — синтаксическими конструкциями как таковыми (с точки зрения их моделей, внутренней грамматической взаимообусловленности членов структуры и т. п.).

Фразеология — это учение об узуальных словесных комплексах, отличающихся не только устойчивостью, т. е. традиционной повторяемостью комбинации определенных лексических компонентов, но и семантическим обособлением, т. е. немоделируемой структурой содержания. Включение в область фразеологии проблем сочетаемости слов вообще разбило бы цельность ее объекта, увело бы ее от круга ее непосредственных задач. А ведь круг этот весьма широк. Перед фразеологией стоит целая громада специфических проблем, ожидающих доказательного решения или более углубленной разработки. Это — и сущность фразеологизации словосочетаний и вариантность фразеологических комплексов, и их строение и их формальные преобразования в условиях речи, и связь их преобразований со структурой их значения, и функциональная нагрузка фразеологиче-

¹³ См., например: О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957, стр. 166—167; Н. М. А л е к с а н д р о в, К вопросу о классификации фразеологических единиц, «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 189, 2, 1959, и мн. др.

¹⁴ См., например: Н. Н. А м о с о в а, Основы английской фразеологии, стр. 136 и сл.

¹⁵ См.: Н. М. Ш а н с к и й, Фразеология современного русского языка, М., 1963, стр. 3.

¹⁶ См., например: И. Е. А н и ч к о в, Идиоматика идиом и идиоматика идиоматизмов, сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964.

¹⁷ См., например: О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, III, М., 1957.

¹⁸ В этом отношении особое место занимает указанная выше монография О. С. А х м а н о в о й.

ских комплексов, и многое другое. При фразеологическом исследовании единицей наблюдения является сочетание слов, обладающее указанными выше признаками. При исследовании же лексической валентности слов единицей наблюдения является слово в различных его значениях или формах; анализ сочетаний, элементом которых является данное слово (или каждое слово из данного определенным образом вычлененного идеографического или лексического ряда), дает лишь материал для установления речевых условий семантического варьирования этого слова (или этих слов). Это кардинальное различие и отправной точки, и предмета, и цели, и материала исследования ведет к различию самой проблематики изучения сочетаемости слов и их узуальных сочетаний.

Вместе с тем, фразеология известным образом связана с вопросами сочетаемости слов. Чтобы понять специфику фразеологических единиц, необходимо знать, как вообще слова семантически взаимодействуют друг с другом в составе одной и той же конструкции, допускающей широкие лексические вариации, каковы закономерности и типы этого взаимодействия в переменных сочетаниях. Французская поговорка гласит, что сравнение — это не довод. Как общая истина, это неверно. Сравнение, сопоставление есть необходимый этап при дифференциации изучаемого предмета от других предметов одного с ним порядка. Поэтому необходимым трамплином для проникновения в сущность фразеологических единиц служит ознакомление с семантическими процессами, происходящими в словах, входящих в переменные сочетания. Без этого приблизительность и известный субъективизм в определении и характеристике фразеологических единиц не могут быть преодолены. Таким образом, фразеология в значительной мере связана и зависит от степени нашей осведомленности относительно контекстуальных связей слов, т. е. от того, что можно назвать «контекстологией». Но связь не есть тождество. Фонетика как наука о звуках речевого акта тесно связана с физикой и физиологией, но, разумеется, от этого не становится разделом некоей обширной науки, другими разделами которой являлись физика и физиология. Она имеет свой специальный объект. Поэтому раздвигать границы фразеологии и превращать ее в науку о словесных комбинациях в широком смысле, и лишь в том числе и о фразеологических единицах, представляется принципиально неправомерным.

Естественно возникает вопрос: имеет ли научный смысл формирование фразеологии как особой лингвистической дисциплины? На этот вопрос, с нашей точки зрения, можно ответить только утвердительно. Фразеология сможет восполнить тот пробел, который существует в исследовании реального языка во всей полноте и конкретном своеобразии его материала. Фразеология сможет добыть ценнейшие данные для более точных, освобожденных от умозрительности, семасиологических представлений. Она внесет существенный вклад в исследование закономерных соотношений между формой и содержанием в языке на различных уровнях, между номинацией и коммуникацией (в лингвистическом значении последнего термина) и их соотношением с определенными языковыми структурами или конструкциями. Полученные фразеологией данные смогут дать много полезного и для некоторых частных проблем языкознания, таких, как внутриязыковые причины переосмысления слов, словообразовательная мотивировка слов¹⁹ и т. п.

Важно, однако, отдавать себе отчет в том, что успешно выполнить стоящую перед ней задачи фразеология сможет лишь при том условии,

¹⁹ См.: Н. М. Ш а н с к и й, Фразеология современного русского языка, стр. 119 и сл.; А. В. К у н и н, Некоторые вопросы английской фразеологии, в кн.: «Англо-русский фразеологический словарь», стр. 1451.

если выработает объективные и надежные методы исследования. В этом отношении нельзя закрывать глаза на определенные трудности.

Главная трудность заключается в том, что фразеологии приходится оперировать до сих пор лингвистически не уточненными понятиями — такими, например, как тождество и различие лексического значения, цельнооформленность слова (для многих языков безусловных признаков ее не найдено); даже такие, казалось бы, фундаментальные для фразеологии понятия, как устойчивость и идиоматичность сочетания, еще находятся в стадии обсуждения. В этом отношении, впрочем, фразеология вовсе не одинока. Даже такая старая и почтенная наука, как грамматика, пользуется некоторыми неопределенными понятиями, как, например, модальность, предикативность, да и само понятие предложения, как известно, не может считаться исчерпывающе проясненным. Даже современные, казалось бы, строго формализованные грамматические описания используют некоторое количество никак не определяемых понятий вроде «единицы плана содержания», «границы допустимости трансформаций» и др. Впрочем подобная оглядка на несовершенство других отраслей языкознания может служить для фразеологов только в качестве известного оправдания несовершенства их собственных первоначальных методов и определений. Но оправдывать этим самоуспокоенность, жонглирование зыбкими терминами и дефинициями, произвол в решениях значило бы попросту отказаться от постановки действительных научных проблем фразеологии. Да, фразеологии очень трудно. Ей нельзя рассчитывать на то, что «старшие», т. е. давно существующие, лингвистические дисциплины дадут ей в руки готовые репеты, безусловные истины и тонко разработанные технические приемы исследования. К сожалению, то, что ей нужнее всего — например, определение слова (и доказательство принципиального отличия слова от морфа), границ слова, разных уровней значения, типов содержания различных языковых структур — до сих пор еще не может ей дать ни лексикология, ни семасиология, ни грамматика. Как известно, попытки структурального анализа значения до сих пор еще не дали конкретных результатов, на которые фразеология могла бы спокойно опереться. А ведь для фразеологии учет семантики — это один из необходимых инструментов анализа, а не вспомогательное (к тому же нередко тайком используемое) средство проверки описания тождества и различия языковых структур.

Трудности, стоящие перед фразеологией, не должны смущать языковедов. Ведь в процессе фразеологических исследований как раз и могут быть ликвидированы многие «белые пятна» теории языка. Ни одна наука не начиналась на совершенно готовой основе. Многие из разногласий в стане фразеологов объясняются именно поисками метода исследования, выбором неодинаковых путей в ходе этих поисков. Полемика может только помочь отсеять полезное от ложного, лишнее от необходимого, преодолеть субъективизм, нащупать лингвистическую непреложность выводов, переходить от рабочих гипотез к отработанным понятиям. Как бы ни отличались методы, применяемые разными языковедами при анализе материала различных языков, в последнее время для многих работ характерно именно стремление к объективности применяемых процедур и критериев. В этом стремлении — залог будущих успехов фразеологии.

Многие фразеологи в свое время обрадовались появлению статьи И. А. Мельчука, в которой автор предложил особые методы определения устойчивости и идиоматичности сочетаний слов²⁰. На первый взгляд

²⁰ И. А. М е л ь ч у к, О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», ВЯ, 1960, 4.

казалось, что, наконец, получены подлинно лингвистические критерии этих явлений. К сожалению, быстро наступило разочарование. Стало ясно, что, если для практики машинного перевода в предложениях автора и есть что-то полезное (не будучи специалистом в области МП, я судить о степени этой пользы не могу), то для фразеологической теории они неприменимы. По И. А. Мельчуку, устойчивость сочетания определяется относительно одного из его элементов и фактически представляет собой достаточно высокую вероятность, с которой данный элемент «предсказывает» совместное появление остальных элементов сочетания (в определенном порядке относительно предсказывающего элемента). Степень устойчивости может быть различной в зависимости от степени комбинаторных ограничений, характерных для предсказываемого элемента. Самый выбор этого последнего обуславливается приблизительной оценкой его лексической валентности, основанной «на субъективных ощущениях» или на обследовании «сравнительно небольших выборок»²¹. Как видим, и в эту процедуру вкрадываются и интуиция, и приблизительность оценок, и в этом отношении техника И. А. Мельчука ничуть не строже и не точнее, чем приемы анализа, применяемые в ряде новейших работ советских фразеологов. При такой технике установления устойчивости окажется, что сочетания *бить баклуши*, *провалиться в тартарары* — с одной стороны, и *мертвецки пьян*, *закадычный друг* — с другой стороны, обладают устойчивостью одного порядка. Для фразеологического анализа этого мало. Характер связанности компонентов в этих двух рядах явлений настолько различен, что некоторые лингвисты даже вообще не считают единичную сочетаемость слова обязательно создающей фразеологическую единицу²².

Неоднородность сочетаний, сопоставляемых только по линии совместной встречаемости членов или предсказуемости одного члена через другой, конечно, видит и сам И. А. Мельчук. Поэтому он выдвигает критерий идиоматичности, позволяющий отличить сочетания первого ряда от сочетаний второго ряда. Идиоматичность, по И. А. Мельчуку, это наличие в сочетании хотя бы одного такого слова, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписать переводный эквивалент, возможный для данного слова только в данном окружении. Так, в сочетании *собаку съел* словоформа *собаку* получает «единичный перевод» — «знаток» («мастер»), а словоформа *съел* дает пропуск (или наоборот: элемент *съел* интерпретируется как «знаток», а элемент *собаку* пропускается²³). В результате такой опознавательной процедуры это сочетание определяется как идиоматичное, но неустойчивое, ибо не содержит в себе слов с единичной или хотя бы очень ограниченной сочетаемостью. Как ни необычно звучит утверждение, что идиома может быть неустойчивой, оно вполне согласуется с авторской концепцией самой устойчивости. Между прочим, эту же процедуру можно проделать и с устойчивой идиомой, чтобы выявить не только ее устойчивость (очевидную по наличию в ней слова с единичной сочетаемостью), но и ее идиоматичность (*бить баклуши* = «бездельничать» + пропуск). Однако заманчивая перспектива столь простыми весами взвешивать устойчивость и идиоматичность сочетаний на деле оказывается миражем. Единичный перевод — внутриязыковая перифраза — это условный прием, который с таким же основанием и с такими же результатами может быть применен и к неидиоматичному и неустойчивому сочетанию, всецело принадлежащему индивидуальному речевому акту и не имеющему отношения к фразеологическому фонду языка.

²¹ Там же, стр. 74.

²² См.: А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 225.

²³ И. А. Мельчук, указ. соч., стр. 76.

Например, выражение Маяковского *версты улиц взмахами шагов мну* придется признать содержащим неустойчивую идиому *взмахами шагов мну*: [*взмахами шагов* = пропуск] + [*мну* = единичный перевод „прохожу“]; а пушкинскую строку *пока дохнет веселый день* можно обработать таким образом: *пока* + [*дохнет веселый день* = единичный перевод „рассветет“], что тоже даст соответствующую неустойчивую идиому. Нетрудно видеть, что все эти операции не обеспечивают четкой формальной дифференциации узуальных и окказиональных, идиоматических и образных комбинаций слов. Следовательно, операции эти не помогают разрешить основной вопрос фразеологии относительно лингвистической специфики традиционных сочетаний. Предлагаемая техника неприменима и к целому ряду составных терминов, обиходных формул общения и т. п., что отметил и сам И. А. Мельчук. Следует обратить внимание на то, что в его работе не рассматриваются такие сочетания, один из компонентов которых обладает единичной сочетаемостью в каком-то одном из своих значений, тогда как другой сохраняет свое независимое от данного сочетания значение (например, *орлиный нос, слепая кишка*). К ним применима та же операция приписывания единичного перевода одному из компонентов (*орлиный* = единичный перевод «с горбинкой» + *нос*; ср. операцию И. А. Мельчука: *остаться с носом* = *остаться* + единичный перевод „ни с чем“). Но ставить в один ряд идиомы типа *остаться с носом, собаку свел* и сочетания типа *орлиный нос, слепая кишка* невозможно, в них различно соотношение между целым и его частями. Наконец, следует сказать и о том, что, как И. А. Мельчук ни стремится уклониться от семантических критериев, ему не удастся их избежать, ибо сам механизм подстановок и перифраз всецело зависит от толкования сочетания. Например, *сорвать маску (с кого-либо)* — неустойчивая идиома, если в нее можно подставить единичный перевод (*сорвать* = «разоблачить» + пропуск), и неустойчивое неидиоматичное сочетание, если оно не поддается такой обработке; но мы можем узнать, поддается оно ей или нет, только по смыслу фразы в данном случае употребления.

Мы коснулись статьи И. А. Мельчука только с целью показать, во-первых, сложность выработки методов фразеологического анализа, а во-вторых, необходимость для фразеологов самостоятельно их разрабатывать, не рассчитывая на помощь со стороны.

В рамках небольшой статьи невозможно подвергнуть обсуждению различные методы и концепции, содержащиеся во фразеологических работах последних лет. Каждая из них заслуживает подробной критики (мы понимаем под критикой не безапелляционное осуждение и не наклеивание ярлыков, а внимательное и серьезное рассмотрение всей системы идей автора, ее оснований и результатов, с отбором всего положительного, что она несет). Но в данных условиях это неосуществимо, да для непосредственной задачи статьи и не нужно. А задача эта состояла только в том, чтобы высказать некоторые общие соображения о перспективах фразеологии и о ее значении как особой отрасли языкознания.

А. Д. ГРИГОРЬЕВА

О ПОЭТИЧЕСКИХ ШТАМПАХ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В.

Среди многих фразеологических штампов поэтического, а часто — шире — вообще книжного стиля речи конца XVIII — начала XIX в. привлекают внимание сочетания, группирующиеся вокруг слов-образов, обозначающих части человеческого тела (в широком смысле). Их объединяет общность исторической судьбы и функций. Это слова: *недро*, *лоно*, *лицо*, *лик*, *чело*, *темя*, *ребро*, *бедро*, *чресла*, *хребет*, *сердце*; некоторые из них обладали и зафиксированными в словарях «пространственными» значениями. Так, слова *недро* и *лоно* могли, кроме «утробы», «чрева» и «груди», обозначать вообще «внутреннюю часть чего-нибудь» и «поверхность чего-нибудь»; слово *лицо* — «внешнюю сторону» и «поверхность»; *чело* и *темя* — «верх», «вершину»; *ребро* — «бок, боковую часть чего-нибудь»; *хребет* — «верхнюю часть» и «поверхность чего-нибудь». Как основное значение, так и значение «пространственное» в поэтическом языке могли сосуществовать:

Возвратимся все отселе
Скоро в недра мы земли
(П. Сумароков, Гимн «О премудрости божией в солнце»);

Смотри, как буря в лоне туч
С багровой молнией зреет
(Марлинский, Из «Листка из дневника гвардейского офицера»);

Когда бугрятся, как могилы,
Валы на пенном лоне вод?
(Ф. Глинка, Молитва);

Рассеянные облака
Быв легче, бродят, как стада,
Нестройно по лицу небес.
(Бобров, Херсонида);

Не вечно ливнем дождь стремится
На пестрое лицо полей;
(Капнист, Утешение в горести)

Пространство воздуха лазурно
И чела в злате гор горят
(Державин, Гром);

И в темя гор перун разит
(Востоков, К Лицинию);

Хребет свирепого Нептуна
Лети, кто хочет поизрать
(Хвостов, Река Кубра)

Зрел... Как с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
(Державин, На возвращение графа Зубова из Персии).

Перечисленные случаи не дают основания предполагать живую метафору, которая определяла бы персонификацию предмета (земля, вода, небо, горы). Но ощущение основного значения слов обеспечивало поэтам возможность игры конкретными представлениями, что достигалось или персонификацией предметов в соответствии с принятой изобразительной нормой — представлением их в образах мифологических персонажей (например: «И недра Теллы благодатной Орющих ощутило плуг», Востоков, Утро; «Мою усталость я покою На лоне девственных дриад», Языков, К Тихвинскому; «Румяный лик Авроры Выглядывал на горы», Богданович, Душенька), или путем поддержки образа целым контекстом (например: «Знать солнышко утомлено: За горы прячется оно, Луч погашает за лучом И алым тонким облачком Задержув лик усталый свой, Уйти готово на покой», Жуковский, Летний вечер).

О еще живом ощущении связей основного и вторичного, «пространственного» значения этих слов говорит и стремление отдельных авторов к подмене их синонимами, не развившими у себя соответствующих «пространственных» значений. Так, рядом с ходовым сочетанием *в недрах земли* встречается *в чреве земли* («И огонь рекой стихии льют Борьбу в земном не кончив чреве», Петров, На взятие Хотина), рядом с случаями типа *лоно вод* встречаются *грудь земли* («Взрывая плугом грудь земли», Жуковский, Четыре времени года) и *на персях матери своей* [земли] («На персях матери своей, Природы верный сын, ... Пустынные ты катишь волны», Е. Зайцевский, Учан-Су); рядол с *лицом небес* возникает *чело небесное* («Чело небесное нахмура [буря], Куда перуны ни бросала, Почти все троны потрясала», Е. Люценко, Судьба наук), рядом с обычным *лик луны* появляется *чело луны* («Се! — целое луны чело! — От сребренных ее лучей Бледнеют мшистые холмы», Бобров, Херсонида), рядом с *ребра гор* делаются возможными *бедрa гор* («Бледнеют бедра гор кремнистых», Бобров, Херсонида), а рядом с *ребра туч* — *чресла облаков* («Бледнеют чресла облаков От яркого лица огней», Бобров, Херсонида). Попытка обновления образа путем замены в подобных сочетаниях слов *недра*, *лоно*, *лицо*, *ребро* и т. п. их синонимами или близкими по значению словами не нарушала цельности соответствующей фразеологической единицы. Возможность подобной замены говорит о еще живом ощущении метафоричности данных слов. Последнее обстоятельство в какой-то мере даже определялось семантической связанностью сочетаний, поскольку расширение круга управляемых слов могло бы привести к укреплению у этих слов «пространственных» значений.

Следует заметить, что возрождение образной основы рассматриваемых слов в подобном роде сочетаниях определялось и условиями их употребления в тексте — их грамматической формой, степенью соседства с управляемым словом и местом по отношению к этому последнему. В подтверждение того, что даже в 20—30-х годах XIX в. исходное значение этих слов могло ощущаться довольно четко, можно привести следующее замечание Пушкина по поводу разбора в журнале «Атеней» стихотворных строк «На красных лапках гусь тяжелый, Задумав плыть по лону вод, Ступает бережно на лед» — «лоно не означает глубины, лоно значит грудь»¹.

Употребление рассматриваемых слов в некоторых формально-ограниченных условиях (в отдельных падежных формах) иногда влекло за собой почти полную утрату их семантического наполнения, превращение предположительно-падежного соединения в простой указатель отношения. Это обстоятельство определило появление новых синонимических соответствий, в которые включались семантически далекие слова в тех же структурно

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., 11, Л., 1949, стр. 71—72.

ограниченных условиях. Так, в ряд с сочетанием *на лоне (чего)* при обозначении поверхности можно было включить *на хребте (чего)*, *на челе (чего)* и т. п.; в ряд с сочетанием *в недрах (чего)*, *в лоне (чего)* при указании на состоящие, в котором пребывает кто-нибудь, ставилось *в объятиях (чего)*, *под сенью (чего)*. Эти сочетания представляли собой стилистически окрашенные, поэтические или книжные эквиваленты нейтральных предлогов, обозначающих те же отношения — *в (чем)*, *на (чем)* и т. п.

Рассмотрим более подробно различного рода речевые синонимы в поэзии конца XVIII — начала XIX в., возникающие при обозначении пространственных и некоторых других отношений.

К словам *недро (недра)*, *лоно*, *утроба*, *чрево*, *сердце* поэты XVIII — начала XIX в. обращались при обозначении глубины, внутренней части земли, гор («...незабвенных *В недрах гладных земли* Хищной смертью заключенных», Карамзин, К соловью; «*И в лоно гладное земли* Чету младую положили», Пушкин, Цыганы; «*Земные не минем утробы*», Сумароков, Из 48 псалма; «*И огонь рекой стихии льют, Борьбу в земном не кончив чреве?*» Петров, На взятие Хотина; «*И в сердце гор* откроет ход», Капнист, На победы Росса в Италии), больших водных масс, моря, океана («*В недре моря Средиземна Нимфы славятся твои*», М. Н. Муравьев, Богине Невы; «*Гиперион коней спускает в лоно вод*», Катенин, Сафо; «*Тщетно глубины утроба* Мещет бурю, скорбь и глад», Сумароков, Дифирамб XII; «*Из чрева пучины бежали валы*», Жуковский, Кубок; «...неки древни Атлантиды Погрязли *в сердце океана*», Бобров, Херсонида), воздушных масс, туч, облаков («*И громовые тучи... И яркой молнии змеей В их недре извивались*», Жуковский, Громобой; «*Что, солнце, тихо, так уныло Ты сходишь в лоно темных туч*», Державин, Предвестие) и реже других явлений. Лексическая ограниченность связей этих слов в данной функции способствовала превращению группы управляемого и управляющего слов в устойчивые сочетания книжной речи, далеко не равные по своей употребительности. Слово *лоно* как член данного синонимического ряда начинает активизироваться в самом конце XVIII в., противопоставляясь слову *недра* как поэтическое книжному, однако не вытесняя его полностью из обращения². К слову *утроба* обращались преимущественно при обозначении земных недр как места успокоения умерших («*Мертвых дом — земли утроба*», Жуковский, Людмила; «*И глас не твой ли из земныя Взывал утробы мертвецов*», Державин, Христос; «*Все, все равны в земной утробе*», В. Слепцов, Могилы; у Теплякова встретилось: «*Тебе в утробе гор, под стражею духов, Миров исчезнувших сокровища покажет*», «*Любовь и ненависть*»)³. Затверженность лексических связей приводила и здесь к снижению действительной силы образа, хотя и не вызывала оформления у этого слова значения «глубина». Наиболее полно сохранившим свою образную основу в силу своей меньшей употребительности было слово *чрево*.

Для обозначения отношения предмета к поверхности другого предмета, а также «поверхности» вообще в поэтическом (отчасти книжном) языке этого времени функционировали слова *лоно*, *грудь (перси)*, *недра*, с основным исходным значением «грудь», а также слова *лицо* и *хребет* (в значении «спина»). Наименее употребительным из них было слово *недра*, впрочем, встречающееся у отдельных авторов даже в начале XIX в.

² Сочетание *в недра, недрах земли, гор* сохраняется как книжное до настоящего времени.

³ У Кюхельбекера в стихотворении «Жребий поэта» встречаем не связанное нормами употребление этого слова: «Исчезни же! *утроба тула* Полна мучительных смертей».

Круг лексических связей этих слов был примерно тем же, что и в предыдущем синонимическом ряду; *лоно земли, вод (бездн); лицо земли, небес* («Не серебрят, а пенят воды *На лоне илистой земли*», Полежаев, Осужденный; «Как приятный ручейка *Блеск на лоне луга*», Жуковский, Светлана; «Не вечно ливнем дождь стремится *на пестрое лицо полей*», Капнист, Утешение в горести; «Есть дикая скала *на лоне океана*», Полежаев, Бонапарте; «И впечатлел зефир *на лоне быстрых струй* Благоуханный поцелуй», Зайцевский, Учач-Су; в форме других падежей с предлогами: «*По лону вод* Вдруг солнца луч простерся полосой», Катенин, Сафо; «*Рассеянные облака* Быв легче, бродят как стада, *Нестройно по лицу небес*», Бобров, Херсонида).

Частота обращения к сочетаниям с этими словами (преимущественно в форме вин., предл. и дат. падежей с соответствующими предлогами) способствовала превращению их в начале XIX в. в устойчивые поэтические трафареты, сделавшиеся впоследствии одной из типичных языковых примет поэтического языка карамзинского периода.

Слово *хребет* включалось в данный синонимический ряд лишь при обозначении водной поверхности: *по хребту вод, волн, рек* и т. п. В начале XIX в. активность этого сочетания резко падает; оно вытесняется сочетанием *по лону вод (волн, рек)*.

Представь на пышной колеснице
Угрюмого Царя морей,
Когда с трезубцем он в деснице
Ступает *по хребту зыбей*.

(Хвостов, М. В. Ломоносов)

«Так он шел *по непостоянному хребту сих вод, нетвердых и незамерзлых*» (Шипков, Освобожденный Иерусалим).

При употреблении в форме мн. числа слово *хребет* в данных условиях делается конкретным синонимом слов *вал, волна, зыбь*: «*По хребтам твоих же вод... Плод наук мне принесет*» (Шевырев, Петроград); «*И по хребтам твоим* направить Мой поэтический побег» (Пушкин, К морю)⁴.

Совпадая в своем значении при наименовании одного и того же явления — поверхности воды, слова *хребет, лоно, лицо* несли в себе дополнительные оттенки значений, естественно определяющиеся исходным образом «спины» и «груды». Слово *хребет* таило в себе скрытые возможности обозначать неровность, изогнутость, вздыбленность этой поверхности⁵, *лоно* скорее связывалось с представлениями о глади, покое. Для разрушения этих семантических обертонов требовалась поддержка контекста, прежде всего эпитетная. Ср.: «Ерошит *гладкий вод хребет*» (П. Сумароков, Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе); «*Колеса могучей машины* Роют *волнистое лоно пучины*» (Боратынский, Пироскаф). Впрочем частота обращения к словам *лоно, лицо* при обозначении поверхности делает их «беспризнаковыми». По-видимому, именно это последнее обстоятельство определило тенденцию к распределению между ними отдельных падежных форм парадигмы. Так, слово *лоно* встречается преимущественно в формах *на лоно, лоне земли* (и др.), реже *в лоно, лоне, по лону, к лону, с лона земли*; слово *лицо* преимущественно в форме *с лица земли, по лицу земли* (и др.). Закрепленным был и круг управляемых слов — более широкий при слове

⁴ В поэтическом языке начала XIX в. слово *хребты* в значении «валы, волны», вытесняется его синонимом *зыбь*, см. у Пушкина: «*И по зыбям твоим* направить Мой поэтический побег» в вариантах стихотворения «К морю». См. также «Словарь языка Пушкина», II, М., 1957, стр. 162.

⁵ Ср. обращение к этому слову для обозначения горных цепей, закрепившееся в литературном языке.

лоно (в этом сказалась светская, в значительной мере французская традиция употребления этого слова), более узкий при слове *лицо* (*земли, небес*), отражающий установившиеся в церковной книжности формы связей (семантически ограниченным является здесь и глагольное окружение сочетания: *с лица земли* обычно *исчезают, стирают* и т. п.). Замкнутость лексического окружения и узкие границы применения этого сочетания определили закрепление за ним церковно-книжной, высокой экспрессии, противопоставив общепоэтическому тону сочетаний со словом *лоно*⁶.

В начале XIX в. слово *лицо* в значении «поверхность», расширяя круг своих лексических связей за счет слов, тематически близких слову *земля* (*Лицо полей, долин, лугов, вселенной, даже вод*), по стилистической окраске подравнивается к слову *лоно* в тех же конкретных сочетаниях. Например: «Льзя ль вечно ясной быть погоде И век цвести *лицу долин?*», Милонов, К другу; «И златом жатв обогащает *Лицо лугов, полей, долин*», Востоков, Пиитическое созерцание природы; «Умолк мятеж и не смущает *Вод Финских светлого лица*», Крылов, Ода на заключение мира со Швецией.

Сочетания *на лоне, в недрах*, указывая на пребывание в пределах, в кругу, среди кого, чего-нибудь, теряют свое вторичное значение («глубина», «поверхность») и превращаются в поэтические синонимы предлогов *в* и *на* — употребление, возникшее, по-видимому, не без влияния соответствующих применений французского *sein* (*le sein de la famille, le sein d'un Royaume, d'un pays*); ср.: *в недрах, в лоне семьи, на лоне семьи, страны* («... в недрах семейства моего чувствую какую-то пустоту», К. Пучкова, Разговор; «И ты дни окончишь в тиши безмятежной *На лоне родимой страны*», Рылеев, Глинский⁷). Французское *au sein de la nature* калькируется как *на лоне природы* («Под кровом неизвестным, *на лоне природы*, пускай расцветет и увянет жизнь моя!» Жуковский, Вадим Новгородский); сочетание *au sein de* находит в литературном языке этого времени отражение в виде *в недрах, в лоне, на лоне* с последующим существительным непространственного значения — такое применение не позволяет предполагать хотя бы элемент живого образа (т. е. «утроба», «чрево» или «грудь»); ср., например: «Но небосклон Единым солнцем озарен, *И* то лишь днем; — а *в лоне ночи Ты*, к изумлению естества, Едва откроешь ясны очи — Сейчас воспламеняешь два» (Бенедиктов, «Земная ты»), где сопоставления *днем* и *в лоне ночи* (= ночью), говорит о механическом использовании поэтического штампа.

Распространение поэтических штампов не препятствует оживлению в поэтической речи исходной образной формы знаменательных слов в составе этих предложных сочетаний. Это явление усиливается в конце XVIII — начале XIX в. Ср. такие примеры: «Натура, одевая мрак, дремлет *на лоне полуночи*» (Жуковский, Мысли на кладбище); «И вся природа, *к ней [ночи] склонившись На лоно*, спит священным сном» (Мерзляков, Ночь); «Смотри, как солнце золотое Днесь лучезарное горит; *Небесное лицо глядит* на всех *вселое, младое*» (Державин, К Музе)⁸.

⁶ Сказанное не означает, что сочетания со словом *лоно* не имели высокой стилистической окраски. Ср. сочетание *лоно Абрамова* со значением «вечного блаженства» («Dictionnaire de l'Académie Française», Nismes, 1778, II, стр. 462 под словом *sein* дает: «Dans le style de l'Écriture-Sainte. *Le sein d'Abraham*, se dit Du lieu de repos où étoient les âmes des Élus avant la venue de N.S.J.C.»).

⁷ Княжнин в сокращенном переводе «Предисловия» к «Генриаде» Вольтера пишет: «*Франция* тогда к нещастию своему *в недрах своих* имела весьма сильных вельмож».

⁸ Ср. у В. Гюго: «*Sa chevelure, aux crins des comètes mêlée Flamboie au front du ciel*», Mazeppa, «Les Orientales».

Слово *лицо*, как отмечает «Словарь Академии Российской»⁹, кроме указания на «поверхность» определенных предметов, могло обозначать «вид, внешний облик» предметов. Впрочем более употребительным в этой функции было слово *лик* — поэтический синоним слов *вид*, *образ* (*облик*), реализующее это значение в сочетаниях *лик луны*, реже *лик солнца*. На фоне этого привычного поэтического сочетания замена слова *лик* синонимами воспринималась как некоторое нарушение поэтической нормы в сторону нейтрально-языковых или высоких средств. Ср. разные переводы песен Оссиана¹⁰: А. Дмитриев: «Луна... то скройся, то паки представ нашему взору унылый твой образ»; Костров: «...являй попеременно задумчивое и бледное чело твое»; Карамзин: «...являй многократно *лицо твое*».

О практической возможности расширения в поэзии этого ряда синонимов говорит следующий пример из «Оды на рабство» Капниста: «Когда светило дня свой кроет вид...».

Любопытно отметить взаимодействие основных и переносных употреблений слов в поэтической речи. Привлечение по аналогии со словом *лик* (в значении «вид, образ, облик») слов *лицо*, *чело*¹¹ определяет два явления: с одной стороны происходит расширение лексических связей вторичного, пространственного значения слова *лицо* (ср. выше *лицо земли, вод, небес*), с другой — подравнивание слов *лик*, *лицо*, *чело* в значении «лицо»; таким образом, у слов *лик* и *чело* возникает то употребление, которое им не было свойственно. Ср.:

Се среброное на дальных гор хребты
Вступило утро, лик осклабя свой златый
(Востоков, Утро);

Лишь месяц сквозь туман багряный лик уставит
В недвижные моря
(Батюшков, Вечер);

Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;

[Батюшков, Ложный страх (Подражание Парни)];

Се! — целое луны чело! —
От серебряных ее лучей
Бледнеют мшистые холмы
(Бобров, Херсонида);

Как там чело зари алеет?
Какой там пурпур пламенеет
Средь сих пустынь,—
(там же).

⁹ «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный», в 6 частях, СПб., 1806—1822.

¹⁰ Примеры взяты из книги В. Д. Левина «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.», М. — Л., 1964, стр. 250.

¹¹ «Словарь Академии Российской...» (ч. VI, стр. 1252) у слова *чело* (слав.) выделяет значение «лоб». Данные «Словаря языка Пушкина» позволяют заключить о наличии в поэтической речи этого времени у слова *чело* метонимически смещенного употребления в значении «лицо», вообще «голова» (т. IV, стр. 889), возникшее, возможно, под воздействием употребления слова *front* во французском языке. Ср. у Боброва: «Се! — *златопламенно чело* Подъежится из-за холма, — *чело великого Царя!*» («Херсонида»).

Синонимические отношения, возможные между словами *лик* и *лицо* в узко ограниченном лексическом окружении (*лик, лицо луны, солнца*), стимулируют появление рядом с сочетаниями *лицо земли, небес* сочетаний *лик земли, земной, неба*, а также *чело долов, небесное*.

Если при обозначении поверхности или вида вообще обращение к слову *чело* не было массовым явлением, то при наименовании вершины, верха чего-нибудь оно занимало положение господствующее, выступая рядом с *глава* как поэтический синоним нейтральных слов *верх, вершина*. Реализовалось это значение преимущественно при наименовании вершин гор, скал, холмов, хотя и не ограничивалось ими. Ср. у Державина: «Сквозь мглу восходит *злак чело*» («К Музе»); у Капниста: «Краса он [*берест*] был и честь дубравы, Над кою *чело* вознес.... От своего *чела* взнесена Над правнуками тень прострет... *Главой* в реку б он погрузился» («В память береста»); у Боброва: «Над *челами* *древес кудрявых*» («Херсонида»); у Державина: «Воздвигнув на земле громады И *зодчества* блестя *челом*, Трудилась...» («Памяти друга»).

Слово *темя* в синонимическом ряду *верх, вершина, глава, чело* являлось, по-видимому, словом менее поэтическим. «Словарь церковнославянского и русского языка», отмечая у него связанное употребление «темя горы: зн. вершина горы», не сопровождает его никакой стилистической пометой¹².

В начале XIX в. слова *глава, чело, темя* на фоне нейтральных *верх, вершина* могли восприниматься как поэтическая метафора исходных значений этих слов, более или менее высокая (ср. слово *чело* в ряде других). Например: «Я видел вас, граниты вековые, *Финляндии угрюмое чело*» (Марлинский, Финляндия).

Подобное оживление метафоры в поэтической речи конца XVIII — начала XIX в. прошло не без влияния аналогичного употребления французского *front*, обозначающего «лоб, чело; лицо; вершину».

Интересным представляется и еще один синонимический ряд — *бок, ребро, бедро, чресла* — с общим значением боковой поверхности чего-нибудь. «Словарь Академии Российской» для слова *ребро* отмечает пространственное значение как лексически ограниченное: «ребро (ребра) скалы, горы и т. п.», не сопровождая его стилистическими пометами¹³. Нейтральный характер употребления этого слова подтверждается рядом примеров: «...зрел... как с *ребр* там *страшных гор* лиась, Ревут в мрак бездн сердиты реки» (Державин, На возвращение графа Зубова из Персии); «Свиристое море с неведомой силой Обмыло *гранитные ребра скалы*» (Полежаев, Кориолан). Бобров в поэме «Херсонида» обращается в том же сочетании к слову *бедро*: «Бледнеют *бедра гор кремнистых*», — случай, впрочем, редкий. Встретилось обращение к слову *ребра* для обозначения краев туч, облаков, ср. у Лермонтова: «На западе вечерний луч Еще горит на *ребрах туч*». Возможность обращения в этих связях к слову *бедро* позволяет Боброву в «Херсониде» привлечь и слово *чресла*: «Бледнеют *чресла облаков* От яркого лица огней». Кажется, обращение к словам *бедро* и *чресла* — явление индивидуально авторское, идущее, впрочем, в плане общей тенденции оживления стершейся метафоры синонимической заменой.

Одной из характерных примет поэтической речи данного времени является употребление некоторых из рассмотренных нами слов (*недра, лоно*) в новых синонимических соотношениях, складывающихся на основе общности функций; таким путем образуются ряды своеобразных «предложных» сочетаний *в недрах, в лоне, на лоне, в объятиях, под сенью, кровом*

¹² «Словарь церковнославянского и русского языка», IV, СПб., 1847, стр. 276.

¹³ «Словарь Академии Российской...», ч. III, стр. 1067—1068.

с последующим существительным, обозначающим состояние или чувство. Сочетания эти явились результатом калькирования соответствующих французских сочетаний: *dans le sein de ~*; *au sein de ~*; *dans le bras de ~*¹⁴, употребляющихся для поэтического обозначения пребывания в соответствующем состоянии. Например:

Землетрясение, болезни, яд, пожары
 Лишают жизни нас и в недрах тишины
 (И. Дмитриев, Подражание Проперцию);

...будучи достойна лучшей участи, проводила жизнь
 свою в недрах горести и в слезах
 (Брусилов, Наставление отца своему сыну);

Где ж счастье, как не здесь, на лоне тишины
 (Жуковский, Сон могольца);

И нет спасенья в лоне страха¹⁵
 (Марлинский, Андрей, Князь Перяславский);

Казалось она забывается сном
 В объятиях сладкой надежды.
 (Марлинский, Саатърь);

О мир сует! тогда от мыслей прочь!
 В объятиях нег и в творческом покое
 Я буду жить в минувшем средь певцов
 (Венеитинов, Италия)¹⁶.

Общность функций не означала, однако, стилистической и экспрессивной общности этих «предложных» сочетаний. Обращение к сочетаниям *в недрах*, *в лоне*, *на лоне чего* (состояния), возможное на всем протяжении второй половины XVIII в., сделалось массовым в последнее десятилетие века, когда устанавливается известное равновесие в обращении к этим сочетаниям. В начале XIX в. сочетание *в недрах (чего)* почти полностью вытесняется его дублетами *в лоне*, *на лоне (чего)*, сохраняясь преимущественно у авторов, связанных с языковой практикой конца XVIII в. (Шаликов, Блудов, Крылов, Окулов, С. Глинка, Шишков). В 20—30-х годах XIX в. это сочетание воспринимается как архаизм на фоне поэтически нейтрального *на лоне*, *в лоне (чего)*.

С последним десятилетием XVIII — началом XIX в. связано и широкое обращение к сочетанию *в объятиях* (преимущественно в отношении желательных для человека состояний)¹⁷, а также, несколько реже в дан-

¹⁴ Одним из путей проникновения данных сочетаний в русский литературный язык являются многочисленные переводы классических авторов Франции, в которых переводчик стремился к наибольшей точности передачи не только содержания, но и выразительных средств. Ср., например, следующий текст из «Henriade» Вольтера и перевод его Княжниным: «Dans le sein de plaisirs, dans les bras de l'amour, Il n'eut à m'opposer qu'un excès de courage» и «Но он воспитанный дотоле при дворе, Во недрах роскоши, в объятиях любви, Представил мне в бою лишь смельство безрассудно». Впрочем переводчик не отказывался при переводе и от других синонимических средств обозначения тех же отношений; ср. там же: «Endormit sur la trone aux sein de la mollesse» и «На троне усыплен, объятий ередной ленью»; «Las, et se rejetant dans les bras du sommeil Tranquille il s'endormit au bord des précipices» И «На лоне роскоши среди своих любимцев Спокойно он заснул стремнины на берегу».

¹⁵ Ср.: V. N a b o k o v, Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin, New York, 1964, 2, стр. 242.

¹⁶ Возможно было обращение к данным словам-образам и в других падежных формах: *из недр чего*, *из лона чего*, *из объятий чего*; например: «...похищенный смертью из объятий честей и гордости» [Шаликов, Отрывок (из Вейсе)].

¹⁷ О языковых вкусах этого времени говорят правки Батюшковым текста «Эмилиевых писем» М. Н. Муравьева: сочетание *близко природы* в тексте: «...вкусать в уединении и близко природы красоты ея» он заменяет сочетанием *в объятиях природы*, воспроизводя французский поэтический штамп *dans les bras de la nature* (ср. синонимичное *au sein de la nature*).

ном употреблении, *под сенью, кровом (чего)*¹⁸, например:

*В объятиях свободы,
Под кровом тишины я буду размышлять*
(Жуковский, *Сельское кладбище*);
Под сенью счастья объемлет сон ее

(С. Глинка, *Юнговы ночи*, IX);

Пойдем, доколь наш враг *под сенью счастья* спит,
А войском свежим нас Димитрий подкрепит

(Херасков, *Освобождение Москвы*);

Все спало вокруг меня *под кровом тишины*
(Батюшков, *Тень друга*).

В качестве «предложных», а иногда «наречных» сочетаний с особыми функциями в поэзии этого времени выступали *на крылах, крыльях* (какого-нибудь положительного чувства, состояния, ощущения или движения ума)¹⁹, обычно связанные с метафорически употребленными глаголами, обозначающими стремительное движение (*летать, облетать, взлетать, залетать* и под.; *парить, воспарить, нестись, взнестись, вознестись* и под.; *мчаться, стремиться* и под.), и обозначающие в этих условиях «при посредстве чего», «движимое чем» или «побуждаемое чем» совершается действие²⁰.

Они ль не полетят *на крыльях мести* к бою
(Жуковский, *Песнь барда*);

Таков, себе всегда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможен вся
(Радищев, *Вольность*);

О бедном сем подлунном свете
Люблю совсем позабывать,
И *на крылах* воображенья
Паря в воздушные селенья
Там пышны замки созидать
(Межиков, *Мой портрет, Пам. отеч. муз.*, 1827).

С образно-предложным сочетанием *на крылах, крыльях (чего)* функционально совпадает сочетание *крылом (чего)*; ср.: «И жадно пить восторг, и из седой пучины *Крылом Поэзии* взноситься до Небес» (Хомяков, *Просьба*)²¹.

Отдельные случаи употребления слова *крыло* в форме твор. падежа с предлогом *под* и последующим управляемым той же семантической группы расширяют синонимический ряд сочетаний, обозначающих пребывание в каком-нибудь состоянии (*под крылом мечтаний*, Вяземский, *Весеннее утро*; *под крылами сладкого безмолвия*, Победоносцев, *Рыдания осиротевшего сердца*) — употребление вполне закономерное, если учесть возможное тождество слов *крыло, сень, кров, покров*, развивших значение «за-

¹⁸ Ср.: «Me laisse encore jouir de l'ombre de plaisirs...» (La Fontaine. La retraite).

¹⁹ «Предложный» характер носили и некоторые другие падежные формы слова *крыль* в том же семантическом окружении, например: «Без силы, без огня, без легких *крыл надежды*, Ко тяготе земной прикованы невежды» (Петров, *Галактиону Ивановичу Силову*).

²⁰ По-видимому, данное употребление возникло под влиянием речевой практики французских поэтов этого времени и было поддержано фразеологической активностью слова *крыло* в живой речи.

²¹ См. А. Д. Григорьева, *Из наблюдений над поэтической фразеологией конца XVIII — начала XIX в.*, сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965, стр. 98—103.

щита, покровительство» в книжном, а для слова *крыло* и в общезыковом употреблении.

Из средств поэтического языка данного времени, предназначенных для обозначения отношений между объектами речи, следует указать на слово *рука* (*длань*), которое в форме твор. падежа при последующем управляемом существительном определенной семантической группы указывало на явление, им представленное, как на причину, стимулирующую какую-нибудь деятельность, действие. Например: «Спит счастливец усыпленный *Сладострастия рукой*» (Милонов, Ночь на могиле друга); «Кто помощи *рукою скорой* осушит слезны токи их?» (Капнист, На дружество)²². В качестве управляемых существительных чаще всего выступали следующие: *смерть*, *старость*, *судьба*, *время*. Сочетания *рука смерти*, *времени*, *старости*, *судьбы* и др. способствовали образованию устойчивых моделей описательных перифраз, очень ходовых в поэзии начала XIX в. Такие выражения, как *согбенный рукою старости*, *рука смерти сковывает что-нибудь*, *рука времени уничтожает*, *стирает с лица земли* надолго закрепились в книжном стиле речи.

Рассмотренные нами «предложные» сочетания представляли собой распространенные штампы поэтической речи конца XVIII — начала XIX в. Степень яркости лежащего в их основе образа была различной — причем не только у сочетаний с различной образной основой, но и у одного и того же сочетания. Она зависела как от узкого контекста — непосредственного лексического окружения, так и от широкого контекста — всей суммы образного употребления, формирующего данное сочетание. Поэтому, говоря о степени механистичности их употребления, нельзя забывать о системных связях, в которые они включались. Так, рассматривая употребление «предложного» сочетания *на крыльях*, *в объятиях* при обозначении определенного состояния, нельзя забывать о возможности сочетания их с существительными, представляющими привычно персонифицирующиеся в поэзии явления: *на крыльях Зефира*, *ветра*, *Морфея*, *сна*, *славы*, *Фортуны*, *смерти*, о трансформированном параллельном обороте, способствующем переводу состояния в активное действие (ср.: *на крыльях радости и радость уносит кого-нибудь на своих крыльях*, *в объятиях Морфея и Морфей берет кого-нибудь в свои объятия* — варианты закономерные и широко распространенные).

Наблюдения показали, что наиболее устойчивыми в поэтическом языке были «предложные» сочетания, не имеющие «системной» поддержки — такие, как *на лоне*, *под сенью*. По крайней мере эти последние задержались в языке Пушкина дольше, чем *в объятиях*, *на крыльях чего*, которые в силу осязательности образа и яркости их экспрессивных свойств скоро стали поэтическим штампом определенного времени в истории выразительных поэтических средств.

²² Значительно шире слово *рука* употребляется как обозначение орудия, при посредстве которого действует какое-нибудь персонифицированное явление. Приведенные случаи не следует смешивать с сочетаниями, в которых зависимое слово представляет состояние, метонимически означающее деятеля по определенному качеству, признаку, ему свойственному. Ср.

Где *длань свирепствует коварства*

Там нет в природе ясных дней

(Хвостов, На заложение храма

Христа Спасителя),

где *длань коварства* — это *длань коварных*, т. е. где свирепствуют коварные люди.

М. В. РАЕВСКИЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФОНЕМЫ /ŋ/ И ЕЕ МЕСТО
В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО
ЯЗЫКА

Вопрос о возникновении фонемы /ŋ/ в немецком языке имеет определенное общетеоретическое значение, так как эта фонема с ограниченной дистрибуцией, встречающаяся только перед диэремой, возникает с течением времени во всех германских языках, кроме фарерского¹. Поэтому изучение путей, по которым шло развитие этой фонемы в одном языке, может пролить свет на сходства и различия в действии соответствующих тенденций, приведших к образованию /ŋ/ в остальных языках.

С другой стороны, выяснение места и особенностей функционирования фонемы /ŋ/ в фонологической системе современного немецкого языка является одной из актуальных проблем прикладного языкознания, которую необходимо решить в связи с работой по созданию новой произносительной нормы немецкого литературного языка².

Фонема /ŋ/ возникает в немецком языке (как и в большинстве других германских языков) в результате ассимилятивного упрощения двухфонемной группы /ng/. В средневерхненемецком /ng/ в абсолютном исходе реализовалось как [ŋk] (ср. *lanc* «длинный», *sprung* «прыжок»), т. е. /g/ в этой позиции, подобно другим звонким согласным, было представлено глухим аллофоном. В некоторых же южных диалектах фонема /g/ не только была представлена глухим аллофоном, но и превратилась в аффрикату /kx/ (ср. южноавстр. *jugkx* «молодой») ³. В абсолютном исходе /ng/ реализовалось как [ŋk] и в нижненемецком, дав в инлауте [ŋ] (ср. *ring* «кольцо», но *ring* «кольца») ⁴. Переход /ng/ в /ŋ/, который, по-видимому, происходил в ранневерхненемецком ⁵, вначале совершался лишь в интервокальном положении, защищавшем эту группу фонем от действия законов конца слов ⁶. Группа /ng/ в конце слова и перед согласной дала /ŋ/ несомненно позднее под действием аналогии с двусложными формами тех же слов, где /ng/ упрощалось между гласными. Такова фонетическая сущность этого явления.

¹ Ср., однако: M. A d a m u s, Zum phonologischen Status des velaren Nasals in den neugermanischen Sprachen, «Kwartalnik neofilologiczny», XII, 1965, стр. 271—278; A. V. I s a č e n k o, Der phonologische Status des velaren Nasals im Deutschen, ZfPh, 16, 1963, стр. 77—84.

² См., например, чрезвычайно характерную статью: E. K u r k a, Wie wird der ng-Laut richtig ausgesprochen?, «Sprachpflege», X, 1, 1961, стр. 15.

³ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, Немецкая диалектология, М., 1956, стр. 364. Здесь и в дальнейшем все примеры, подчерпнутые из специальной литературы, даются в транскрипции источника.

⁴ См., например: H. L a r s s o n, Lautstand der Mundart der Gemeinde Altengamme, Hamburg, 1917, стр. 89; то же имело место и в некоторых голландских диалектах, ср.: H. L. B e z o e n, Klank-en vormleer van het dialect der gemeente Enschede, Leiden, 1938, стр. 45, 49.

⁵ Ср.: W. V i ë t o r, Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen, Leipzig, 1915, стр. 305.

⁶ См. например: P. L e s s i a k, Beiträge zur Geschichte des deutschen Konsonantismus, Brünn — Leipzig — Wien, 1933, стр. 134.

С историко-фонологической точки зрения это был процесс заполнения «пустой клетки» в системе согласных: только что возникшая фонема /ŋ/ заняла свободное место в ряду велярных согласных и серии носовых, образуя новые противопоставления, с одной стороны, с фонемами /k g/, а с другой стороны, с фонемами /m n/. В современном немецком литературном языке можно найти минимальные пары, иллюстрирующие все эти противопоставления: ср. *Ecke* ['ɛkɛ] «угол» — *Egge* ['ɛgɛ] «борона» — *Enge* ['ɛŋɛ] «щель, теснина» и *rammen* ['rʌmɐn] «таранить» — *rannen* ['rʌnɐn] «текли» (1, 3-е лицо мн. числа претерита от *rinnen* «течь») — *rangen* ['rʌŋɐn] «боролись» (1, 3-е лицо мн. числа претерита от *ringen* «бороться»). Однако в данном конкретном случае заполнение «пустой клетки» свелось не к притяжению обособленно стоящей фонемы, как интерпретирует этот процесс А. Мартине⁷, а к образованию новой фонемы из часто встречающейся группы согласных⁸. Образование новой фонемы облегчалось не только сравнительно большой частотностью группы /ng/ (которая встречается и в корневых морфемах и в таком продуктивном суффиксе, как *-ung*), но и тем, что соответствующая артикуляция имелась в артикуляционной базе немецкого языка, но не была еще поднята до уровня различительного признака, так как характеризовала лишь велярный вариант фонемы /n/.

Таким образом, в немецком языке все относящиеся к одной морфеме группы /ng/ должны были дать фонему /ŋ/ по крайней мере в исконных словах. И действительно, в литературном немецком языке, согласно правилам сценического произношения, /ng/ не упрощается лишь в заимствованиях и «ученых» словах, в которых за группой /ng/ следует гласный полного образования или неслоговое *ɥ* (ср. *Kongo* ['kɔŋgɔ] «Конго», *Tangente* [taŋ'gɛntɛ] «касательная», *Pinguin* ['pɪŋgɪ:n] «пингвин»)⁹. Но во многих диалектах /ng/ > [ŋk] в абсолютном исходе сохраняется (см. выше), чередуясь в интервокальном положении с [ŋ]. Обиходная речь (*Umgangssprache*) обнаруживает группу /ng/ и в интервокальном положении (ср. *hängen* ['hɛŋgɐn] «висеть» и т. п.)¹⁰.

Однако группа /ng/ может сохраняться и в местных вариантах немецкого литературного произношения¹¹. Так, в австрийском варианте немецкого языка группа /ng/ сохраняется и в исконных немецких словах и ассимилированных заимствованиях перед согласными /l r/¹² и суффиксом *-el* [l] (ср. австрийское произношение таких слов, как *Englisch* «английский», *hungrig* «голодный», *Mangel* «недостаток»). Группа /ng/ сохраняется с оглушением /g/ в [k] также перед /s/ и на стыке с морфемой, начинающейся с согласного (ср. произношение таких слов, как *rings* «вокруг», *Angst* «страх», *Junggeselle* «холостяк» и пр.). Глаголы с этимологической группой /ng/ в корне (ср. *bringen* «приносить», *hängen* «висеть», *verlangen* «требовать» и т. д.) во 2-м лице ед. числа презенса произносятся по большей части с [ŋk] из /ng/, а в 3-м лице ед. числа презенса — преимущественно с [ŋ]¹³. Иначе говоря, в указанных формах таких глаголов двухфонемная группа

⁷ См.: A. Martinet, *Économie des changements phonétiques*, Berne, 1955, стр. 80—81.

⁸ См.: там же, стр. 146—147.

⁹ Исключением является и существительное *Ingwer* «имбирь», произносимое как [ˈɪŋvɐr].

¹⁰ См.: H. Wängler, *Grundriß einer Phonetik des Deutschen*, Marburg, 1960, стр. 76—77.

¹¹ См.: В. М. Жирмунский, указ. соч., стр. 364.

¹² Ср. аналогичное явление в литературном английском, где в таких словах, как *English* «английский», *hungry* «голодный», *language* «язык», *singular* «единственное число» перед (l r w j) произносится [ŋg].

¹³ См. подробнее: K. Luick, *Deutsche Lautlehre*, Leipzig — Wien, 1932, стр. 83—84.

/ng/ чередуется со звуком [ŋ], который следует рассматривать как особую фонетическую реализацию этой группы. Сохранение группы /ng/ с оглушением /g/ в конце слова часто наблюдается и в литературной речи уроженцев Северной Германии ¹⁴.

Таким образом, велярный носовой обладает различной функциональной значимостью в различных стилистических и географических разновидностях немецкого языка. В образцовом литературном языке [ŋ] является: 1) самостоятельной фонемой (ср. *streng* [ʃtrɛŋ] «строгий», *ringen* [ˈrɪŋən] «бороться») и 2) вариантом фонемы /n/ перед /k g/ (ср. *krank* [kraŋk] «больной», *hinken* [ˈhɪŋkən] «хромать», *Ungarn* [ˈuŋɡarn] «Венгрия»). В местных вариантах литературного языка и диалектах статус [ŋ] может быть таким же, как и в образцовом литературном языке, или отклоняться от него, как в австрийском и нижненемецком, где [ŋ] выступает и как синкретизм группы /ng/ в определенных позициях (см. выше). В обиходной речи [ŋ] возможно и только как вариант фонемы /n/ перед /k g/ как в пределах одной морфемы, так и на стыке двух морфем (ср. *angeln* [ˈaŋɡəlŋ] «удить», *hingeben* [ˈhɪŋɡeβŋ] «отдавать» ¹⁵).

Эти колебания в статусе велярного носового и неодинаковая трактовка группы /ng/ в различных разновидностях немецкого языка отражают различные стадии упрощения группы /ng/ или, что то же самое, различные стадии становления фонемы /ŋ/. Следовательно, история фонемы /ŋ/ в немецком языке — как, по-видимому, и в некоторых других германских языках (английском, голландском) — это история постепенного приобретения синкретизмом группы /ng/ статуса фонемы.

Тенденция к возникновению новой фонемы, характеризующейся назальностью и велярной смычкой в качестве различительных признаков, вообще заложена в самой системе германских согласных фонем, будучи обусловлена наличием часто встречающейся группы /ng/, т. е. фактом морфемного уровня. Однако на почве отдельных языков она реализуется по-разному. Так, /ng/ последовательно дало /ŋ/ в континентальных скандинавских языках ¹⁶. В фарерском же языке /ng/ подвергается совсем иным изменениям, сохраняясь тем не менее как особая группа согласных ¹⁷. В исландском языке /ng/ в большинстве случаев сохраняется, упрощаясь лишь на стыке морфем перед согласной ¹⁸.

Как было отмечено выше, немецкий язык в его территориальных и стилистических разновидностях обнаруживает различные ступени упрощения группы /ng/. Это обстоятельство, а также чередование [ŋk] и [ŋ] в разных позициях даже в речи профессионалов-фонетистов и лиц, получивших специальную фонетическую подготовку (ср. *lang* [laŋk] «долгий», но *lange* [ˈlaŋə] «долгие») ¹⁹, свидетельствует на фонетическом уровне об определенной неустойчивости фонемы /ŋ/, связанной, скорее всего, с неудобствами сложной артикуляции.

Фонологическая интерпретация этих фактов свидетельствует об относительно слабой степени включения фонемы /ŋ/ в систему согласных немецкого языка, а также о более слабой степени фонематичности /ŋ/ по сравнению с другими носовыми.

¹⁴ Против такого произношения выступает Т. Зибс, см.: Th. Siebs, *Deutsche Hochsprache. Bühnenaussprache*, Berlin, 1957, стр. 63, 64, 82; однако по некоторым данным оно распространяется дальше к югу. Ср.: W. E. Leopold, *Recent developments in the German language*, JEGPh, LVII, 1958, стр. 76—77.

¹⁵ См.: Н. Wängler, указ. соч., стр. 76—77.

¹⁶ См., например: E. Wessén, *Svensk språkhistoria*, I, Stockholm, 1945, стр. 59.

¹⁷ См.: E. Krenn, *Föroyische Sprachlehre*, Heidelberg, 1940, стр. 17—18.

¹⁸ См., например: S. Einarsson, *Icelandic*, Baltimore, 1949, стр. 19.

¹⁹ Автор статьи неоднократно наблюдал это явление во время поездок в ГДР.

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Публикуемая с незначительными сокращениями статья видного представителя советской методической науки Гвидона Романовича Тукумцева-Мейера (ум. в 1962 г.) «Речевые звенья» хорошо отражает круг языковедческих устремлений, характерных для последних лет работы этого интересного исследователя.

Живя последние годы в Таллине, Г. Р. Тукумцев отдал много сил разработке методики преподавания русского языка нерусским, и в частности эстонцам. При этом Г. Р. Тукумцев, будучи лингвистом широкого профиля (учился в Петербургском университете у А. А. Шахматова и Л. В. Щербы, получил прекрасную подготовку не только в области русского, но и классического, общего и сравнительно-исторического индоевропейского языкознания), не оставлял и собственно исследовательской деятельности. В последние годы жизни его живо волновали, наряду с некоторыми вопросами описательной грамматики современного русского языка, специальные проблемы, связанные с уяснением лингвистической сущности явлений ритмо-мелодики и порядка слов (в его архиве остался целый цикл работ, посвященных этой проблеме: монография «Порядок слов в русском языке», статьи: «Речевые звенья», «Место акцента в речевых звеньях», «Порядок слов в русском языке в сопоставлении с эстонским» и некот. др.).

В настоящее время в Таллине готовится к выходу в свет сборник работ Г. Р. Тукумцева.

Ред.

Г. Р. ТУКУМЦЕВ

РЕЧЕВЫЕ ЗВЕНЬЯ

Речевой поток подразделяется интонационно-ритмически на отрезки, отграничиваемые большими паузами и имеющими законченную интонацию (как правило, с понижающейся мелодикой) — это ф р а з ы¹; они выражают относительно законченную мысль. Фразы в свою очередь обычно членятся в произношении на более мелкие отрезки, разделяемые малыми, иногда чуть заметными или даже факультативными (зависящими от темпа и стиля речи) паузами, перед которыми интонация (мелодика речи) уже не носит законченного характера — это р е ч е в ы е з в е н ь я. Каждое звено, если оно состоит из двух или более слов, несет на одном из слов, обычно на последнем, усиленное ударение, которое, в отличие от словесного ударения, мы будем называть з в е н ь е в ы м а к ц е н т о м². Звенья могут иметь и два акцента, побочный и главный.

Внутри фразы отрезки речевого потока между паузами называют по-разному: «такт», «звено», «дыхательная» или «ритмическая группа», «синтагма». Но термины «такт», «дыхательная группа», «ритмическая группа» как бы заранее ограничивают изучение этих отрезков одной их

¹ В школьной грамматике, а также в некоторых вузовских пособиях термин «фраза» заменяется термином «предложение», что ведет с первых же шагов к удручающей путанице, так как фраза может состоять из нескольких предложений; когда говорят о членах предложения, то под предложением понимают предикативную единицу, которых может быть несколько во фразе.

² Один из звеньевых акцентов (обычно в последнем звене), составляющих фразу, более сильный. Это ф р а з о в ы й а к ц е н т. Однако фразовый акцент не является предметом этой статьи.

произносительно-слуховой стороной, а нас интересуют при их изучении и смысловое содержание, и синтаксическая роль во фразе и в предложении, а иногда и лексико-грамматический характер входящих в них слов. Термин «синтагма», к сожалению, понимается у нас разными авторами очень по-разному.

Речевые звенья — языковые единицы, имеющие свои четкие произносительно-слуховые (интонационно-ритмические) признаки и играющие существенную роль как в выражении основных компонентов мысли (темы и ремы), так и в отношении побочных частей в ее составе. Звенья не имеют постоянного и обязательного соотношения с членами предложения, но они опираются на синтаксическую структуру речи.

Звенья могут включать одно знаменательное слово (*О с е н ь ю | все краски в лесу; изменяются. Не знаешь ли, | откуда взята эта цитата?*), два и больше знаменательных слов³.

Объем звеньев оказывается различным в разных жанрах речи. Особенно неодинаково по жанрам количество однословных звеньев. В авторском тексте художественно-литературных жанров они встречаются довольно редко (5—8%), в диалоге значительно чаще; в деловых жанрах (научных, документальных, публицистических) тоже довольно часто (15%), ввиду наличия обособленных оборотов и придаточных предложений, которые нередко вклиниваются после первого слова предложения, например: *Естествензнание, | сыгравшее немаловажную роль...; Опыты, | которые были проведены...,* а также благодаря частым в деловых жанрах перечислениям.

Большинство звеньев двух- и трехсловны, причем в диалоге относительно больше коротких звеньев и совсем мало звеньев из четырех и более слов.

С точки зрения синтаксической структуры звено может представлять собою целое предложение, как законченное, образующее простую фразу: «Дело было в конце мая» (Барк.)⁴, «Выручи ты нас, Феденька» (Т., Не ко дв.), — так и предложение — компонент сложной фразы: «Утром скопишь, | а к вечеру хоть убирай» (Барк.); и «Не хватает трактористов — | тем же бригадиром тебя поставят» (Т., Не ко дв.). Звено может представлять собою сочетание двух или более членов предложения, от которых интонационно отделен, «обособлен» какой-нибудь член: «До половины зимы | птицы будут держаться в березняках» (Барк.); *Всякий материализм | основой всех явлений признает материю.* Звено может состоять из одного члена предложения, распространенного или нераспространенного: «Август — | удивительная пора» (Барк.).

Наконец, иногда звено составляет лишь часть составного сказуемого или распространенного члена предложения; например (говорится о трех великих открытиях): «*Первым |* было открытие клетки...» (Долг.); здесь именная часть составного сказуемого — отдельное звено. «*Это открытие |*

³ В статье принимаются следующие обозначения: звенья разделены одной линией, пунктирная линия обозначает факультативную паузу; знак ударения ' обозначает акцент звена; знак '' обозначает усиленный акцент на реме высказывания.

⁴ В статье приняты следующие сокращения: К. И. Б е л ь е в, Как человек познает и преобразует мир, М., 1959 — Бел.; Ф. И. Д о л г и х, Марксистско-ленинская философия о материальном единстве мира и современное естествознание, М., 1959 — Долг.; В. Б а р к о в, На лесной тропе (записки лесничего), М., 1959 — Барк.; В. Т е н д р я к о в, Не ко двору, М., 1956 — Т., Не ко дв.; В. Т е н д р я к о в, Суд, «Новый мир», 1961, 3 — Т., Суд; А. Ч а к о в с к и й, Год жизни, «Роман-газета», 1957, 10 — Чак.; А. Г а й д а р, Тимур и его команда — Г., Тимур; А. Г а й д а р, Судьба барабанщика — Г., Судьба бараб.; С. М а р ш а к, В начале жизни — М., В нач. жиз.; И. А. К р ы л о в, Пастух — Кр.; В. П а н о в а, Сентиментальный роман — П., Сент. р.

указывало на связь между животным и растительным миром, [состоящую в общности их строения | и происхождения из клетки] (там же); здесь последнее звено — часть обособленного определения.

В научном тексте, для которого характерны предложения большого объема, состоящие из сильно распространенных членов, случаи предложений, составляющих одно звено, очень редки, а случаи звена — члена предложения (почти всегда распространенного) очень часты. В диалоге же, наоборот, большинство звеньев — предложения. Авторский текст в художественно-литературном жанре занимает среднее место, причем здесь относительно чаще встречаются звенья — сочетания членов предложения и неполные предложения.

Каким же закономерностям подчиняется деление предложений и фраз на речевые звенья? Выяснение оснований в выделении речевых звеньев сопряжено с большими трудностями. Членение речи зависит от сложного взаимодействия весьма разнородных факторов: смысла высказывания, синтаксического деления предложения на члены, распространенности или нераспространенности членов предложения, различий порядка слов и некоторых ритмических особенностей, связанных с произношением отдельных категорий слов русского языка (служебных слов, местоимений, вводных слов, обращений и т. д.), от темпа и стиля речи. Во многих случаях возможно более крупное и более мелкое деление предложения на речевые звенья.

В настоящей статье будет сделана попытка рассмотреть более или менее устойчивые закономерности, связанные преимущественно с членением предложения (простой фразы или части сложной фразы); однако иногда мы будем касаться и условий членения сложной фразы⁵.

В с м ы с л о в о м отношении членение на звенья прежде всего связано с делением на компоненты мысли, с вычленением, с одной стороны, «исходного пункта», «субъекта мысли» (будем называть это «темой» сообщения) и, с другой стороны, того, что утверждается в предложении по поводу темы, — «рема» мысли (от греческого корня *rhē* «говорить, высказывать»). Тема и рема не всегда совпадают с грамматическим подлежащим и сказуемым. Например, нет такого соответствия в следующих двух связанных между собой по смыслу простых фразах — предложениях: *Писателю|постоянно надо учиться. Лучшей школой писательского мастерства|является жизнь.* Ср. синонимичное этому предложение *Учиться лучше всего |у жизни,* где тоже первая часть составляет тему, вторая — рему. Обратные отношения будут наблюдаться в ином контексте: *Жизнь; неисчерпаема. У жизни учиться|— лучше всего.* В обоих этих предложениях тема связана с понятием жизни и выражается первым звеном, рему выражают вторые звенья.

Обычно речевое звено, передающее тему, стоит перед речевым звеном, выражающим рему. Такой порядок слов является для русского языка п р я м ы м, независимо от того, какими грамматическими членами предложения выражены тема и рема.

Возможность выделить тему как исходный момент высказывания и рему как ядро высказывания имеется не всегда. Вопреки распространен-

⁵ Не имея возможности проводить экспериментально-фонетические наблюдения, в своем исследовании мы руководствовались собственным практическим знанием языка. Кроме того, материалом для установления устойчивых закономерностей в интонационно-синтаксическом членении послужили наши многолетние наблюдения над характером «интонационных» ошибок в пунктуации, а также над ошибками в интонационно-ритмическом членении фраз у нерусских студентов. При отсутствии более точных методов исследования обобщения, к которым мы пришли, нужно расценивать как обобщения предварительного характера; они нуждаются в проверке по магнитофонным записям.

ному мнению, построенному на логизирующем подходе к синтаксическим явлениям, многие предложения выражают не двучленную мысль, с темой, и ремой, а одно более или менее расчлененное представление. Ср., например, в описательных текстах: «Поспела малина... Краснеют ягоды калины» (Барк.). При нераспространенности таких предложений они составляют одно звено. В другом контексте аналогичные по лексическому составу предложения имеют тему и ремую и допускают выделение звеньев:— *Малина поспела?*— *Нет,* | *поспела;* *только земляничка.*

В обоих предложениях первая часть — тема, вторая — рема. Кстати, инверсия ремы вперед, сопровождающаяся усиленным ударением, делает выделение речевых звеньев невозможным. Ср.:— *Поспела малина?*— *Нет,* | *земляничка только поспела.*

Двучленность предложения, наличие в нем темы и ремы, является далеко не единственным фактором, обуславливающим выделение речевых звеньев.

Связь речевых звеньев с темой и ремой заметнее всего в предложениях небольшого объема. Значительная распространенность предложения может вызывать ритмическое расчленение и при односоставности мысли; ср. с приведенным выше: *Закраснелись в зарослях* | *яркие гроздья калины.* Во многих случаях распространенность предложения обуславливает еще один дополнительный грамматический фактор, способствующий вычленению речевых звеньев: нарушение непосредственной грамматической связи между словами предложения. В приведенном примере постпозитивное обстоятельство при сказуемом и препозитивное определение при подлежащем как раз нарушают восприятие грамматической связи между сказуемым и подлежащим: *Закраснелись* [в зарослях яркие] *гроздья...*

Главное же, отдельное речевое звено в предложении могут составить не только части, соответствующие двучленному делению на тему и ремую.

Выделяются в самостоятельные звенья однородные члены предложения — распространенные, а при бессоюзной связи или при повторяющихся союзах и одиночные.

Самостоятельные звенья составляют так называемые обособленные второстепенные члены предложения с полупредикативным и аппозитивным — уточняющим — значением.

Часто выделяются значительно распространенные второстепенные члены предложения, характеризующиеся ослабленной грамматической связью с главными членами предложения, и иногда даже их части.

Чаще всего в пределах одного звена оказываются слова, связанные между собой в смысловом и грамматическом отношении. Однако в некоторых случаях в звено входят элементы, не имеющие грамматической и смысловой связи со словами данного звена. В таком положении находятся прежде всего многие союзы. Благодаря своей природе проклитик они фонетически примыкают к следующему ударяемому знаменательному слову, совсем не обязательно будучи связанными с ними по смыслу. Это наблюдается, в частности, когда после союза стоят выделяемые в отдельное звено деепричастный оборот, придаточное предложение, вводное слово или вводное предложение: «Белка бежит по снегу; от одной елки до другой | и, усевшись на сучке, | удивленно цокает» (Барк.); «Они... пытались взлететь, | но, потрепавшись в воздухе, | падали» (там же), «Уж если, ползав по тростникам, | он возвращался ни с чем, | то с этого момента | можно было спокойно уходить» (там же); «Она (Женя) принесла воды, | поставила ведро, | но, так как Ольга, | не обратив на это внимания, | сидела, склонившись над книгой, | обиженная Женя; ушла в сад» (Г., Тимур...); «И дядя, очевидно, | меня понял. Он сказал мне, | что так как я ему с первого же раза понравился, | то, если я не хочу возвра-

паться домой, | он отвезет меня в Одессу | и отдаст в мичманскую школу» (Г., Судьба бараб.); *Проект: комиссия не приняла, |и, следовательно, | вам придется его дорабатывать.* Некоторые из вводных слов ритмически примыкают к предшествующим словам, составляя с ними один речевой такт, а по смыслу связаны с последующими частями предложения: *Вы, кажется, | болели недавно?*

Границы между звеньями при использовании этих вводных слов и рассмотренных выше союзов устанавливаются на основе ритмико-фонетических закономерностей. Очень часто границы таких звеньев не совпадают с местом запятой, что вызывает многочисленные ошибки в расстановке знаков препинания.

Имеются и другие случаи, когда в пределах одного речевого звена в разговорной речи оказываются слова, грамматически и по смыслу не связанные между собой. Так, если в начале предложения стоит усиленно акцентированное обстоятельство или дополнение, выражающее рему, то подлежащее, а также обращение ритмически примыкают к нему, входят с ним в одно речевое звено: *На юг, Мария Петровна (Мар' П'итр'овнѣ), | мы этим летом поедим; Дом бѣ Миша | сегодня, наверно, вообще не придет.* Такое положение связано с тем, что подлежащее и обращение вклиниваются в середину грамматической группы сказуемого.

С некоторыми синтаксическими конструкциями, например с обособленными второстепенными членами предложения, привычно связывается представление о их выделении в отдельные речевые звенья. Ему соответствует пунктуационное обозначение. Однако устное интонационно-ритмическое выделение обособленных членов в ряде случаев имеет свою специфику по сравнению с пунктуационным графическим выделением.

Выше, например, уже шла речь о том, что не входящие в деепричастный оборот союзы интонационно сливаются с ним в одно речевое звено, а запятой от деепричастного оборота они отграничиваются. Имеются и другие особенности интонационно-ритмического выделения обособленных второстепенных членов. Так, одиночные постпозитивные определения и приложения сливаются в одно звено с определяемыми личными местоимениями: *«Мы, практики, | за голенище заткнем тех, | кто институты кончал...»* (Г., Суд); *Вы, учителя, | часто бываете неправы; А он, мятежный,...* Не выделяются интонационно приложения, относящиеся к опущенному подлежащему: *Снизился, бедняга, на луку, | выткнул шею | и стал жалобно кричать.*

Между однородными членами предложения обычно имеются паузы: *«...отражаются высокие деревья, | круглая луна, | яркие точки звезд | и маленькое круглое облачко»* (Барк.); *«Кто услышал ночную песнь глухаря | или утреннее бормотание тетерева...»* (там же); *«Мы переговаривались друг с другом | или играли в какую-нибудь игру, | лежа, | сидя, | а иногда и стоя в кроватках»* (М., В нач. жиз.). Но перед одиночными союзами *и, или, а, но* при нераспространенности или малой распространенности объединяемых ими однородных членов паузы часто не бывает: *«Но вот наши крылья; настолько подросли и окрепли, | что мы сами пустились на поиски чтения...»* (М., В нач. жиз.); *«О Толстом толковали тогда | много и противоречиво»* (там же); *«Несколько венских стульев, | столов, | дешевых железных кроватей, | самый простой буфет | и ни одного кресла или дивана, | ни одной картины на стенах...»* (там же). *«Но в город повезли | не меня, а старшего брата»* (там же). Обязательность отсутствия паузы связана, по-видимому, с рядом дополнительных условий, нуждающихся в дальнейшем уточнении. Так, в приведенных примерах пауза невозможна в двух случаях, когда к обоим однородным членам относятся общие поясняю-

щие слова с усилительно-степенным значением: *на столько подросли и окрепли, ни одного кресла или дивана*; в остальных примерах возможна факультативная пауза. Ср. отсутствие паузы в случаях тесного смыслового и лексического объединения даже при грамматической распространенности: «Вместе с темнотой | уходили *ночные грусти и ночные тревоги...*» (М., В нач. жиз.).

Более подробно рассмотрим, от каких условий зависит выделение в отдельное речевое звено разных членов предложения, распространенных и нераспространенных.

1. Выделение подлежащего. Выделение подлежащего в отдельное речевое звено чаще всего наблюдается в *п р е п о з и ц и и*. Нераспространенное препозитивное подлежащее паузой от группы сказуемого обычно не отделяется: «Но вот *солнце* спряталось за лиловыми верхушками берез. *Ветер* совсем утих» (Барк.). Распространенное подлежащее, состоящее из трех и более слов, обязательно выделяется: «*Сочетание яркого солнечного света и зеленых теней* | делало необыкновенно красивыми | самые простые ивы и осины» (Барк.); «*Один подмосковный егерь* | нашел гнездо утки шилохвости» (там же); «*Сколько открытий и новшеств* | претендовали на признание своей научной непогрешимости» (Бел.); «*Благотворное влияние практики на чувственное познание* | сказывается в том, | что... Аналогично отделяется паузой подлежащее — инфинитивный оборот: «*Им свой век доживать* | и так хорошо» (Т., Не ко дв.).

Но однословное сказуемое или однословная часть сказуемого сливаются с распространенным подлежащим в один такт при наличии последующего ритмически выделяемого придаточного предложения или обособляемого второстепенного члена: «Как бы *современные проповедники реакции* не пытались, | выполняя социальный заказ буржуазии, | фальсифицировать новейшие открытия науки...» (Долг.); «*Физика атомного ядра* показывает, | что...» (там же).

При отсутствии за однословным сказуемым обязательно обособляемых самостоятельных речевых звеньев пауза после распространенного препозитивного подлежащего становится более вероятной: «*Далекие собачьи голоса* | приближались» (Т., Суд).

Если непосредственная синтаксическая связь между подлежащим и сказуемым нарушена интерпозицией второстепенных членов, выделение распространенного подлежащего в самостоятельное звено часто делается обязательным: «*Мягкая поступь Стешки за его спиной* | успокаивала» (Т., Не ко дв.).

Что касается распространенных подлежащих, состоящих из двух слов, то здесь встречаются случаи с более и менее обязательным обособлением. Если главное слово в словосочетании подлежащего («собственно подлежащее») непосредственно предшествует глагольному сказуемому и предложение сообщает факт или дает образ, а не высказывает суждение (в узком смысле слова), пауза факультативна, обычнее читать без нее: «*Солнечный луч* | упал на вершины деревьев» (Барк.); «*Сосед-лесничий* | пригласил меня на охоту» (там же); «*Ядерная физика* | расширила наши представления о формах движения» (Долг.).

Не выделяются паузой подлежащие, выраженные местоимениями и личественными сочетаниями: «*Ясным утром* | в последних числах мая | *мы с другом* бродили по лесу...» (Барк.); «Если *кто-нибудь из вас* захочет к нам присоединиться... А потом *много дней* уходило на то, | чтобы восстановить ритм отгрузки» (Чак.).

Не обособляются паузой препозитивные подлежащие, несущие на себе усиленный акцент и выражающие рему высказывания: «...*только певчий дробд* продолжал насвистывать» (Барк.).

Если же между «собственно-подлежащим» и сказуемым непосредственного контакта нет, пауза становится более обязательной: «*Ребята эти | никогда не видели вальдшнепа*» (Барк.); «*Полусломленная березка | печально качалась в воздухе*» (Т., Суд); «*Теплый ветер | далеко разносит запах свежего сена*» (там же); «*Снег под деревьями | усыпан черными точками семян*» (Барк.). То же и при подлежащем — инфинитивном обороте: «*Но растить-то лоя | нам все же несподручно*» (Барк.).

Аналогичное членение наблюдается при отсутствии непосредственного синтаксического контакта между подлежащим и сказуемым и в научной речи: «*Восприятия человека | идут рука об руку с его практической деятельностью*» (Бел.); «*Практик-ботаник | куда больше замечает особенностей в привычном ему царстве леса, | чем городской житель*» (там же).

По-видимому, пауза уместна перед страдательным сказуемым: «*Членские взносы | заплачены только за три месяца*».

При распространности группы сказуемого двусловная группа подлежащего выделяется в отдельное звено, если ей предшествует союз или модальная частица: «*Пытаются доказать, | будто современная физика | подтверждает идеализм и метафизику*» (Долг.).

Пауза обязательна, если сказуемое имеет форму мн. числа при однородных подлежащих в ед. числе: «*И как ни сытно на юге, | ни одна утка, | ни один журавль, | ни один скворец | не останутся там навсегда...*» (Барк.); «*Дудырев и Митягин | стояли не шевелясь...*» (Т., Суд).

Здесь тоже нет непосредственной синтаксической связи между последним подлежащим и сказуемым.

Наконец, в случаях, когда сказуемое (одно или вместе с зависящими от него второстепенными членами) выражает ремю к теме-подлежащему, пауза обязательна, даже если подлежащее нераспространенное (но не местоименное). Это бывает прежде всего в предложениях с именным сказуемым (без связки): «*Август — | удивительная пора*» (Барк.); «*На карточке Степа | почти девочка*» (Т., Не ко дв.); «*Практика | — очень широкое понятие*» (Бел.)⁶.

Но при нераспространности сказуемого, выражающего признак лица, пауза может отсутствовать: «*Иванов инженер*». (Если в подобных примерах сказуемое с усиленным акцентом инверсировано вперед, пауза невозможна: «*Инженёр Иванов*»⁷.)

Имеется пауза после двусловной группы подлежащего в тех случаях, когда рема выражена сочетанием глагольного сказуемого с дополнением или обстоятельством: «*Моросящий дождь | перешел в снегопад*» (ср. *стал снегопадом*) (Т., Не ко дв.); «*Лай собак | превратился в осатанелый визг*» (Т., Суд). (О дожде и о лае собак говорилось уже выше.) «*Эта дорога | вела к берегу лесной речки, | к лаве*» (там же). Пауза появляется и в тех случаях, когда дополнение в конце звена сказуемого имеет усиленный акцент: «*Но молчаливый лес | угнетал и егб*» (Т., Суд) (ср. *Но молчаливый лес: угнетал его*).

При постпозиции подлежащего паузы перед ним в подавляющем большинстве случаев не бывает: как правило, сказуемое в таких предложениях имеет бытийное или близкое к бытийному значение и двусоставное предложение выражает односоставную мысль, констатирующую наличие или появление чего-нибудь, а не суждение: «*Наступили жаркие июльские дни*»

⁶ При связке паузы нет: «Если эти восприятия были ложны ...» (Бел.); «Практика является основой... теоретического мышления» (там же). Таким образом, интонация реагирует на пропуск связки как на нарушение синтаксической связи.

⁷ Вообще выражающее ремю инверсированное сказуемое с усиленным акцентом препятствует выделению подлежащего в отдельное речевое звено. Ср.: «*Эти стрижи | — удивительные птицы и Удивительные птицы эти стрижи*».

(Барк.); «Заметна передвижка птиц» (там же); «И в это время слышался собачий лай» (Т., Суд).

Если сказуемому предшествует распространенное обстоятельство, пауза обычно делается перед группой «сказуемое + подлежащее»: «Где-то совсем недалеко | *звучит флейта иволги*» (Барк.) Здесь тема — обстоятельство места, рема — сказуемое + подлежащее.

Часто в постпозиции находится энклитическое подлежащее, выраженное личным местоимением. Здесь, разумеется, пауза перед подлежащим невозможна: *Отправились мы в березовую рощу...*

Пауза перед постпозитивным подлежащим возможна: а) в тех редких случаях, когда между сказуемым и подлежащим стоит второстепенный член и, следовательно, непосредственная связь между ними прервана: «Исчезла под стеной сарая | *лиловая туша* ноздреватого снега» (Т., Не ко дв.); б) если звено сказуемого — тема, а подлежащее рема: *Я думаю, что разнес эту новость | наши новый агроном*; «А ест-овец-то⁸ *Савва*» (Кр.)

2. Выделение дополнений. Выделение дополнений в самостоятельное звено встречается довольно редко. В художественно-литературных текстах обычно — в п р е п о з и ц и и, когда звено дополнения выражает тему, а другое звено — рему. Если при этом главная часть ремы выражена подлежащим, оно постпозитивно, если другим членом предложения, — подлежащее следует за дополнением: «*Этот случай* | рассказал нам старый лесник» (Барк.); «*Озоту с калканами* | Семен Тетерин презирал» (Т., Суд); «*Это положение* | автор пытается оправдать соотношением неточностей» (Долг.).

Выделяемое дополнение может быть одиночным, особенно в бесподлежащих предложениях при последующем акцентированном обстоятельстве: «*Сознание* | никак нельзя отделить от материи» (Долг.); «*Пищу* | только один раз в день; привозили в поселок» (Чак.).

Фактором выделения дополнения может служить элизия существительного: «Были видны лишь самые ближние [елочки], | *остальные* | скрывала ночь» (Т., Суд).

Не выделяется препозитивное распространенное дополнение в том случае, если на него падает усиленный смысловой акцент: «*Одной дневной нормы* за все время не выполнили!» (Чак.); «Я все еще не рассказал толком, | *какой туннель* собирались мы строить» (там же).

Пауза перед п о с т п о з и т и в н ы м распространенным дополнением встречается в двух случаях: а) если ему предшествует подлежащее или распространенный второстепенный член и, таким образом, непосредственная связь со сказуемым нарушена: «Лесоводы упускают из поля зрения | *поведение диких зверей в лесу*» (Барк.); «Зато порадовал нас февраль | *разнообразием своих пейзажей*» (там же); «эмоции придают... творчеству и мысли человека | *большую целеустремленность и эффективность*» (Бел.); б) при значительной распространенности дополнения: «Но что-то мешало мне произнести | *эти готовые сорваться с языка слова*» (Чак.); «Эмоции теснейшим образом смыкаются | *со всеми действиями и поступками человека*» (Бел.). Следует заметить, что и в этих примерах непосредственный грамматический контакт между сказуемым и дополнением нарушен определительными членами при дополнениях.

Поскольку распространенность (многочленность) предложений и членов предложения в научной речи значительно выше, ясно, что и случаи выделения подлежащих и дополнений в самостоятельное звено встречаются в них чаще.

3. Выделение обстоятельств. Выделение обстоятельств в самостоятельное речевое звено встречается в литературно-художественной речи значи-

⁸ Частица *-то* обычно появляется в составе темы.

тельно чаще, чем выделение дополнений. В научной речи обстоятельства выделяются реже в связи с значительно более редким употреблением обстоятельств вообще в научных жанрах. В подавляющем большинстве случаев обстоятельства выделяются в п р е п о з и ц и и.

1. Чаще всего в художественно-литературной речи выделяются в самостоятельное звено обстоятельства м е с т а: «*На лесных полянах* | трава выше колен» (Барк.); «*Через ржавую лесную речонку* | была переброшена шаткая лава» (Т., Суд).

В этих предложениях тема — место, рема — тот или иной предмет. В предложениях этого типа обычна постпозиция подлежащего, а сказуемое чаще всего бытийное или близкое по значению к бытийному, иногда — страдательное. Бытийное сказуемое в настоящее время имеет нулевую форму, и предложение становится привычно-неполным, типа: «*На опушке* | непролазные сугробы, | *на дорогах* | большие передувы» (Барк.).

Одиночные обстоятельства места в таких предложениях встречаются главным образом в описаниях; пауза после них — формальный признак нулевой формы бытийного сказуемого.

Иногда представление предмета, главное в реме, выражено дополнением. В этих случаях в конце предложения — дополнение: «*У подножия старых елок* | снег засорен чешуйками шишек» (Барк.).

2. В самостоятельное звено часто выделяется и препозитивное обстоятельство *в р е м е н и*. Постпозиция подлежащего здесь не является типичной: «*Ранним утром* | солнце освещает только верхушки деревьев» (Барк.); «*И вот в конце ноября* | легла настоящая зима» (там же); «*На рубеже XIX и XX веков* | естествознание добилось гигантских успехов в познании внешнего мира...» (Долг.). И здесь тема — время, рема — событие.

При сочетании обстоятельств времени и места почти всегда предшествует обстоятельство времени, подлежащее постпозитивно; каждое из обстоятельств составляет отдельное звено: «*За последние годы* | *в подмосковных лесах* | значительно увеличилось количество лосей» (Барк.).

3. Препозитивные обособленные обстоятельства с другими значениями тоже встречаются, но значительно реже, чем обстоятельства места и времени:

а) о б с т о я т е л ь с т в о о б р а з а д е й с т в и я: «*На низких нотах* | старательно выводит свою мелодию; славка...» (Барк.); «*С тревожным криком* | они (вороны) самоотверженно кидаются на хищника» (там же); «*С наименьшим усердием* | буржуазные физики ищут „доказательства“ ограниченности мира» (Долг.). Здесь обстоятельство выражает не тему, а лишь побочный добавочный признак сообщаемого явления;

б) о г р а н и ч е н и я: «*В этом отношении* | идеалистов можно сравнить с верующими людьми» (Бел.);

в) п р о ц е с с а: «*В ходе исторического развития общества* | дифференциация чувств человека достигла такой степени, что...» (Бел.);

г) п р и ч и н ы: «*Под тяжестью снега* | деревья поникли и стояли неподвижно» (Барк.);

д) п о в о д а (разновидность обстоятельства причины): «*В связи с открытием клетки* | возник такой вопрос: | откуда же происходит все многообразие живых организмов?» (Долг.);

е) ц е л и: «*Во избежание перебоев в работе кодовых устройств* | их эксплуатация должна производиться в точном соответствии с инструкцией» (техн. брош.);

ж) к о н т р а с т а (противоположности): «*В отличие от метафизического материализма* | диалектический материализм не сводит материю к одному какому-нибудь ее виду» (Долг.);

з) обстановки: «*В сумеречном пугливом освещении | лежал на траве парень в черном пиджаке...*» (Т., Суд);

и) состояния: «*В этой своей позе | директор стал похож на касира...*» (Чак.);

к) уступки: «*При всем моем старании | я не успел к сроку;*

л) модальности (степени реальности): «*На самом деле | это только щеголяние наукой*» (Долг.).

Если обстоятельство обозначает тему, то оно может выделяться, и будучи однословным (одиночным), особенно при противопоставлении: «*При социализме | продукты распределяются по труду, | при коммунизме | они будут распределяться по потребности.* Ср. также: «*На людях | я поздоровался со Светланой сдержанно, | почти официально*» (Чак.) (выше описывался их разговор наедине).

Если препозитивное обстоятельство несет на себе усиленное ударение, т. е. является инверсированной вперед ремой, оно не выделяется: «*Шесть лет уже работает Федор бригадиром трактористов*» (Т., Не ко дв.).

В постпозиции обстоятельства, как правило, интонационно не выделяются. В этом положении обстоятельство обычно является главной частью ремы: «*Движение электрона совершается не по точной орбите; | оно распределяется в виде облака*» (Долг.).

Выделяться может второе обстоятельство, уточняющее первое или же дающее добавочную черту в обрисовке обстановки действия: «*Она (земле-ройка) решила пробежаться по снегу | от одного пенька до другого*» (Барк.); «*Да разве услышит Семен, | когда ломится на собачий лай | след за медведем?*» (Т., Суд); «*Семен двинулся в глубь леса | прежним легким и быстрым шагом*» (там же).

Если выразитель ремы с усиленным смысловым акцентом перенесен вперед (инверсия), распространенное обстоятельство может выделяться при выражении добавочного признака действия или элемента обстановки: «*(Птицы смолкли). Только певчий дрозд продолжал насвистывать; | с самого верхнего сучка огромной ели*» (Барк.).

В интерпозиции между подлежащим и сказуемым обстоятельства, выделяемые в отдельные звенья, встречаются редко: «*Яковенко, | по своим способностям, | должен быть использован на работе крупного масштаба*» (П., Сент. р.).

Встречающиеся случаи интонационного выделения интерпонированных обстоятельств объясняются нарушением в этой позиции непосредственного синтаксического контакта между подлежащим и сказуемым и большой распространенностью членов предложения, которая способствует их смысловой самостоятельности: «*Молодые елочки | среди распластанного тумана | плясали перед глазами*» (Т., Суд); «*Две соседки... | через дорогу, | через головы редких прохожих | судачили о какой-то Секлетее*» (Т., Не ко дв.); «*Серьезный, | не падкий до шуток и пустяковых дел Силантий Петрович | в один солнечный день | поставил к старой березе лестницу...*» (там же).

4. Выделение несогласованных определений. Нередко выделяются паузами распространенные постпозитивные несогласованные определения, обычно при наличии препозитивного согласованного определения: «*Это был тщедушный мужик | с изрезанным глубокими морщинами кротким лицом*» (Т., Суд); «*Она... пристально оглядела тесную комнату | с развешенными около печи пеленками*» (Т., Не ко дв.); «*Слепота и незнание | заставляют такого человека жертвовать счастьем на земле... | в угоду лживым и фарисейским побасенкам | о счастье „на том свете“*» (Бел.).

Так же выделяется инфинитивное словосочетание в роли примыкающего определения: «Их домики... | подвергались ежедневной опасности | *быть заваленными снежной лавиной*» (Чак.); «Что дают ощущения процессу познания, | можно судить по способности человека | *различать специфические качества предмета*» (Бел.).

5. Выделение части составного сказуемого. Пауза может появиться между частями составного сказуемого: а) в предложениях с составным глагольным сказуемым, при инверсии в начало предложения инфинитива с зависимым членом, после этого сочетания делается пауза: «*Любить по-настоящему* | можно только то, | что хорошо знаешь» (Барк.); «*Но показать свои писания* | он никому не решался» (Чак.). Соответствующее речевое звено выражает в этом случае тему сообщения; б) при инверсии распространенной именной части составного именного сказуемого, выражающей тему сообщения, пауза делается после именной части: *Одной из основных особенностей синтаксического строя русского языка* | является свободный порядок слов; *Мои близкие и друг* | он никогда не был.

При составной связочной части сказуемого пауза может оказаться и перед постпозитивной именной частью: «Гейзенберг... приходит к выводу, |...будто видимые свойства материи | присущи только микроскопическим телам. | но они не могут считаться | *атрибутами мельчайших кирпичиков материи*» (Долг.).

*

Приведенные данные позволяют составить некоторое представление об относительной частоте интонационного выделения, не обозначаемого знаками препинания.

Пауза между главными членами предложения (выделение звена подлежащего) вовсе не такой массовый случай паузы без обозначения на письме, как это принято думать: в художественно-литературной речи он уступает и паузе перед союзами *и, да, или*, и выделению обстоятельств; да и в научной речи он располагает лишь относительным большинством — меньше одной трети всех случаев, в то время как интонационное выделение всех вместе взятых второстепенных членов встречается в половине всех случаев паузы без запятой. Относительная частота интонационного выделения речевых звеньев, не соответствующего пунктуационному выделению, может служить для синтаксической характеристики жанров: в научной речи, по сравнению с художественно-литературной, гораздо чаще интонационно выделяются дополнения и несогласованные определения и гораздо реже — обстоятельства. Некоторое различие наблюдается и в числе пауз между главными членами (их больше в научной речи) и перед союзами *и, да, или* (их больше в художественно-литературных текстах). Не менее ценны эти данные и для суждения об индивидуальном стиле авторов и отдельных произведений.

Рассмотрение интонационно-ритмического членения предложений показывает, насколько недостаточна наша пунктуация. Она довольно хорошо оттеняет синтаксическую структуру текста, но слишком мало заботится о его интонировании при чтении вслух, о месте и долготе пауз.

Л. В. Щерба не раз высказывал мысль о желательности пополнения нашей пунктуации «малой запятой» для обозначения не отмечаемых, но нужных для передачи оттенков мысли пауз. Такое нововведение (ограниченное, быть может, вначале одними учебниками для начальной школы и пособиями по выразительному чтению) сыграло бы, несомненно, свою роль для повышения культуры устной речи и художественного чтения.

Надо детально изучить намеченную в этой статье проблему и подвергнуть сделанные выводы тщательной проверке.

Л. В. ЩЕРБА
ПАМЯТИ А. MEILLET

В 1966 г. исполняется 100 лет со дня рождения и 30 лет со дня смерти выдающегося представителя французской и мировой науки, крупнейшего лингвиста конца XIX — начала XX в. А. Мейе. Один из талантливых представителей парижской школы сравнительно-исторического языкознания, он немало внес в строительство величайшего здания компаративистики, — науки, которую после Ф. Боппа, Р. Раска, А. Востокова так блестяще развили лингвисты в Германии, России, Франции и ряде других европейских стран. А. Мейе воспитал целую плеяду замечательных лингвистов из разных стран. В международном сотрудничестве ученых он видел путь к развитию языкознания; в этом сотрудничестве большую роль он отводил русским ученым, работы которых высоко ценил, с которыми переписывался, встречался, обменивался мнениями. У него бывали В. А. Богородицкий, М. М. Покровский, Б. М. Яянунов, слушали лекции Л. В. Щерба, Н. Усов и другие выдающиеся русские лингвисты. В журнале «Revue critique d'histoire et de littérature» и в «Année sociologique» появлялись многочисленные рецензии А. Мейе — иногда пространные, иногда краткие — на работы русских лингвистов. В публикуемой ниже статье Л. В. Щерба объясняет расположение А. Мейе к русским ученым тем, что «Мейе с величайшей симпатией относится к славянству вообще и особенно к русскому языку, за которым он признает большую цивилизаторскую миссию».

Внимание читателя не могут не привлечь также рассуждения Л. В. Щербы об отношении А. Мейе к Н. Я. Марру, которого он высоко ценил как большого ученого и специалиста, относясь, вместе с тем, неодобрительно к «беспокойным этимологиям» Н. Я. Марра. Однако в оценке места Н. Я. Марра в истории советского языкознания не со всеми положениями Л. В. Щербы можно согласиться, в частности с тем, что в разработке социологических проблем науки о языке советские лингвисты должны исходить главным образом от Н. Я. Марра. Сейчас работы Н. Я. Марра стоят для советских лингвистов в должной исторической перспективе, и вульгарно-социологическим взглядам Н. Я. Марра дана соответствующая оценка в советской лингвистической печати.

Большое значение Л. В. Щерба, сам выдающийся лексикограф, уделяет анализу «Этимологического словаря латинского языка» А. Эрну и А. Мейе, в котором он видит прообраз нового словаря — исторического, по образцу которого должны создаваться словари в будущем.

Впервые публикуемая статья Л. В. Щербы, извлеченная из его архива (ЛО Архива АН СССР, ф. 770, оп. 1, № 31, лл. 32—42), интересна не только как свидетельство связей между русскими лингвистами и французским ученым, но и как знак глубокого уважения ученика к своему выдающемуся учителю.

В архиве Л. В. Щербы имеются два экземпляра рукописи этой статьи: лл. 1—31 представляют черновой, написанный от руки экземпляр, а лл. 32—42 — почти готовый к публикации, отпечатанный на машинке экземпляр с немногочисленными пометками Л. В. Щербы и с его пунктуацией.

Публикуемая ниже статья приводится по второму экземпляру с нашими примечаниями и комментариями.

Ф. М. Березин

В лице скончавшегося 21 сентября 1936 года французского лингвиста Антуана Мейе (Antoine Meillet) мировая наука потеряла одного из самых блестящих своих представителей, бывшего последние десятилетия непрекаемым авторитетом в западноевропейской науке о языке. Наша Академия потеряла в его лице кроме того и своего члена-корреспондента с 1906 года, а потому вдвойне не может отнестись равнодушно к этой утрате.

Едва ли мы в состоянии здесь до конца критически разобраться в громадном научном наследии почти что пятидесятилетней неутомимой исследовательской деятельности покойного. Мы не имеем пока даже полного

списка его научных трудов, рассеянных зачастую по самым разнообразным изданиям¹. Но что самое главное, эти труды не стоят для нас в надлежащей перспективе: мы не знаем, какие из них покойный ученый считал актуальными, а какие устарелыми и в каком отношении. Второй том «Linguistique historique et linguistique générale», предположенный к изданию учениками и почитателями покойного ко дню его семидесятилетия (до которого он не дожил несколько дней) по-видимому еще не вышел². Между тем только этот второй том в связи с своим старшим собратом мог бы дать материал для документированных суждений о системе теоретических взглядов ушедшего от нас ученого в том виде, какой она приняла в последние годы его жизни.

На непосредственных учениках покойного лежит обязанность выяснить то в его трудах, что должно войти в необходимый багаж будущих лингвистов. Нам, более далеким ученикам и просто современникам, возможно только попытаться наметить в основных чертах ту роль, которую играли труды Meillet в развитии лингвистики XX в., поскольку мы сами принимали в нем то или другое участие. А роль его огромная.

Секрет влияния покойного ученого лежит несомненно прежде всего в качестве и количестве его трудов. Он написал около двух десятков книг. Это, конечно, много, но не представляется, однако, чем-то из ряда вон выходящим. Зато количество статей, принадлежащих его перу, хоть сейчас не поддается учету, однако во всяком случае должно исчисляться сотнями, доходя может быть до тысячи, а может быть и превышая ее. И каждая статья является своего рода маленьким шедевром: в основе каждой лежит какая-нибудь интересная оригинальная мысль; каждая солидно аргументирована и с лингвистической и с филологической стороны; каждая оказывается в высшей степени прозрачной и изящной по своему построению; каждая посвящена какому-либо конкретному факту из истории того или иного языка, но каждая выходит далеко за пределы этого факта и имеет то или другое общее значение. А так как статьи эти касались чуть не всех индоевропейских языков, то не могло быть специалиста по какому-либо из них, который не должен был бы считаться с мнением Meillet по многим вопросам своей специальности.

Действительно, покойный ученый был полным хозяином в таких трудных областях, какими являются славистика, иранистика и арменистика. Греческий язык на всем его протяжении, а также латинский язык с итальянскими диалектами были ему, конечно, отлично знакомы, не только как лингвисту, но и как филологу, что, впрочем, надо считать более или менее нормальным для всех лингвистов старшего поколения. Но и в области других индоевропейских языков он мог брать материал для своих построений не из вторых рук, а черпать их из первоисточников, а зачастую даже делать и эти последние непосредственным предметом своего исследования. Мне кажется, что нет индоевропейского языка, который не останавливал бы его исследовательской пытливости. Я не помню только статей по албанистике, но может быть это только результат моей неосведомленности³. Я не знаю также, в какой мере Meillet занимался рома-

¹ [Библиография трудов А. Мейе, насчитывающая 24 книги и 540 статей, была составлена и опубликована Э. Бенвенистом в BSLP, 38, 1, 1937, стр. 44—68.— Ф. Б.]

² [Второй том «Linguistique historique et linguistique générale» вышел почти сразу же после смерти ученого в 1936 г.— Ф. Б.]

³ [В упомянутой выше библиографии трудов А. Мейе указаны три его работы по албанистике: «Sur la flexion du suffixe indo-européen *-ye/o-* en albanais» (MSLP, XIX стр. 119—121), «La langue albanaise» («Revue hebdomadaire», 7 août 1915, стр. 5—13) и статьи «Albanian language», «Armenian language» в «Encyclopaedia Britannica», I, 14-th ed., London — New York, 1929.— Ф. Б.]

нистикой вообще; что касается французского языка, то он постоянно черпал из его истории иллюстрации для тех или других своих утверждений. Современный французский язык он чувствовал исключительно тонко, будучи большим ценителем и французской художественной литературы, как об этом говорил мне его ближайший товарищ и друг Р. Вoyer.

Осведомленность Meillet не только в языках индоевропейских, но и в языках всего мира (он, по-видимому, между прочим, хорошо знал языки банту⁴), а также по всем сопредельным дисциплинам, как-то история культуры, социология, философия, психология, была прямо-таки изумительной. О ней все могли судить по его критическим статьям о самых разнообразных книгах, имеющих то или иное отношение к лингвистике (отзывы эти помещались в последнее время в «Bulletin linguistique», а раньше преимущественно в «Revue critique»).

Сумма идей, частных и общих, составляющая содержание статей покойного ученого, и является может быть в еще большей степени, чем его книги, тем наследием, которое он нам оставил и в котором нам надлежит разобраться. Оно настолько разнообразно, что трудно подвести его под какие-либо простые формулы. Он и сам не выдвигал никаких чрезмерно заостренных лозунгов, которыми можно было бы определить его роль в истории науки о языке.

Очень часто Meillet называют основателем социологической школы. В этом есть, конечно, своя доля истины, ибо для младограмматиков, продолжателем которых он, конечно, является, роль теоретической науки для истории языков (этой последней, по их мнению, исчерпывалась вся наука о языке) играла психология, что и нашло себе блестящее выражение в знаменитом труде Wundt'a. Meillet же в 1906 году с полной определенностью называет (во вступительной лекции к курсу Сравнительной грамматики в Collège de France) лингвистику наукой социальной и одну из задач языковедения видит в том, «чтобы определить, какой структуре общества соответствует каждая определенная структура языка и как вообще изменения в структуре общества отражаются в изменениях в структуре языка» («Linguistique historique et linguistique générale»¹, p. 17). Как это и естественно было ожидать, приложение этих идей на практике Meillet начал с истории слов в своей знаменитой статье в «Année sociologique», 1905—1906, «Comment les mots changent de sens» (= «Linguistique historique et linguistique générale»⁴, p. 230). Как это тоже естественно было ожидать, основы своей социологии Meillet взял, как он об этом сам говорит, у своего современника и коллеги Durkheim'a, официального идеолога третьей республики XX века. Поскольку Durkheim по многим пунктам резко расходится с марксизмом, постольку мы должны с крайней осторожностью подходить к социологическим построениям и Meillet. Однако Meillet по-видимому не склонен был замазывать понятия «класса»: в ряде своих работ последних лет он пытается остроумным анализом общего наследия индоевропейских языков установить в нем классовую дифференциацию слов (см. между прочим предисловие к «Латинскому этимологическому словарю» Ernout et Meillet).

Признавая за Meillet заслугу четкой постановки проблемы отношений между социологией и лингвистикой, нельзя однако считать его абсолютным новатором в этом вопросе. Уже то разочарование, с которым лингвисты встретили первый том «Völkerpsychologie» Wundt'a, объективно показывает, что в ней желали найти нечто другое, чем приложение основ индивидуальной психологии к явлениям языка. Передовые лингвисты были несомненно вполне готовы к восприятию социологической трактовки языка.

⁴ [А. Мейе написал предисловие к французско-ифуму словарю Ж. Каллоха: J. Calloc'h, Vocabulaire français-ifumu, Paris, 1911.— Ф. Б.]

То же можно сказать и о другом, характерном для Meillet элементе его лингвистического мировоззрения — сознании необходимости общего языкознания, как особой дисциплины. Тогда как теоретик младограмматиков, Hermann Paul, называл «общее языкознание» — «Prinzipien der Sprachgeschichte», Meillet говорил, тоже в 1906 г., что «разыскание общих законов, как морфологических, так и фонетических должно быть одним из основных предметов лингвистики». «Но, продолжал Meillet, эти законы по самому своему определению заходят за пределы отдельных семей языков: они приложимы к человечеству в целом» («Linguistique historique et linguistique générale»¹, p. 13). И действительно, как указывалось выше, Meillet всегда и прежде всего имел в виду интересы «общего языкознания», конечно такого, каким он его понимал. Но многие лингвисты уже давно тяготились концепцией младограмматиков и стремились сбросить с себя ярмо H. Paul'a: достаточно сослаться на труды Бодуэна де Куртэна, начиная с конца семидесятых годов прошлого столетия. Я не говорю, конечно, уже о W. Humboldt'e и его эпигонах в Берлинском университете и о таких ученых, как H. Schuchardt, O. Jespersen, F. de-Saussure, van Ginneken и др., которые все в той или другой мере создавали те или другие элементы «общего языкознания».

Я хотел бы поставить в связь с этой постоянной направленностью Meillet на вопросы общего языкознания одну особенность его научного творчества, о которой по-моему никто никогда не говорил. Я догадываюсь о ней по тем лекциям, которые я слушал у покойного в 1907—08 гг. Особенно сильное впечатление в этом отношении произвел на меня курс о латинском глаголе. Описывая генезис какой-либо формы, Meillet всегда исходил из констатирования семантической потребности в данной форме; далее он анализировал наличные возможности удовлетворения этой потребности и так сказать а priori выводил объяснимую форму, как абсолютно необходимую. Сила рассуждения получалась прямо-таки поразительная. Такое реальное представление всех взаимодействующих лингвистических факторов в определенный момент времени исторического развития того или другого языка требует совершенно исключительной способности их видеть. Интересно отметить, что в письменной продукции Meillet этот прием по-моему не наблюдается. Поэтому-то я и предполагаю, что здесь отражался самый творческий исследовательский процесс. До лекций он доходил, но исчезал при письменном оформлении, обуславливая лишь убедительность окончательных выводов Meillet. Было бы очень желательно, чтобы непосредственные ученики покойного проверили справедливость моих слов, а главное дали бы из своих записей реальные примеры подобных рассуждений.

Теперь я хотел бы перейти к тому, что я считаю одной из главных осей научной деятельности ушедшего от нас ученого.

Еще в последнюю четверть XIX века между сравнительно-исторической школой Johannes Schmidt'a в Берлине и сравнительно-грамматической школой Brugmann'a в Лейпциге происходила глухая борьба, несколько сгладившаяся лишь в XX веке. В Берлине больше занимались историей языка, а в связи с этим филологией, призывая сравнительное языкознание лишь в помощь истории. В этом отношении показательными являются самые названия главных работ Wilhelm'a Schulze, преемника Johannes Schmidt'a по кафедре: «Quaestiones epicae» и «Italische Eigennamen»⁵.

⁵ [Название второй работы дано Л. В. Щербой несколько неточно. Имеются в виду работы способного ученика И. Шмидта — В. Шульде (1863—1935): «Quaestiones epicae» (Gueterslohiae, 1892), где рассматриваются вопросы этического удлинения гласного и «Zur Geschichte der lateinischen Eigennamen» (1902), посвященная исследованию принципов образования римских и этрусских собственных имен. См. также сб. «Общее и индоевропейское языкознание», М., 1956, стр. 36.— Ф. В.].

В Лейпциге акцент делался собственно на сравнительной грамматике и на этимологиях. Недаром одним из предметов *privatissima* у Brugmann'a, по-видимому, часто являлся анализ оскско-умбрских надписей, расшифровка которых, как известно, целиком покоится на этимологиях. При этом первое время этимологии делались часто по словарям без солидного знания соответственных языков, что являлось предметом нападков со стороны берлинцев⁶.

Надо сказать, что и вообще филологи Западной Европы, а особенно классические филологи, зачастую чуждались сравнительного языкознания. До самого последнего времени в Германии стоял на очереди вопрос о внедрении сравнительно-грамматических и вообще языковедческих штудий в подготовку классических филологов. Вообще резкое противопоставление филологии (куда, конечно, с Гримма в той или иной мере входит и история языка) лингвистике далеко не изжито еще и в наши дни.

В таких условиях я считаю главным делом жизни Meillet возврат сравнительной грамматики к филологии, из которой она и произошла; заполнение той пропасти, которая была вырыта между ними в XIX столетии. Meillet старался показать, что практической целью сравнительной грамматики является лишь расширение хронологических рамок истории языка. Следует отметить, что Meillet никогда не читал курса сравнительной грамматики как таковой, хотя и занимал кафедру сравнительной грамматики в Collège de France; он всегда читал истории отдельных языков (ср. его книги по греческому и латинскому языкам⁷). На практике это отразилось на отношении Meillet к этимологиям: он всегда критиковал те этимологии, которые возводят те или иные слова к «корням» с более или менее неопределенным значением. Он требовал, чтобы этимология просто продолжала историю данного реального слова, производя его от другого слова [следует зачеркнутое слово.— Ф. Б.] же по могущим быть показанными типам. Деля этимологии на несомненные и возможные, он стремился к совершенному элиминированию этих последних, считая, что число таких возможных сопоставлений в сущности бесконечно велико для каждого данного случая, и что потому большинство «возможных» этимологий лишено научного значения.

В 1932 г. он совместно со своим учеником, латинистом А. Ernout издал «Dictionnaire étymologique de la langue latine», где он последовательно и систематически провел эти свои принципы на практике. В этом словаре дана точная и документированная история слов в латинской традиции, к которой присоединены несомненные (по мнению Meillet) данные об их истории в прошлом, данные, полученные сравнительно-грамматическим методом, доведенным до максимальной виртуозности. Здесь не мешает прибавить, что не только для того, чтобы самому пользоваться этим методом, но и для того, чтобы следить за рассуждениями словаря и оценивать степень их достоверности, нужна соответственная солидная выучка.

С этим словарем окончательно рушится противоположение между этимологическим и историческим словарями — недаром авторы прибавили в подзаголовке: *Histoire des mots*. С появлением этого словаря «этимологических» словарей не должно появляться, хотя сам он и носит еще это название: впредь должны делаться только исторические словари. Сравнительная грамматика в сущности исчезает как особая дисциплина; остается лишь метод удлинения истории данного слова на несколько столетий в прошлое.

⁶ Само собой разумеется, что позднее это не поощрялось Brugmann'ом.

⁷ [A. Meillet, *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*, Paris, 1913: е г о ж е, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*, Paris, 1928.— Ф. Б.]

С точки зрения «Латинского этимологического словаря» многое в лингвистической деятельности Meillet получает яркое освещение и единое объяснение. Всю свою жизнь покойный браковал множество этимологий других ученых, показывая их несостоятельность как несомненных исторических фактов. Сам он почти не предлагал новых этимологий, считая, что все несомненные сопоставления уже сделаны. В связи с этим становится понятным и то, что в основу исторического изучения каждого данного языка он клал словообразование: всем известно, что так он поступил относительно славянских языков; мне случайно известно то же самое относительно армянского языка⁸. В методах словообразования, еще наличных в историческую пору жизни данного языка, он искал твердого критерия для понимания происхождения слов в непосредственно предшествующую эпоху.

В виду всего сказанного я, вероятно, прав, считая «Латинский этимологический словарь» Ernout и Meillet ключом к пониманию роли покойного ученого в истории науки о языке⁹.

Поняв, что одним из основных дел жизни Meillet было выделение этимологий, имеющих историческую цену, от всех других, являющихся лишь в той или другой мере возможными, мы сможем понять и отношение Meillet к Н. Я. Марру и к новому учению о языке: при всем своем уважении к большому ученому и специалисту, каким он считал Марра, он всегда, еще с начала девятисотых годов, находил его этимологии «inquiétantes», как он говорил. Они действительно должны были его беспокоить, так как шли вразрез с проводившимся им отбором этимологий. Вращаясь по преимуществу в тесном кругу общего старого багажа индоевропейских языков, Meillet однако не видел, а вернее, хотел не видеть стремления выйти из этих узких рамок, стремления узнать, что делалось раньше в области языка и человечества: и он не хотел понять, что для удовлетворения этого стремления нельзя не пытаться в той или другой форме делать эти самые *étymologies inquiétantes*, которые так смущали его у Марра и которые в свое время найдут, конечно, своего Meillet, разбирающего несомненное от сомнительного и гипотетического.

Поскольку нас здесь вообще не может не интересовать отношение Meillet к Марру, я напомним, что Meillet, осуждая прежде всего этимологии Марра, кроме того упрекал его и за то, что он вносит политику в науку. Интересно, однако, что сам Meillet в своей книге «*Les langues de l'Europe nouvelle*»¹⁰ дал блестящий пример того, как ученый все же никогда не

⁸ [Следует упомянуть, что в архиве акад. Ф. Ф. Фортунатова нами обнаружена рукопись А. Мейе, представляющая собой рецензию на книгу А. И. Томсона «Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса» (СПб., 1890). В печати эта рецензия А. Мейе не появлялась. — Ф. Б.]

⁹ Meillet говорил мне, что у него уже давно готов этимологический словарь славянских языков, составленный, вероятно, на тех же основаниях, что и латинский. Пожелаем же, чтобы слависты, ученики покойного, практически владеющие славянскими языками, положили на этот словарь последние штрихи, как это находил нужным их учитель, и помогли этому драгоценному орудию нашей дальнейшей работы увидеть свет.

[Судя по составленной Э. Бенвенистом библиографии, эта работа так и не была опубликована. Можно только предполагать, что некоторые элементы этого словаря нашли свое отражение во второй части «*Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*», опубликованной в 1905 г. В предисловии ко второму изданию этой части, переизданной фототипическим способом в 1961 г., А. Вайян пишет, что «вторая часть составляет орудие работы, аналогичное этимологическому словарю». Далее он отмечает, что «Мейе, задумав „*Dictionnaire étymologique du vieux slave*“, собрал для словаря все данные, которые были в его распоряжении». Оценку «*Dictionnaire étymologique de la langue latine*», сходную с той, которую дал Л. В. Щерба, можно найти также у Ж. Вандриеса в его некрологе «*A. Meillet*» (BSLP, 38, 1, 1937, стр. 1—44). — Ф. Б.]

¹⁰ [A. Meillet, *Les langues dans l'Europe nouvelle*, Paris, 1918. — Ф. Б.]

может оставаться аполитичным. Как бы Tesnière не истолковывал в своем некрологе Meillet основные мысли этой книги, остается несомненным тот факт, что она на самом деле оправдывает всякую денационализаторскую политику империализма. Идеи Meillet о «малых языках» идут явным образом вразрез с нашей национальной политикой, и мы должны от них отмежеваться самым решительным образом¹¹.

В другой своей книге «Caractères généraux des langues germaniques» Meillet оказывается опять-таки политиком, но на этот раз антифашистским, доказывая смешанную природу германских языков, а следовательно, совершенно отрицая наличие какой-то особой «чистой германской расы».

Я ничего не буду здесь говорить еще об одном очень важном пункте расхождения Meillet с Марром — говорить о расхождениях Марра с Meillet, конечно, не может входить в задачи настоящей статьи, посвященной памяти последнего, — расхождений по вопросу о родстве языков. Вопрос этот крайне сложный и потребовал бы целого исследования, ибо повторяющееся у нас утверждение, что Meillet говорил о расхождении языков, а Марр — об их схождении, в сущности мало понятно, и во всяком случае является крайним упрощением.

Возвращаясь к тому, чьей памяти посвящена эта статья, и пробуя резюмировать все предыдущее, я думаю, что не ошибусь, если скажу так: Meillet, с одной стороны, своими попытками связать лингвистику и социологию, а также всем тем, что он сделал для общего языкознания, подготавливает пути новой лингвистики; с другой стороны, своим этимологическим словарем латинского языка он в известной степени замыкает старую лингвистику, образуя последнее звено в цепи, начинающейся с Борр'а и Гримм'а. Он снова соединяет то, что было соединено у Гримм'а, но что было разъединено в течение всего XIX в., где мы наблюдаем, с одной стороны, реальную историю реальных языков и, с другой стороны, оторванные от этой реальной истории спекуляции с туманными абстракциями разных «праязыков». Я, конечно, ни минуты не сомневаюсь, что и многие другие ученые более или менее сознательно шли по тому же пути и подготовили почву для завершающей работы Meillet. Однако я полагаю, что своим этимологическим словарем латинского языка Meillet окончательно показал, что сравнительно-грамматическая методика (можно было бы даже сказать, пожалуй, сравнительно-грамматическая техника) совершенно независимо от того, как мы объясняем сходство так называемых «родственных языков» — их схождением или их расхождением, или как-либо иначе — может в известных случаях раздвигать границы нашей истории.

В подтверждение того, что я не далек от истины в своем определении места Meillet в истории науки о языке, я могу сослаться на него самого: покойный ученый как-то в беседе со мной сказал, что своей жизненной задачей он считает сохранение всех накопленных в лингвистике достижений при переходе ее на новые рельсы.

Спрашивая себя наконец, чему мы в Советской лингвистике должны научиться из опыта этой длинной и богатой исследовательской жизни, я думаю, что прежде всего мы должны констатировать, что в области социологии мы начинаем собственное развитие, благодаря трудам Н. Я. Марра и особенно благодаря бурному развитию у нас марксистско-ленинской методологии в приложении к общественным наукам. Мы с благодарностью помянем почин Meillet в этом деле и возьмем все его достижения, но от-

¹¹ Нужно, с другой стороны, отметить, что в этой же книге Meillet с величайшей симпатией относится к славянству вообще и особенно к русскому языку, за которым он признает большую цивилизаторскую миссию.

правляться будем не от Meillet и Durkheim'a, а от основоположников марксизма и в той или другой мере от Марра.

В области общего языкознания сделано до сих пор еще крайне мало. С постановкой самого вопроса об общем языкознании мы давно согласны и опять-таки с благодарностью возьмем весь тот материал, который Meillet сознательно копил в течение всей своей жизни и из которого будет строиться здание общего языкознания. Но будем помнить, что и у нас в этой области, благодаря деятельности в старое время И. А. Бодуэна де Куртене, а в новое время — Н. Я. Марра и его учеников, пошедших по его пути, тоже накоплен некоторый интересный материал.

Но чему мы должны безусловно научиться у Meillet — это той доведенной до виртуозности технике узнавания и систематизации общего багажа в так называемых родственных языках и тому умению делать из этого выводы исторического порядка, которые дают нам возможность расширять границы исторического.

Однако несомненно, что сказанным не исчерпываются пути будущей лингвистики. Исследование именно «малых» и бесписьменных языков, которое стало не только возможным, но оказалось и задачей первоочередной важности в условиях нашего социалистического строительства, даст и уже дает могучий толчок развитию языкознания. В свете этого исследования, возможно, многие явления языков с большой историей, остававшиеся неясными, получат свое истолкование. Возможно, что некоторые вещи, казавшиеся в старом языкознании несомненными, получат в новой лингвистике новое освещение.

Наконец — да позволено мне будет высказать и свои чаяния — общее языкознание несомненно сделает большие завоевания, если, рассматривая язык данной эпохи данного коллектива как взаимообусловленную систему (разумеется, со включением в эту систему и мышления), будет изучать взаимные связи отдельных элементов этой системы. Без этого мы никогда не построим марксистской лингвистики и не сумеем подняться над уровнем вульгарнейшего социологизма.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. — М.—Л., Изд-во «Наука», 1965. 565 стр.

В последние годы появились многочисленные монографии и коллективные работы, которые существенно способствовали обогащению нашего знания современного состава русского литературного языка XVIII—XIX вв. Среди них самым выдающимся является капитальный труд Ю. С. Сорокина о языковом развитии в решающий период — с тридцатых годов до конца XIX в. Вряд ли можно было найти лучшего автора для подобного исследования: благодаря своей обширной лексикографической и лексикологической деятельности он не только хорошо знаком с общими проблемами этой области, но также отлично осведомлен в истории лексики XVIII в. Кроме того, автор имел возможность широко пользоваться как картотекой Словарного сектора Института русского языка АН СССР, так и другими хранящимися там материалами. Это придает всем выводам автора большой вес.

Фундамент этой книги составляет обширнейшее количество лексических данных (35 000 карточек, иллюстрирующих употребление 5000 слов), которые автор собирал в течение пятнадцати лет. Он исчерпывающе изучал многие до сих пор мало изученные источники, в первую очередь критические и публицистические произведения, которые активно влияли на оформление литературного языка в это время. Словари XVIII—XIX вв. были также широко привлечены.

Данная книга состоит из предисловия, введения (стр. 8—42) и из трех обширных глав о заимствованиях (стр. 43—179), о русских новообразованиях (стр. 180—324) и о семантических изменениях (стр. 325—540); в заключение подведены итоги (стр. 541—546). Специалисты будут особенно благодарны за то, что книга снабжена указателем слов, который делает этот труд еще ценнее.

Во введении изложены главные задачи лексикологии; должное внимание уделено центральной проблеме: образует ли словарный состав как целое лингвистическую систему. Автор подтверждает эту

системность главным образом на основе существующих в лексическом составе семантических взаимосвязей и словообразовательных отношений. Он отдает себе, однако, полный отчет в том, что критерии для всеобъемлющей классификации всего словарного запаса еще не выработаны.

Ю. С. Сорокин считает своей главной задачей определение общих закономерностей и замечает в этой связи, что «систематическое изучение лексики языка не может не быть проникнуто историзмом, снимающим метафизическое противопоставление синхронии и диахронии... Одномоментный синхронный срез при высокой степени изменчивости очень сложной системы не может быть не иллюзорным. „Покой“ и „движение“... не могут быть восприняты как различные плоскости...» (стр. 20). И в самом деле, это довольно искусственное противопоставление, исходящее от де Соссюра, давно преодолено структуральной лингвистикой. Большинство лингвистов признано, что в каждом синхроническом срезе находятся «зародыши» будущих изменений и остатки предыдущего периода (ср., например, язык молодежи и речь пожилого поколения в любой момент развития языка). Если мы понимаем синхроническое описание в этом смысле, то труд Ю. Сорокина является, как мне кажется, частично синхроническим, так как он сосредоточивается на определенном периоде (правда, насыщенном изменениями), а исторические предпосылки и источники этих явлений вовлечены в исследование неравномерно и несистематически. Сказанное отнюдь не упрек, но лишь уточнение; автор видел свою главную задачу в обнаружении основных направлений, и он блестяще выполнил эту задачу. Освещение наследия XVIII в. и других источников не входило в план работы.

Во второй части введения четко анализируется состояние русского литературного языка в начале XIX в., его специфические проблемы, а также роль публицистики и отдельных писателей (в первую

очередь Белинского) в их разрешении. Ю. С. Сорокин, на наш взгляд, правильно полагает, что 30—40-е годы были переломным моментом в развитии языка. Центральное место в лингвистических дискуссиях того времени по-прежнему занимал вопрос о церковнославянизмах, однако критерии их оценки резко изменились. Автор описывает в общих чертах сложный процесс утраты слов, ставших архаичными, и вхождения употребительных славянизмов в книжные стили, которое сопровождалось семантико-стилистическими преобразованиями в новых условиях.

Нетрудно согласиться с автором, что в XIX в. церковнославянский элемент как особая самостоятельная стихия больше не влиял активно на развитие русского литературного языка. Однако одна важная проблема в этой связи не освещается. Значительная часть лексических новообразований того периода состоит из церковнославянских по происхождению морфем. Они широко употреблялись в словосложении и деривации. Такие церковнославянизмы одними филологами (Б. О. Унбегаун, Н. И. Толстой и др.) считаются славянизмами, другими (следующими за В. В. Виноградовым) — неологизмами русского книжного языка, поскольку они возникли только в XIX в. и создались вне сферы церковного языка. Думается, что эти противоположные взгляды вызваны отчасти отсутствием подходящего термина для обозначения таких новообразований, который ясно отличал бы их от унаследованных славянизмов. Ю. Сорокин не затрагивает эту проблему. Подробное описание тех славянизмов, которые прочно перешли в русский литературный язык в XIX в. и дальше служили «кирпичам» при создании новых слов, — задача будущего.

Первая часть книги посвящена заимствованиям и проблемам, связанным с принятием этих заимствований в русском языке. Автор настаивает на том, что первая волна иноязычной лексики нахлынула в русский язык в Петровскую эпоху (вопреки недавним выводам некоторых исследователей) — он имеет в виду интенсивность процесса заимствования и частотность употребления, а не первые появления слов. Этот взгляд в принципе не вызывает возражений, но нужно добавить, что первые регистрации заимствований словарями XIX в. являются лишь очень относительным доказательством их недавнего появления.

Пуристические тенденции XVIII в. были окончательно отвергнуты в изучаемый период, что отражается в особенно большом количестве заимствований. Они образуют более одной трети всех неологизмов того времени, т. е. около 2000 заимствованных лексических гнезд. Автор перечисляет следующие признаки, позволяющие считать иностранное слово

заимствованным (стр. 62—63): 1) фонетическая и морфологическая ассимиляция, 2) широкое употребление, 3) появление производных: 4) фразеологическая активность, 5) устранение смысловой дублетности. Последние три признака требуют оговорки. По мнению автора, появление лексического гнезда «является уже надежным свидетельством о времени усвоения иностранного слова данным языком» (стр. 62). Встает важный вопрос: в какой степени эти 2000 гнезд образовались под иноязычным воздействием? Может быть, лексикологи никогда не будут в состоянии ответить на этот вопрос с уверенностью, так как речь идет об интернационализмах, которые в значительной степени тождественны в европейских языках.

Появление словообразовательного гнезда может быть вызвано или укоренением данного иностранного слова, или, напротив, постоянным интенсивным иноязычным воздействием. В первом случае одно заимствование становится ядром производных по словообразовательным законам русского языка, и это, очевидно, мнение автора. Существует, однако, другая возможность: любой член данного гнезда может быть одновременно или отдельно заимствован из языка-источника или же через целый ряд посредников. В очень редких случаях можно установить с уверенностью независимую деривацию, а именно, когда параллели отсутствуют во французском, немецком и английском языках, как, например, *фактизм*, *фактист*, *фактология*. Только тщательное рассмотрение других лексических гнезд привело бы к выяснению их происхождения. Проблема происхождения неразрывно связана с дальнейшим развитием производных на русской почве. Во-первых, значение новых производных отнюдь не «автоматически» вытекает из самого словообразовательного процесса. Их семантическое содержание очень часто отражает специфические значения соответствующих слов в западноевропейских языках. Например, *реакция*, *реактивный*, *реактивировать* (стр. 103—104) были первоначально химическими терминами. Затем употреблялись и в языке физики и медицины. Более общий смысл французского слова *réaction* «отклик на действие» был воспроизведен кальками к концу XVIII в., например *отдействие* (Карамзин, 1789¹). Даль (1-е изд.) регистрирует *реакция* в том же смысле. Позже возникло политическое значение слова *реакция* «всякое противодействие развитию передового», которое повлекло за собой новые производные, имеющие исключительно политический смысл: *реакционный*, *реак-*

¹ Ср.: G. H ü t t l - W o r t h, Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jh., Wien, 1956, стр. 141 (далее — ХВ¹).

ционность, реакционер и др.; лишь слово реакция остается связанным с химической терминологией. Развитие этого слова — расширение значения терминов, их применение в политике и образование нового гнезда — не вытекает непосредственно из словообразовательных процессов в русском языке, но точно отражает историю франц. *réaction* и его производных (хотя с некоторым опозданием; политический смысл слова *réaction* засвидетельствован в 1795 г., *réactionnaire* в 1796 г. ²). То же развитие произошло в немецком и английском языках.

История данного лексического гнезда симптоматична. Такие параллели можно найти к большинству примеров, приведенных автором во всех разделах книги. То же верно для целого ряда фразеологических сочетаний; ср., например, *вызвать, возбудить реакцию* — нем. *eine Reaktion hervorrufen, erwecken*, или устойчивые выражения со словом *социальный*: *социальные явления, отношения, условия* — англ. *social phenomena, conditions, relations*. Этот параллелизм в сотнях случаев указывает, думается, на постоянное внешнее влияние. Автор редко ставит вопрос о генезисе таких лексических явлений.

Богатейший материал из русской письменности того времени, приведенный в этой главе, составляет ценный вклад в историю языка (стр. 70—156). Автор исчерпывающе описывает терминологию философии, литературы и политики (насколько она стала употребительна в литературном языке), а также новую книжную лексику. Разнообразие и изобилие делают этот материал чрезвычайно ценным для широкого круга специалистов, занимающихся языком и историей культуры. Однако некоторые проблемы, связанные с появлением иностранных слов, не освещаются. Не даются сведения о том, в какой степени писатели и публицисты владели западноевропейскими языками и какими именно. Изучение тогдашних переводов (литературных и научно-популярных), вероятно, дало бы ценные указания на источники иноязычной лексики. На основе собранного материала можно заключить, что путь внедрения остался тем же, что и в предыдущую эпоху: большинство слов было или прямо заимствовано из французского языка, или пришло откуда через немецкий. Вполне понятно, что в фокусе авторского внимания находилось описание словарного состава определенной эпохи; однако в некоторых случаях пропуск предыдущего развития особенно заметен. При обсуждении слов *беллетрист, беллетристика* автор приводит много цитат, иллюстрирующих русские соответствия французскому *belles-lettres* (стр. 118—120). Все эти кальки

типа «изящная словесность» были выработаны Ломоносовым, Тредиаковским и Карамзиным и употреблялись в XVIII в. Далее автор подчеркивает, что развитие слова *беллетрист* и его гнезда произошло на русской почве самостоятельно, так как соответствующие производные не существуют во французском языке. Автор упускает здесь из виду, что *беллетрист, беллетристика, беллетристические произведения* и т. п. точно отражают немецкие элементы, включая все семантические оттенки. Например, *беллетристическая литература* противопоставляется собственно художественным произведениям и не ограничивается жанровым признаком, а термины *беллетристика* и т. д. употребляются для обозначения «легкой литературы». Полигенезис в этом случае опять-таки крайне сомнителен; во-первых, специфические значения производных не объясняются процессом деривации из смысла «пучка»; во-вторых, немецкие слова зарегистрированы значительно раньше: *Belletrist* (1774, Гете ³), *Bell-Letters* (1796).

Добавочный материал из лексического наследия можно также привести к следующим словам в этой главе: *утопия* и *филлистер* (Карамзин ⁴), *энтузиазм* (Д. Кантемир, Тредиаковский, Карамзин, XV² стр. 121), *тип* (Берында, Полоцкий, Поликарпов, XV³ стр. 111), *эффект* (Берында, Зизаний, Петровская эпоха, XV³ стр. 123), *гарантировать* (Смирнов), *цистерна* (ср. др.-русс. *гистерна, цистерна* у Берында, *кистерна* XVIII в.) и др.

Источники и пути внедрения иностранных слов изложены кратко (стр. 157—164) и требуют во многих случаях дальнейшей проверки. Возможность или вероятность опосредствованного заимствования не освещается, хотя звуковая оболочка нередко указывает на язык-посредник, как *партнер* < нем. *Partner* < франц. *partenaire*. Фонетические колебания перечисляются (например, *нафос--патос*, стр. 123), но автор нигде в книге не анализирует их. Такие варианты, однако, являются одним из редких ключей при установлении датировки и путей внедрения. Уяснение источников и путей внедрения невозможно без установления того, когда данные слова приблизительно появились и в какой фонетической и морфологической форме они зарегистрированы. Все эти проблемы не находятся в центре рецензируемого труда, и выводы автора относительно датировки и источников не всегда убедительны.

³ См.: F. Kluge, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, Berlin — Leipzig, 1943, стр. 48.

⁴ G. Hüttl-Worth, *Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550—1800*, Berkeley — Los Angeles, 1963, стр. 113 (далее — XV²).

² Ср.: A. Dauzat, *Dictionnaire étymologique de la langue française*, 10e éd., Paris, 1938, стр. 10.

Так, автор настаивает на том, что слово *индустрия* — галлицизм. Между тем оно употребляется Новиковым в 1783 г. в переводе с немецкого и объясняется в ссылке немецким словом *Industrie* (ХВ¹ стр. 41). Ю. Сорокин дает лишь одну страницу примеров для тех слов, которые, по его мнению, восходят непосредственно к французскому языку (стр. 161). За редкими исключениями они все имеют точные соответствия в немецком. Следующие из цитированных слов были заимствованы в XVIII в.: *жест* (Прокопович, ХВ² стр. 72), *кафе* (Д. Кантемир, *кофейной дом*, ср. нем. *Kaffeehaus* Карамзин, ХВ² стр. 80), *неглиже*, *эскиз*, *эстамп* (все из Карамзина, ХВ² стр. 91, 122), *прожект* (Козельский, ХВ² стр. 99). Далее приведено всего 25 германизмов, среди них слово *шутлер*; его значение и путь внедрения указывают на более раннее заимствование: *шутлер* «игрок, обманщик» < польск. *szuler* «то же» < чешск. *šular* «обманщик» < ср.-нем. *schollerer* «организатор азартных игр»⁵. В.-нем. *Schüler* «ученик» не могло быть источником русского слова. Германизмы, вошедшие в русский язык через западнославянское посредничество, были, как правило, заимствованы в XVI—XVII вв. Слово *студент* появилось на восточнославянской почве в XVII в. (Потемкин, Бернда, Духовный регламент, ХВ² стр. 108), поэтому трудно верить, что *штудировать* было заимствовано только в XIX в. Слово *клякса* ближе по фонетической форме к ср.-в.-нем. *Klas*, *Klacks*, чем к современному нем. *Klecks*; *филистер* употребляется с объяснением Карамзиным (ХВ² стр. 115).

Менее подробно и удачно, чем заимствования, трактуются кальки (стр. 164—179) и теоретические проблемы, связанные с ними. Хотя автор предлагает новое название для семантических калек — семантическая индукция (стр. 166), самый факт иноязычного воздействия на семантическое развитие русских слов часто упускается из виду. Автор рассматривает около 50 калек, которые являются почти исключительно переводами сложных немецких слов. Это не случайный выбор, так как «прозрачная» структура этого типа позволяет без затруднения установить иноязычную модель. Проблема классификации производных слов, которые в большей или меньшей мере возникли под иностранным влиянием, не ставится⁶. К конкретным примерам можно добавить,

что *противовес* (стр. 168) имеет также эквивалент во французском *contre-poids*, который несомненно является источником немецкого слова; слова *свободомыслие* — неологизм Карамзина (ср. также англ. *freethinker*, *freethinking*; ХВ¹ стр. 186), *кредитоспособный*, как и нем. *kreditfähig*, не являются кальками в узком смысле слова, так как их первая часть — иностранная морфема. К. Шуманн относит этот тип к заимствованиям⁷. Такие образования существовали издавна в русском языке, ср., например, *идолослужение*. Трудно согласиться с автором, что слово *плоскогорье* является калькой с нем. *Nochebene*, так как ни первый, ни второй член сложного слова не соответствуют друг другу. Слово *настроение* (стр. 170) не новообразование, а лишь семантическая калька с немецкого. Слово *личность* употреблялось уже к концу XVIII в. в смысле «характер», франц. *personnalité* (ХВ¹ стр. 116).

Автор принимает следующее общее положение относительно «семантической индукции»: «1) Взаимодействие в этих процессах семантического развития слов между русским и французским, немецким, английским языками было постоянным и сильным. 2) Основные процессы семантического развития слов в русском литературном языке были во многих отношениях аналогичны таковым же процессам в указанных европейских языках, но они были столь же сильно обусловлены внутренней логикой развития самого русского литературного языка» (стр. 171). Первое заявление требует существенной оговорки: «взаимодействие» было фактически движением в одном направлении. Французский язык — главный ареал семантических калек в Европе; вторичные значения были, как правило, заимствованы или непосредственно из французского в русский литературный язык или через немецкое посредничество. Второе утверждение, что семантические изменения были «столь же сильно обусловлены внутренней логикой», нуждается в доказательстве. В рецензируемом труде не дается указаний, каким путем автор отличает внутреннее развитие от изменений под внешним влиянием, иначе говоря, проблема «полигенезис — моногенезис» не ставится.

Во второй главе обследуются новообразования, состоящие из русских (славянских) морфем (стр. 180—325). Общие выводы автора хорошо обоснованы: индивидуальное словотворчество, столь характерное для предыдущего века, уступает место интенсивному развитию ограниченного числа суффиксальных образований. Среди них выделяются больше 1000 производных на суффикс *-ость*.

⁵ M. V a s m e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, III, Heidelberg, 1957, стр. 434.

⁶ Ср.: Г. Х у т л ь - В о р т, Проблемы межславянских и славяно-неславянских лексических отношений, София, 1963 («American contribution to the V International congress of Slavists»), стр. 149.

⁷ K. S c h u m a n n, Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen, Wiesbaden, 1958, стр. 2.

Их датировка представляет затруднения, как замечает автор (стр. 209), так как этот суффикс был продуктивен в разные эпохи литературного языка. Следующие слова из приведенных примеров существовали до XIX в.: *внутренности* «внутренние органы» — наследие юго-западной Руси⁸, а не новый термин; слово *меняемость* (стр. 190) было калькировано в 1765 г. с франц. *imputabilité* (ХВ¹ стр. 88); *действительность* (стр. 199) употреблялось с начала XVIII в. (Прокочевич, Тредиаковский, ХВ¹ стр. 96); *вещественность* и *существенность* — философские термины Тредиаковского (ХВ¹ стр. 84, 199). Ю. Сорокин считает свободное сосуществование синонимов с разными суффиксами характерной чертой XIX в. (стр. 185). Такие колебания, пожалуй, еще чаще встречаются в предыдущие периоды. Две пары, цитированные автором, возникли раньше: *величество* — *величие* (Хрошика Амартола, ХВ¹ стр. 83); *чувство* — *чувствование* (ср. *чувство*, *чувствие* у Срезневского; *чувствование* и многие подобные употреблялись в XVIII в.), но это частности. Более существенно, что единственным общим знаменателем для сотен перечисленных примеров является их образование на *-ость* (стр. 189—197). Их история, представляющая деривации, очень разнообразна; среди них можно установить два типа, которые возникли под иноязычным воздействием: кальки XVIII в. служат ядром для новых производных, например, *впечатление* < лат. *impressio* — *впечатлительность* (стр. 190), *предмет* < лат. *objectum* — *предметность*, *сосредоточить* < франц. *concentrer* — *сосредоточенность*. Второй вид представляет собой гибриды, в которых семантические процессы и деривация тесно связаны. Семантическая индукция дает часто начало новым производным: франц. *tableau* и *image* придали слову *картина* с середины XVIII в. следующие переносные значения: 1) «литературное, образное изображение», 2) «то, что можно представить себе в конкретных образах», 3) «общая обстановка», 4) «красота»⁹, ср. также *картинный* «живописный, красивый». Семантическое содержание нового производного *картинность* (стр. 191) основано исключительно на заимствованных значениях: «живописность, образность». То же верно для слова *изысканность* «утонченность вкуса»; первоначальное значение всего лексического гнезда *изыскать* исходило от этимологического смы-

сла «старательно искать» с XI в. до XIX в. *Изысканность* не прямо продолжает это семантическое развитие, но отражает смысл французского слова *recherché* фигурально «утонченный» > *изысканный*, которое повлекло за собой новую деривацию¹⁰. Автор сам замечает, что прилагательное *наглядный* получило специальное значение в сочетании *наглядное обучение* и под. (стр. 193); можно добавить, что новый смысл представляет собой индукцию с нем. *anschaulich*, которая в свою очередь дала начало слову *наглядность* (стр. 192).

Некоторые другие производные на *-ость* (все на стр. 196) имеют точные соответствия в немецком языке, которые, может быть, играли роль при создании русских слов: *поверхностность* — *Oberflächlichkeit* (также «неполнота знаний»), *сердечность* — *Herzlichkeit*, *обдуманность* — *Bedachtheit*, *начитанность* — *Belesenheit*. Последнее вызвало протест Шишкова, что уже указывает на «инородное» происхождение. Тот факт, что слово *невинность* может также означать лицо (*Она — святая невинность!* стр. 197), возможно, объясняется иноязычным влиянием: ср. лат. *O sancta simplicitas!*

Так же подробно автор описывает и другие продуктивные разряды производных на основе богатейшего материала. Можно было бы дать и к этим словам отдельные добавления и некоторые уточнения (относительно датировки, иноязычных параллелей и т. п.). В книге столь широкого диапазона мелкие неточности неизбежны, и они никак не снижают общей ее ценности.

В связи с трактовкой суффиксов иноязычного происхождения нужно отметить, что разные влияния и здесь скрещивались: суффикс *-изм* (< франц. *isme*) наслаивался на *-изм* (< лат. *-ismus*, греч. *-ισμος*). Форма, заимствованная из классических языков, встречается (за редкими исключениями) до середины XVIII в.¹¹ Следующие слова из перечисленных на стр. 252 имеют более старые формы, указывающие на классические источники: *афеизм* и *афоризм* (Д. Кантемир, ХВ² стр. 60), *силлогизм* (Берында, ХВ² стр. 105) и *солецизм* (Тредиаковский, ХВ² стр. 106). Подобное же явление наблюдается относительно суффикса *-ер, -ёр* < франц. *-eur*, который появляется в русском языке как более позднее соответствие к *-(m)or* < лат.

¹⁰ Переносного значения не было еще в двадцатых годах, как свидетельствуют разные попытки перевести *recherché* на русский язык словами *любопытный, затейной, затейливый, щепетен, принужденный* (ср.: «Полный французско-русский словарь», IV, 3-е изд., М., 1824, стлб. 94).

¹¹ Ср.: G. Hüttl-Worth, Foreign Words in Russian..., стр. 49.

⁸ «Древле-славянская псалтирь», издатель арх. Амфилохий, 2-е изд., М., 1880, стр. 419.

⁹ См.: В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 2-е изд., М., 1938, стр. 161; G. Hüttl-Worth, Die Bereicherung..., стр. 112—113.

-(t)or, продуктивному до Петровской эпохи.

Трактовка суффикса *-ическ-* (стр. 274) требует разъяснения. Автор сравнивает его с греч. *-ικος* и франц. *-ique* (к которым нужно добавлять лат. *-icus*) и замечает, что прилагательные на *-ическ-* семантически соотносятся также с существительными на *-ик* и *-ика*. Но это соотношение не только семантическое; во многих случаях историческое развитие осуществлялось из одной и той же формы. Так, например, греч. прилаг. *τραγικός*, лат. *tragicus* являются источниками русского существительного *трагик*, от которого образовалось впоследствии прилаг. *трагический*. Иноязычные суффиксы *-ik* (*-os*), *-ic* (*-us*) и *-ique*, служащие для образования прилагательных, сливались с русским суффиксом *-ик*, с помощью которого образуются существительные со значением лица¹².

Заслуживает внимания, что число глагольных новообразований значительно меньше, чем количество существительных и прилагательных (стр. 286); то же наблюдение сделал рецензент при изучении языка XVII—XVIII вв. Суффикс *-(н)ичать* стал продуктивным для образования отыменных глаголов в XIX в. Так как для этих глаголов характерна сильная экспрессивность, можно думать, что они еще меньше регистрировались словарями, чем более нейтральные образования. Чрезвычайная продуктивность суффикса *-ировать* (стр. 296—297) для деривации от иноязычных морфем является прямым продолжением состояния, наблюдаемого для предыдущего века.

Остальная часть этой главы посвящена сложным словам (стр. 298—324), в особенности образованиям, возникшим по аналогии к издавна продуктивным типам, например, с первой частью *само-*, *много-*, *мало-*. Историки русского языка знают, как затруднительно различить хронологические слои среди них, потому что эти элементы были широко употребительны и продуктивны в древнейший период славяно-русской письменности, в эпоху второго южнославянского влияния, а также и в XVIII в. Несмотря на это, автору отлично удалось выделить неологизмы изучаемого периода и характерные признаки, которыми они отличаются от древних образований того же типа.

В третьей части рецензируемой книги обследуются семантические изменения, происходящие в XIX в., общие тенденции и проблематика семантического развития (стр. 325—540). Семантические изменения играют главную роль в обновлении языка в этот период; они многочисленнее, чем новообразования. Изучение семантического развития связано с особыми трудностями, так как словари XVIII—

XIX вв. содержат крайне скудный материал, иллюстрирующий разные значения данных слов, а меньше всего новые, переносные значения.

При обсуждении этих проблем автор подчеркивает, как опасно принять самостоятельное появление слова-омонима за внутреннюю семантическую эволюцию слова (стр. 327). Когда старое значение никак не связано непосредственно с новым, мы имеем дело с новым омонимом. В качестве примера автор приводит *безвыходный* 1) «не выходящий вою», 2) «безнадежный». Как мне кажется, новый смысл этого слова объясняется очень легко: это семантическая индукция нем. *ausweglos*; то же самое верно для слов *даровитый* < нем. *begabt*, *перудумать* < нем. *überdenken*. Именно в тех случаях, когда новое значение русского слова не прямо продолжает первоначальный смысл, помогает сравнение с иноязычными соответствиями.

Переносные значения не только распространялись в границах отдельного лексического гнезда, но и выходили за его пределы. Таким образом создавались новые синонимические ряды, как, например, *направление*, *движение*, *течение*, *векание* (стр. 330). Автор не упоминает, что толчок к этому интересному явлению дало, по всей вероятности, внешнее влияние, так как соответствующие слова в западноевропейских языках прошли ту же семантическую эволюцию: ср. *направление*, нем. *Richtung*; *движение*, франц. *mouvement*, англ. *movement*, нем. *Bewegung*; *течение*, англ. *trend*, нем. *Strömung*; лишь *векание*, насколько мне известно, не имеет параллели.

Широкий круг генетически разнородных слов — научные термины, славянизмы, просторечные и областные слова — получал новые переносные значения. Эти переносные значения влекли за собой новые фразеологические сочетания (стр. 330). Автор установил две основные противоположные тенденции в общем семантическом развитии того периода: «терминологизация» слова (семантическое сужение) и расширение значения, ведущее к новым фразеологическим связям (стр. 332). Приведенные примеры показывают, что и на этих процессах сказывалось внешнее влияние: ср. *фазы развития общества* — франц. *les phases dans le développement de société*, нем. *die Entwicklungsphasen der Gesellschaft*; *удушливая атмосфера*, — франц. *atmosphère étouffante*, нем. *erstickende Atmosphäre*, и т. д. Смысловое сужение старых книжных слов в новые терминологические показано примерами *впечатление*, *деятельность*. Здесь нужно добавить, что эти слова первоначально были философскими терминами Тредиаковского (ХВ¹ стр. 90, 96).

Семантическая терминологизация излагается во всех подробностях для характерных лексических гнезд. Многочис-

¹² G. Hüttl-Worth, *Foreign Words in Russian...*, стр. 49.

ленные примеры исчерпывающе иллюстрируют историю этих слов в изучаемый период, однако источники этих изменений, восходящие к русскому языку XVIII в. или к западным воздействиям, освещаются неравномерно. Это приводит к существенному недостатку. Семантические и словообразовательные процессы в обновлении языка представляются в этой книге как более или менее независимые явления. Автор отдельно рассматривает новые производные слова и семантические изменения в разных главах и не всегда сопоставляет их. Мы попытались показать выше слияние процессов на примере слов *картинность* и *изысканность*.

Самый крупный вклад автора в историю русской лексики представляет собой, на наш взгляд, исчерпывающее и систематическое описание популяризации терминов (стр. 352—452). Эта популяризация в широком масштабе во всех отраслях знания — новое явление, характерное исключительно для русской лексики XIX в. и явно отличающее этот период от всех предыдущих. Терминология естественных наук применялась в социологии для истолкования общественных явлений, что содействовало их распространению в литературном языке вообще. Этот процесс дал начало появлению новых, переносных значений, которые в свою очередь вели к новым, необычным фразеологическим сочетаниям. Автор иллюстрирует это сложное развитие сотнями примеров и убедительно доказывает глубокое влияние науки и общественной жизни

на литературный язык. Кроме того, собранный в этом труде материал впервые позволяет рассматривать этот процесс в более широком контексте. Популяризация терминов, употребительных в естественных науках, их переход в общественные науки и в литературный язык — это общеевропейское явление. Достижения любой отрасли науки или культурного движения осуществлялись в постоянном и тесном сотрудничестве между народами. Лингвистические факты отражают эти взаимоотношения. Сравнение русских примеров (стр. 352—448) с французскими, немецкими и английскими эквивалентами показывает в подавляющем большинстве случаев полное совпадение (по крайней мере, в двух из этих языков, а как правило — во всех). Совсем редким исключением является слово *столбняк* (стр. 442): его западноевропейские эквиваленты не употребляются в фигуральном смысле. Этот параллелизм охватывает все типы лексического обновления: термины-интернационализмы, кальки, переносные значения и фразеологические сочетания. Сказанное позволяет заключить, что популяризация научной терминологии является самым важным общеевропейским языковым явлением после христианизации.

Труд Ю. С. Сорокина занимает первое место среди исследований русской лексики XIX в. Он будет необходимым пособием для всех ученых, интересующихся историей языка и культурной жизнью России в XIX в.

Г. Хюль-Ворт

Б. А. Успенский. Структурная типология языков. — М., Изд-во «Наука», 1965. 285 стр.

Выход этой книги представляется нам значительным явлением в истории типологических исследований. Книга состоит из трех частей: вводная часть — «Предмет и метод структурной типологии», основная часть — «Построение структурно-типологической теории для грамматической характеристики языков» и так называемых «Приложений», из которых весьма существенны «Классификация языковых универсалий» (приложение I), «Список синхронических универсалий из области фонологии и грамматики» (приложение II) и обширная библиография.

Книга дает общее представление о состоянии типологических исследований в современном языкознании так, как они осознаются на сегодня. Автор, на наш взгляд, сумел достичь этой важной цели следующими средствами. Во «Вводной части» автор кратко, но полно по содержанию описывает предмет лингвистиче-

ской типологии, связь лингвистической типологии с другими направлениями лингвистического исследования, все понимание типологического исследования языков, выделившиеся в истории лингвистики, и, наконец, дает определенное представление о средствах описания, существующих в современной типологии.

В пяти главах и девяти параграфах второй части излагается собственная типологическая теория автора. Эта примерная типологическая теория, как кажется, позволяет подойти к тому, чтобы выделить общее понятие о типологическом методе, т. е. в конечном счете о том, чем в подходе к объекту отличаются типологические исследования от дескриптивно-описания языков и от сравнительно-исторических исследований. Имея цель указать, например, на способ современных типологических исследований, эта теория касается наиболее классического

эмпирического материала типологии — грамматики языков и имеет значительный собственный интерес.

В приложениях, во-первых, дана первая специальная библиография по типологии, представляющая самостоятельное библиографическое исследование. В библиографию автор включил все работы, которые, по его мнению, имеют отношение к современному состоянию собственно типологических исследований. Во-вторых, в приложении дан полный список всех известных на сегодня собственно лингво-типологических универсалий. В этой форме автор представляет важнейшие итоги конкретно-типологических исследований (причем названы авторы всех универсалий).

Таким образом, в книге так или иначе отражены: а) основные направления в типологии и история исследований, б) современное состояние представимости типологического метода, в) результаты конкретных типологических исследований.

Учитывая полутростолетнюю историю типологических исследований, громадную литературу по вопросу типологии и чрезвычайно обширное поле типологических исследований, нельзя не признать, что строение книги удачно отвечает поставленной задаче. Вот почему лингвисты любой специальности могут найти в этой книге нужные для себя сведения.

Книга не полностью свободна от некоторых недостатков описания; например, желательно усовершенствовать библиографию, так как в ней не учтены важные для типологии русские и зарубежные востоковедные исследования (по китаистике дана работа Хмелевского, но нет, например, работ Масгера или Габеленца; по алтаистике есть работа Рамштедта о корейском языке, но нет важнейшей его работы «Введение в алтайское языкознание», Мейнхоф не упомянут как бантуист и т. п.). В третьей главе «Вводной части» явно обеднено содержание истории типологии. Подобные частные недостатки устранимы при расширенных и дополненных изданиях книги. Ибо эта книга, на наш взгляд, должна переиздаваться прежде всего как справочное издание и с каждым разом включать в себя новые достижения типологии.

Из проблем, затронутых в книге, займемся следующими: а) материалы типологических исследований, б) назначение типологических исследований прежде и теперь, в) метод типологических исследований, г) роль универсалий в современных типологических исследованиях, д) достоверность типологических исследований.

Материалы типологических исследований. Типология языков названа автором «структурой». Слова «структурная типология» в книге имеют как бы двойной смысл.

Вся основная часть книги построена как типологическая теория, в значительной мере использующая аппарат трансформационного анализа и различающая понятия аналитического и порождающего описания языков. Тем самым автор включает свою теорию в структурную лингвистику. Однако при этом одним из выводов автора является интерпретация старых идей Гумбольдта — Шлейхера о типологической классификации языков и подтверждение этих идей с помощью нового аппарата доказательств.

Во вводной части имеется специальная глава, посвященная «языку-эталону», которая указывает на особое внимание автора к способу изложения и форме теории, однако предшествующая глава (глава 3) излагает все подходы к типологической теории без различения того, созданы ли они в структурализме или вне его, каков их язык и какова их форма.

Перечень универсалий представляет собой систематизацию эмпирии, но не собственно системно-структурное исследование.

Таким образом, слова «структурная типология» не являются полным синонимом выражения «типология языков, данная структурализмом как лингвистическим направлением». Одновременно очевидно, что без структурализма такая книга не могла бы быть написана и структурализм действительно является главным элементом конструирования теории и системы изложения. Из сказанного следует, что структурная типология представляет собой не часть специальной теории лингвистического метода, а эмпирическое описание, выполненное с помощью достижений специальной теории лингвистического метода. Структурная типология в этом отношении не отличается от любых конкретно-эмпирических описаний языков, созданных на основе специальной теории метода.

Однако структурная типология одновременно отличается от таких описаний. Проводя собственно типологическое исследование, автор не имеет дело с эмпирией языков непосредственно. Эмпирия языков дана ему в уже готовых описаниях. Это является важнейшим признаком собственно широкого типологического исследования. Непосредственная эмпирия языков для типолога является ненаблюдаемой. Типолог, независимо от того, на каком материале и как построена его теория, имеет дело только с описаниями языков. (Причем неважно, создал ли эти описания он сам или другие авторы). В этом отношении типологическое исследование родственно сравнительно-историческому, где исследовательский процесс также начинается не с непосредственного текста, а с так или иначе уже описанной системы языка (с грамматики и словаря).

Это обстоятельство заставляет типолога критически отнестись к данным, с которыми он имеет дело, ибо данные должны быть принципиально сопоставимы. В этой связи автор цитирует Крёбера: «Сравнения ныне несут гораздо больше информации, чем они могли нести, когда не были определены такие понятия, как фонема и морфема». Отсюда вывод: типология, как никакая другая часть языкознания, заинтересована в описаниях языков.

В этой связи хотелось бы сказать следующее. По-видимому, целесообразно в настоящее время вести типологические исследования методом рассылки специальных анкет, так, как это делается в социально-психологических исследованиях. На принципиальную целесообразность этого указывает работа по универсалиям, проведенная американскими лингвистами под руководством Хоккета и Гринберга.

Назначение типологических исследований. Во вводной части первой главы — «Предмет и задачи структурной типологии» — автор называет ряд полезных свойств типологии в науке о языке, такие, как уточнение сравнительных реконструкций, определение лингвистических явлений при дешифровках, предсказание некоторых языковых черт при дескриптивном описании языков, соотношение интерлингвистических и интралингвистических сущностей, важное для теории метода, и т. п. Короче, автор обращает внимание только на возможную пользу типологических исследований для других отраслей лингвистики. Нам представляется, что это далеко не исчерпывает назначения и задач типологических исследований. Мы видим причины возросшего интереса к типологическим исследованиям в совсем иной области. Для нас интерес к типологическим исследованиям связан прежде всего с идеями нормализаторской работы, с созданием и преобразованием норм использования языков, т. е. с активным влиянием на процессы языковой деятельности. Интерес к типологическим исследованиям, на наш взгляд, лежит более в сфере общественно-языковой практики. Лингвист, интересующийся процессами языковой деятельности, усматривает большие структурные сдвиги в сфере смыслов (и отчасти в сфере языковой формы) в современных языках промышленно-развитого общества, в языках, снабженных средствами массовой коммуникации. Эти сдвиги проявляются прежде всего в наднациональной стандартизации значений в языках массовой коммуникации, позволяющей осуществлять принципиальную переводимость смысла из одной национальной формы языка в другую (язык газет принципиально переводим независимо от того, где — на Западе или на Востоке — издается газета, тогда как

язык литературных произведений, особенно старинных, напротив, с трудом поддается переводу).

Поскольку с появлением массовой коммуникации изменяется сфера общественно-языковой практики, меняется и лингвистическая форма этого языка. Национальные языки распадаются на несколько сфер со своими типологическими признаками. Это и побуждает к нормализаторской деятельности, осуществляющейся с учетом не только истории языка, но и типологии.

Метод типологических исследований. Очевидно, что типология как направление в лингвистике еще не обладает специальным методом. Типология чаще всего понимается этимологически: лингвистическая типология — наука о типах языков (языковых систем). Такое широкое понимание может быть отнесено по сути дела к любому лингвистическому исследованию, которое всегда описывает некоторый тип функционирования языка. Вместе с тем лингвисты осознают отличие типологических исследований от описания типов функционирования и на практике всегда отличают типологическое описание от нетипологического. Различие между типологическим и нетипологическим описаниями в методе. Но метод, применяемый типологией, на практике не может быть сформулирован самой типологией, так как описание метода есть специальный предмет теории метода, а не типологии.

Понятно поэтому, что в книге Б. А. Успенского можно видеть применение типологического метода, но не описание этого метода.

Во вводной части в главе «Методы типологического исследования» описаны, пожалуй, все разнородные способы построения типологической теории, включая и подход Ч. Базелла.

Все эти способы фактически различаются по принципам подхода к эмпирическим данным. Однако в этой главе нет указания на то, что заставляет лингвиста считать все эти подходы типологическими. Фактически мало что сказано о собственно типологическом методе и в следующей главе «Типология и язык-эталон». Термин «язык-эталон» впервые введен Б. А. Успенским. Однако это понятие как будто мало помогает пониманию собственно типологического метода (кстати, здесь присутствует распространенная в языкознании неясность: термин «мета-язык» в логическом понимании невольно отождествляется с термином «язык» в лингвистическом понимании, хотя термин «язык» в логическом понимании ближе к лингвистическому понятию «текст»).

Типологический метод как таковой начинается в основной части в разделе «Система терминов и допущения». Мы специально хотим остановиться на принятой автором системе понятий и допуще-

ний, поскольку эти понятия и допущения позволяют подойти к экзистенциальному формулированию типологического метода.

В лингвистике, как во всякой эмпирической науке, свойственно не обращать внимания на систему допущений; предполагается, что исследование начинается только с материала.

С этой точки зрения достаточно наложить на описание систему принципиально сопоставимых единиц, как типологическое исследование окажется уже проведенным. На самом же деле сопоставление системы единиц некоторого уровня (например, фонологического или лексического) с другой системой единиц того же уровня есть не конечный, а необходимый начальный шаг исследования.

Для анализа соположенных систем необходимы допущения. Книга Б. А. Успенского с этой стороны представляет первый опыт истории типологии. Все принимаемые автором допущения в ней даны. Не будем останавливаться на том, насколько экономно построена система допущений в сравнении с результатами теории (на наш взгляд, систему допущений можно усовершенствовать), отметим лишь те допущения, которые с точки зрения результатов теории являются абсолютно неизбежными: 1) допущение о грамматической правильности (§ 0.3), 2) допущение о классности (§ 0.4 и 0.2. 1), 3) допущение о единичности и составляющих их элементах (§ 0.7; 0.1; 0. 4. 2), 4) допущение о продуктивности (§ 0.2; 0.5; 0.5.1; 0.6; 0. 6. 1; 0. 6. 1. 1; 0.8 и следующие). Эти допущения необходимы, если учитывать конечную цель теории — построение трансформаций между различными типами языковых структур, так как оказывается, что без построения системных связей между типами языковых структур невозможно построить систему типов или интерпретировать уже имеющиеся системы типов.

В целом необходимые допущения призваны решить две задачи: а) задачу анализа и б) задачу комплектования. Под словами «задача анализа» мы понимаем установление репертуара единиц низшего уровня и правила их сочетаний в единицах высшего уровня, под «задачей комплектования» понимаем правила создания и преобразования единиц высшего уровня из единиц низшего уровня по установленным правилам. Этим способом оказывается возможным установить в описании связи между типами языковых структур и на основании этих связей выделить и логически обосновать сами лингвистические типы.

Роль универсалий в современных типологических исследованиях. Задача построения конкретной типологической теории как будто успешно решена автором в «Основной части»; вместе с тем читателя не покидает ощущение, что

без перечисления универсалий изложение было бы неполным. По-видимому, это связано с тем, что хотя универсалии и изложены в «Приложении», сама типологическая теория не может быть построена без универсалий достаточно ясно и доказательно.

Стоит обратиться к примерам из языков, иллюстрирующих изложенные в книге теории, как каждый, кто привык употреблять этот язык, размышлять о нем или исследовать его, находит этот пример правильным, но недостаточным. Ибо примеры как бы отвлечены от системы изложения, принятой в нормальном дескриптивном описании. Лишь при чтении списка универсалий к читателю приходит ощущение правильности предложенной теории.

Обратимся к классификации универсалий, данной автором. Универсалии бывают дедуктивными и индуктивными, абсолютными и статистическими, элементарными и импликационными, простыми и сложными, синхроническими и диахроническими, экстралингвистическими и лингвистическими, качественными и количественными. Интересно отметить, что все перечисленные универсалии по сути дела представляют собой единицы, т. е. ту специфическую систему понятий, которая дает особую проекцию объекта. Мы не находим в этих понятиях такого именованного, как французский язык, индоевропейская семья языков и т. п. Иными словами, универсалии представляют собой такое средство членения мирового глоттогонического процесса, при котором иные единицы описания оказываются излишними. Именования языков выступают только в разделе «Примечания». Отсюда для типологии принципиально не существуют те системные связи, которыми обладает, например, понятие «китайское слово» в дескриптивном и сравнительно-историческом описании. Сам термин «слово» для типологии имеет существенно иной смысл. Слово в типологии есть единица, комплектуемая по некоторым правилам. В конкретном национальном языке может быть представлено некоторое количество неоднородных правил комплектования, часть из которых будет идентична с правилами комплектования слов в других конкретных языках. Если, как это делается в типологии, различать языки чисто типологически, то это значит, что такое деление практически не зависит от пространства и времени, принятых в иных способах исследования языка. Нам хотелось бы подчеркнуть это принципиальное отличие типологии от других способов исследования языка.

Достоверность типологических исследований. То, что было сказано выше о типологических понятиях и типологической сегментации языка, делает любую типологическую работу уязвимой со стороны данных, добы-

ваемых другими методами исследования. Дело здесь, видимо, не только в фактическом материале. С этой трудностью типология, по-видимому, может справиться, так как она сама исходит из описаний языков, сделанных на основе других методов, и оперирует их данными. Дело, по-видимому, в том, что типология покусается на то, на что не отваживаются другие методы лингвистики. Известно, что типология прямо связана с лингвистическим моделированием. Современная типология есть, вообще говоря, теория, строящая различные языковые модели. Эти модели (как и всякие другие модели) могут иметь двоякое применение: а) как средство познания объекта, б) как средство создания некоторых объектов. Во втором применении ставится задача создания языка с помощью некоторого устройства (причем неважно, является ли это устройство человеком или машиной). Таким образом, типология ставит себе задачи, сходные с естественными науками. Это обстоятельство заставляет усомниться в достоверности многих типологических теорий в принципе. Этого сомнения не избег и сам автор книги «Структурная типология языков». Задачи типологии автор ограничил научным применением, а типологическую трансформационную модель употребил не столько как порождающее устройство, сколько как средство анализа.

Вместе с автором мы тоже сомневаемся в применимости типологического моде-

лирования на практике, и вот почему: лингвистическая типология анализирует субстанцию языка в ее лингвистическом представлении и строит типологическую теорию так, как если бы воля человека не вмешивалась в языковые изменения. Этот принцип свойствен многим направлениям в лингвистике. Но на самом деле человек всегда вмешивается в развитие языка и деформирует стихийно текущий процесс. Создавая культурные нормы, человек существенно меняет языковой строй и не дает ему развиваться как стихийному процессу. Типологическое же исследование всегда учитывает только стихийную сторону развития языка и не учитывает культурных достижений, управляющих языковым процессом. Это создает принципиальную ограниченность любой типологической теории: ведь любая экстралингвистическая универсалия вносит свои коррективы в типологическую теорию. Для течения языкового процесса безразлично, например, обладает некоторый язык письменностью или нет, проводится на нем грамматическое обучение или нет, есть в нем отдельные жанры романа и поэмы или нет и т. д.

Заключая рецензию, хочется сказать еще раз о большой полезности книги Б. А. Успенского, значительно продвигающей типологические исследования и ставящей новые вопросы.

Ю. В. Рождественский

«Études linguistiques. Le problème de nombre» («Bulletin de la Faculté des lettres de Strasbourg», 43 année, 6, mars 1965). 151 стр.

Усиленный интерес к типологическому изучению языков, который наблюдается в последние годы, вызвал появление ряда работ, где вопросы типологии трактуются как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Однако эти работы чаще касаются общих принципов типологических исследований или особенностей отдельных языков¹. Поэтому особого внимания заслуживает инициатива группы лингвистов — сотрудников филологического факультета Страсбургского университета, организовавших colloquium по конкретным вопросам сопоставления разных языков, включающий специалистов по тем языкам, которые преподаются в университете. Первой лингвистической темой, которая обсуждалась в еженедельных заседаниях colloquium с ноября по апрель 1964 г., была категория

числа. В этих обсуждениях участвовали специалисты по 26 языкам, 19 из них затем представили свои материалы, которые и опубликованы в сборнике. В сборник вошли статьи как по живым, так и по мертвым языкам. Хотя языки разных семей представлены неравномерно, поскольку, как уже говорилось, их подбор обусловлен возможностями университета и является в известной мере случайным, все же количество языков и их разнообразие позволили составителям сборника получить довольно интересный материал, касающийся различных языковых групп. Полнее всего в сборнике представлены индоевропейские языки, и среди них, что и естественно для Страсбурга, романские, которые включают французский (Ж. Муанье), итальянский (Р. Милани), испанский (Б. Потье), португальский (Ф. Кинтела), румынский (О. Нандрис). Кроме того, есть статья, посвященная латыни (А. Фюжье). Германские языки включают немецкий

¹ См. библиографию в кн.: Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 251—273.

(Ж. Шарье) и английский (П. Баке), а также готский (Ж. Шарье). В сборник входят также статьи по русскому языку (Ж. Вейренк), по древнегреческому (А. Огюэ) и новогреческому (А. Аргюриу), санскриту (Ш. Маламуд). Неиндоевропейские языки представлены беднее. Семито-хамитская группа включает арабский (Т. Фад) и иврит (С. Авивар), финно-угорская — финский (Р. Суомалайнен), тюркская — турецкий (Р. Жиро), индейские языки — язык кечуа (Б. Потье). Книга заключается статьей по шумерскому языку (Э. Ларош). Как отмечают сами составители в небольшом предисловии к сборнику, «к сожалению, отсутствие многих важных лингвистических семей (африканских языков, языков Дальнего Востока) не позволяет представить материал в достаточно полном виде и сделать выводы универсального значения». Однако думается, что и включенных в сборник языков, если материал по ним является доброкачественным, достаточно для того, чтобы получить некоторые интересные сведения о типологии, поскольку всякая работа такого рода, даже если сами составители и ограничивают ее задачи, предполагает использование ее для типологических исследований и для изучения универсальных категорий.

Прежде всего представляется разумным, что для подобного обсуждения была избрана конкретная лингвистическая категория. Уже сама попытка получить типологически сопоставимый материал по отдельному фрагменту языка заслуживает всяческого одобрения. Ведь, вероятно, одной из основных, если не основной задачей типологии сейчас является накопление материала, что разумеется не исключает, а предполагает разработку теоретических критериев для его описания. Не случайно в последнее время все чаще раздаются голоса, что основную задачу типологических исследований следует видеть не столько в поисках новых типологических классификаций или универсальных признаков, позволяющих создать эти классификации, сколько в изучении и сопоставлении структуры и взаимодействия конкретных языковых подсистем².

Как известно, категория числа является одной из наиболее универсальных грамматических категорий: она присутствует в том или ином виде в большинстве языков. Эта категория не ограничена пределами одной части речи, а обнаруживается в том или ином виде в большинстве

классов слов. Кроме того, категория числа, являясь лексико-синтаксической категорией, может быть рассмотрена с разных сторон — со стороны лексического содержания, синтаксических функций и формального выражения. Некоторые сведения универсального свойства по категории числа уже приводились в литературе, однако, они, как и всякие универсалии, являются весьма общими, мало что дают для сопоставления конкретных подсистем и нуждаются в дальнейшей разработке³.

Для того чтобы авторы могли организовать свой материал, им был предложен план, представляющий собой перечень вопросов, или, как называют его сами составители, «решетку», которая могла бы служить канвой статьи по каждому отдельному языку, чтобы получить «минимум гармонии в классификации фактов, выявившихся в ходе дискуссии». И действительно, решетка составлена в самом общем виде и включает три раздела, касающиеся разных аспектов категории числа: 1) типы формальной оппозиции, 2) семантика и 3) синтаксис.

Первый раздел, типы формальной оппозиции, включает вопросы о формальных способах выражения числа — прежде всего о случаях отсутствия формального показателя, затем о внутренней флексии, конечной флексии, суффиксации, префиксации, удвоении, супплетивизме, акцентным оппозициям, комбинации разных типов (например, внутренней флексии в сочетании с суффиксом) и т. п. Каждый вид формальной оппозиции рассматривается отдельно по частям речи — существительное, прилагательное, местоимение, детерминативы, числительное, глагол. В схему включен также пункт об основных тенденциях в выражении категории числа (в плане того, как они отражаются в заимствованиях, неологизмах и т. п.). Все эти вопросы рассматриваются в пределах разных значений категории числа (единственное — множественное, единственное — двойственное — множественное, собирательное, сингулятив, множественное множественного и т. п.).

Второй раздел схемы касается семантики. Он построен в основном по тому же плану, что и первый раздел. После пункта о маркированном и немаркированном члене (в плане содержания) следуют вопросы, касающиеся семантических осо-

³ Ср., например, универсалии, касающиеся категории числа, определенные Дж. Гринбергом и приводимые Б. А. Успенским в его списке универсалий. J. H. Greenberg, *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements*, сб. «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963; Б. А. Успенский, указ. соч., стр. 210 и сл.

² Ср.: С. Е. Вазелл, *Linguistic typology*, London, 1958; Э. А. Макаев, *Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика*, ВЯ, 1964, 1; сб. «Лингвистическая типология и восточные языки. Материалы совещания», М., 1965.

бенностей тех противопоставлений, которые в первом разделе рассматривались с формальной точки зрения: единственное/множественное число, единственное/двойственное/множественное, собирательное, сингулатив и т. д. В каждый пункт включены подпункты: неисчисляемые, исчисляемые, вариации значения разных форм числа, отсутствие оппозиции (*pluralia tantum* и т. п.).

Третий раздел — синтаксис, касается главным образом вопросов согласования. Он содержит три подраздела. В первом рассматривается именная группа по частям речи: согласование прилагательного, согласование детерминативов, согласование квантитативов (числительных, неопределенных местоимений и т. п.), детерминативов (композиция), согласование существительных с числительными и квантитативами, а также избыточность выражения числа в синтаксической группе.

Второй раздел синтаксической части касается согласования именной и глагольных групп (существительное в ед. числе — глагол в ед. числе, существительное в дв. числе — глагол в ед. числе и т. д.), зависимости согласования от порядка именной и глагольной группы. В третьем разделе рассматривается атрибутивный предикат. Этим предлагаемая схема исчерпывается.

Не вызывает сомнения, что в сборнике подобного рода значение анкеты или решетки чрезвычайно велико. Во всяком типологическом исследовании анкета, являясь воплощением теоретических воззрений автора на типологию, в конечном счете определяет цели и методы исследования. В самом деле, чем иным, как не анкетой, являются известные индексы Гринберга⁴ или даже фонологические оппозиции Якобсона?⁵

За внешней формой вопросов или пунктов всегда скрывается общая концепция автора. В этом плане можно указать, например, на анкету по морфологии И. А. Мельчука, которая тесно связана с предложенным им алгоритмом морфологического анализа и рассматривает язык с точки зрения принятых в алгоритме интерпретаций⁶.

Такую общую концепцию, к сожалению, трудно обнаружить в предложенной анкете, вопросы которой составляют чисто внешнюю последовательность по суще-

ству не связанных между собой пунктов. Не случайно, анкете не предпослано никакого введения, хотя бы в самых общих чертах мотивирующего ее состав. В тех немногих случаях, когда смысл пунктов анкеты как-то раскрывается, хотя бы намеком или примером в скобках, можно только догадываться о том, что хотели сказать этим разъяснением авторы, причем догадки эти порождают дополнительные вопросы и сомнения.

Анкета начинается с вопроса о нейтрализации. Как известно, понятие нейтрализации получает самые различные толкования⁷, и поэтому представляется необходимым определить, что понимают под ним составители. Между тем те примеры и пояснения, которые приводятся в анкете, не вносят ясности в столь сложный вопрос. Так, например, первый пункт анкеты — отсутствие формального показателя (нейтрализация) включает в качестве разъяснения французский пример *le bras — les bras*. Как следует понимать этот пример? Следует ли считать, что артикль не является морфологическим показателем числа, а должен рассматриваться в разделе синтаксической сочетаемости? Такой подход к вопросу вполне допустим, однако неясно, это ли хотели сказать авторы или это домыслы читателя. Из этого примера можно сделать и вывод о том, что авторы считают нейтрализацией отсутствие формального показателя у ед. и мн. числа существительного. (Этот же случай можно ведь толковать и иначе — как мн. число с нулевым суффиксом.) Между тем, в пункте 1 раздела семантики, где приводятся примеры нейтрализации в плане выражения, термин «нейтрализация» не используется, а речь идет о маркированном и немаркированном члене. Значит ли это, что авторы считают нейтрализацией именно случаи отсутствия формальной оппозиции, а не оппозиции в плане содержания, или это случайность, вызванная недоработанностью анкеты? Следующее разъяснение — в разделе о внутренней флексии (глагол): посмотреть, относятся ли истинные морфемы «множественного числа» к 1 и 2-му лицу. Неясно, чем вызвано появление такого разъяснения именно в этом месте. Тем ли, что внутренняя флексия стоит первой по порядку в «решетке» или авторы считают, что этот вопрос может быть правильно решен именно на основании внутренней флексии, а не конечной флексии или суффиксов. В следующем пункте (конечная флексия) в скобках даются в виде разъяснения два примера — латинский *dominus* и французский *animaux*. В первом случае речь идет о конечной

⁴ Дж. Гринберг, Квантитативный подход к морфологической типологии языков, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963.

⁵ Р. Якобсон, М. Халле, Фонология и ее отношение к фонетике, сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962.

⁶ И. А. Мельчук, Морфологический анализ при машинном переводе, «Проблемы кибернетики», 6, М., 1961, стр. 266—268.

⁷ Ср. сб. «La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique» («Travaux de l'Institut de linguistique. Faculté des lettres de l'Université de Paris», II, 1957), Paris, 1958.

флексии в обычном смысле слова, которая фигурирует при склонении во флективных языках. Второй пример касается сомнительного случая — ибо формы *animal* — *animalis* можно толковать и как различающиеся вариантами основы с нулевым суффиксом мн. числа, что особенно очевидно, если учесть материал других языков, например португальского (где подобное варьирование основы при образовании мн. числа сопровождается не нулевым суффиксом, а типовым суффиксом мн. числа -s). Между тем в статье о португальском языке эти случаи также приведены в пункте о внутренней флексии, а не о суффиксе. Случайно ли это или отражает взгляды составителей на морфологическую структуру слова? Подобные вопросы вызывают все пункты анкеты, к которым есть какие-либо разъяснения. Большинство же пунктов разъяснений не имеют и предоставляют возможность читателю толковать их как угодно.

Естественно, что неясность в структуре и смысле вопросов анкеты порождает столь же большую непоследовательность в ответах на вопросы. Уже предварительное знакомство со статьями по разным языкам показывает, что «решетка» не выполняет своей основной задачи, не позволяет получить именно того «минимума гармонии в классификации фактов», ради которого она была составлена. Не случайно, многие, если не большинство авторов, или совсем не придерживались анкеты, или отвечали на вопросы весьма непоследовательно. Некоторые статьи, как, например, статьи об английском языке или санскрите, хотя и изложены в виде последовательных пунктов, ответов на вопросы, имеют мало общего со схемой, которая приводится в начале сборника. Ввиду очень слабой унификации материала, трудно определить, в какой мере непоследовательность теоретической концепции составителей отразилась на содержании статей. Однако даже самое общее знакомство с материалом обнаруживает случаи различного истолкования одного и того же явления у разных авторов. Таковы, например, ответы на первый пункт анкеты — о нейтрализации. В статье о латинском языке отмечается, что идентичные формы ед. и мн. числа в одном из падежей парадигмы *rēs* — *rēs* нельзя рассматривать вне зависимости от остальных падежей, где формы числа расходятся: генитив *rei* — *rerum*, датив *rei* — *rebus* и т. д. В то же время в статьях о других языках (например, немецкий, румынский, древнегреческий) в пункте о нейтрализации идет речь именно о неравличении отдельных падежных форм. В статье о древнегреческом языке как примеры нейтрализации глагольных форм приводятся *ἄγε* и *φέρε* в императивных конструкциях, где их сле-

дует скорее рассматривать как побудительные частицы. В статье об испанском языке в этом же пункте приводятся случаи нейтрализации формальной оппозиции в синтаксической группе под влиянием морфонологического облика последующего слова (местоимения *se lo* = *le lo* и *les lo*). Во многих статьях по вопросу о нейтрализации или омонимии форм вообще ничего не сказано. Неясность и разноречие в ответах явились логическим следствием неопределенности в постановке вопроса, о которой говорилось выше.

Упущения в отдельных ответах очень многочисленны. При этом неясно, обусловлен ли пропуск того или иного явления концепцией автора или он оказался случайным. Так, например, в португальском языке не упоминаются случаи перегласовки — чередования корневой гласной в формах числа (всегда сопровождается типовой суффиксацией), которые можно было бы, очевидно, включить в пункт о внутренней флексии. Неясно, является ли это упущением или автор не считает возможным говорить о перегласовке как о внутренней флексии.

В книге обнаруживается большое количество опечаток (или ошибок?), которые ведут к искаженному или прямо неверному представлению о материале. Так, в статье о готском языке вместо дат. падежа, который имеет инструментальное значение в сочетании *gasōþjan hlaiþam* (приводится латинский эквивалент *saturare panibus* «накормить хлебами»), ошибочно дан вин. падеж, к тому же с *a* вместо *o* в корне глагола: *gasathjan hlaiþan* (стр. 499, пункт 212); в статье о санскрите в пункте о дв. числе отсутствие знака долготы во мн. числе *aśvās* создает неверное представление о том, что модель с ед. числом *aśvas dravati* «лошадь бежит» и модель со мн. числом *aśvās dravanti* «лошади бегут» противопоставлены только по форме глагола и не различают форму имени (стр. 546, пункт 12). Перечень подобных случаев можно было бы продолжить.

Некоторым статьям предпосланы обширные введения, где обсуждаются неясные или спорные вопросы, посвященные категории числа в данном языке. Так, в статье о латинском языке автор делает акцент на основных явлениях категории числа и их взаимосвязи в пределах трех аспектов, предложенных анкетой — морфологической формы выражения числа, синтаксического согласования и семантики. Не претендуя на оригинальное исследование, автор дает тем не менее достаточно ясный очерк категории числа в целом, после чего следуют ответы на вопросы. Очевидно, необходимость в предварительных очерках возникла именно потому, что сами ответы на вопросы «решетки», хотя и

могут дать большое количество фактических сведений, однако представляют их в столь фрагментарном виде, что не позволяют сделать выводов об основных особенностях категории числа в данном языке. Аналогичная статья предпослана и ответам по французскому языку, где также делается попытка фиксировать внимание на определяющих для данного языка явлениях, и ряд других статей. Некоторые статьи посвящены отдельным вопросам выражения категории числа в данном языке, которые казались их авторам существенными, и оставляют остальные пункты схемы без ответа. Так, например, статья по русскому языку касается только двух вопросов: остатков дв. числа в русском языке (с подглавами: дв. число по форме и по функции, дв. число по функции, но не по форме и дв. число по форме, но не по функции) и собирательных форм, ставших мн. числом.

Другие статьи представляют собой ответы на вопросы анкеты. Содержащийся в них материал интересен, скорее, не для специалистов по данному языку, а для лингвистов общего профиля, специально данным языком не занимающихся. Рассмотрим, например, какие сведения можно извлечь из статей Б. Потье об испанском языке и о языке кечуа.

Статья по испанскому языку начинается непосредственно с ответов на анкету. В ней сообщаются сведения о нейтрализации форм у существительных (типа *martes*) и у местоимений (в местоименных сочетаниях типа *se lo*). Далее сообщается, что мн. число выражается суффиксом *-s*, и даются правила его варьирования в различных морфонологических позициях (в словах, оканчивающихся на гласный, согласный и т. п.). Обращается внимание на варьирование согласного в *el — ellos* (о гласном *o* ничего не сказано). В пункте о глаголе отмечается, что о мн. числе глагола можно говорить только в 3-м лице, причем приводится любопытный факт (для испанистов, впрочем, общеизвестный), что в разговорном языке диалектов показатель мн. числа переносится и на возвратное местоимение *vayan se-n*. Этим исчерпываются ответы на первую часть схемы. Несмотря на чрезвычайную краткость, автор сумел дать наиболее существенные сведения о формальных способах выражения мн. числа. Раздел семантики содержит ряд кратких замечаний, затрагивающих некоторые интересные семантические особенности мн. числа. Отмечается, что противопоставление по числу может выражать противопоставление обобщенного количества и множественности. Ср. *tanto caballero и tantos caballeros*. Сообщается также, что мн. число муж. рода (немаркированной формы) используется для выражения

мн. числа как муж. рода, так и обоюдного, ср. *padres* «отцы; родители» (впрочем, М. Криадо де Валь толкует эти примеры как остатки дв. числа)⁸. Освещаются и некоторые другие семантические явления, хотя толкование их не во всех случаях бесспорно. Так, например, Б. Потье считает мн. число обобщающим по отношению к ед. числу, подобно тому как маркированный жен. род является обобщающим по отношению к муж. роду, основываясь на случаях типа *a sabiendas*. Но эти случаи скорее можно толковать как формализацию элемента *-as* — показателя наречий (ср. *a pie juntillas* с отсутствием согласования). В разделе синтаксиса дается ответ только на один вопрос — об избыточности именной группы.

Статья о языке кечуа того же автора открывается вступительным разделом, где раскрываются особенности категории числа с точки зрения соотношения плана выражения и плана содержания (ибо «решетка» не дает возможности последовательно остановиться на этом вопросе, имплицитно подразумеваемая лишь индоевропейский тип). Сообщается о двух основных видах мн. числа в кечуа — гетерогенном (включает элементы разной природы; например, гетерогенное *мы* включает *я + ты + он*) и гомогенное (включающее однородные элементы: *дорога + дорога, он + он*). Затем следуют ответы на вопросы, касающиеся только первого раздела схемы — типов формальной оппозиции, где приводится распределение морфем мн. числа по частям речи, их положение в «слове» (11 место в 13 зонах суффиксации и т. п.). Подобным образом, с большей или меньшей степенью детализации, составлены и другие ответы на вопросы «решетки».

Для того чтобы посмотреть, насколько материал анкеты может быть использован для типологических сопоставлений, мы попробовали на основании первого раздела о формальных способах выражения числа составить таблицу, из которой было бы очевидно распределение разных формальных типов по языкам и их соотношение между собой как внутри каждого языка, так и между различными языками, с тем чтобы сделать некоторые выводы типологического свойства. Однако это оказалось нелегко, поскольку материал изложен недостаточно единообразно; в ряде статей лишь с большим трудом удалось найти ответы на интересующие нас вопросы. Во многих статьях часть ответов совсем опущена и оставляет читателя в недоумении — отсутствует ли то или иное явление в данном языке или о нем почему-либо не сочли нужным сказать. Кроме того,

⁸ М. Criado de Val, Gramática española, Madrid, 1958, стр. 51.

при попытке сопоставить материалы разных языков сразу бросается в глаза еще один серьезный дефект книги — отсутствие каких бы то ни было количественных данных (лишь в некоторых статьях, например о немецком языке, приводятся отрывочные сведения такого рода). В самом деле, рассматривая разные способы выражения одного и того же явления, нельзя не учитывать их количественных отношений. Так, например, в статье о португальском языке дается положительный ответ на вопрос об участии акцентуации в образовании мн. числа. При этом приводится пример *carácter — caracteres*. Однако приведенный пример является едва ли не единственным в этом языке, для которого, как и для испанского, перемещение ударения при образовании мн. числа имен совершенно не характерно. В статье об испанском языке это явление даже не упоминается. Остаются совершенно неясными количественные соотношения и в других языках.

Однако, несмотря на все эти очевидные дефекты, даже и при таком неполном изложении материала удается получить интересные сведения в сопоставительном плане. Так, например, из книги очевидно, что формальные способы выражения мн. числа в разных языках довольно слабо связаны с их генетической общностью. Это легко увидеть на примере романских языков, наиболее полно представленных в сборнике (пять языков плюс их источник — латынь). Распределение различных способов образования мн. числа не совпадает даже у генетически самых близких пар этих языков (например, испанский и португальский). Так, нейтрализация во всех романских языках встречается лишь в отдельных случаях, за исключением французского, где она является нормой. Конечная флексия является нормой для итальянского и румынского, встречается лишь в отдельных словах во французском и португальском (хотя, как уже говорилось, толкование этих случаев — спорно) и совсем отсутствует в испанском. Образование мн. числа посредством суффиксов является нормой для испанского и португальского, встречается в некоторых условиях во французском и румынском и отсутствует в итальянском. Внутренняя флексия во всех романских языках встречается только в единичных сложных словах, кроме румынского, где она оформляет важнейший структурный тип. Супплетивизм встречается в отдельных случаях во французском и румынском языках. В разных романских языках типы образования мн. числа по разному комбинируются между собой. Так, во французском комбинируется конечная флексия и суффикс, в португальском и румынском — внутренняя флексия и суффикс

и т. д. Эти сведения оказываются весьма любопытными с типологической точки зрения, поскольку, согласно данным анкеты, романские языки разбиваются на пересекающиеся подклассы, не совпадающие ни в одном случае по комбинации имеющихся в них признаков. С другой стороны, каждый романский сближается с нероманским и даже в отдельных случаях с неиндоевропейским языком.

Однако здесь встает еще один вопрос, решение которого представляется совершенно необходимым для того, чтобы делать какие бы то ни было заключения типологического и универсального свойства. Этот вопрос заключается в том, релевантны ли те или иные факты для определения типологического сходства или различия между языками. Так, например, неясно, насколько существенны для типологии различия в способах выражения формальных оппозиций, о которых шла речь выше. В этой связи полезно вспомнить следующее высказывание Э. Бенвениста: «Если сравнить между собой два неродственных, но типологически сходных языка, то становится ясно, что аналогия в способе построения форм является лишь внешней чертой, и поэтому внутренняя структура вообще не выявляется»⁹. Далее Э. Бенвенист приводит пример из языков банту, отмечая что «все разнообразные системы „именных классов“ функционально аналогичны различным способам выражения „грамматического числа“ в языках других типов и что языковые способы, материализованные в весьма несходных формах, с точки зрения их функционирования нужно поместить в один класс»¹⁰. Однако проблема типологической значимости тех или иных явлений в рецензируемой книге совсем не ставится. А между тем очевидно, что для правильной интерпретации материала она имеет первостепенное значение. Так, например, из представленного в рецензируемой книге материала можно сделать вывод, что испанский язык ближе к языку кечуа, чем к другим романским, поскольку и в том и в другом языке число выражается суффиксами (в кечуа даже есть заимствованный из испанского суффикс *-s*).

Этот вывод, который мог бы казаться с типологической точки зрения весьма привлекательным (неродственные языки типологически ближе, чем родственные!), неверен, что вполне очевидно, в своей основе, поскольку у романских языков расходуется лишь форма выражения идентичных отношений, в то время как у испанского и кечуа за внешне-

⁹ Э. Бенвенист, Классификация языков, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 54.

¹⁰ Там же, стр. 58.

сходной формой (и тут, и там суффикс) скрывается принципиальное расхождение в типе отношений и в роли самого суффикса в морфологической системе языка (агглютинация в кечуа и синтетическая форма в испанском). Чтобы материал книги можно было использовать для типологических сопоставлений, необходимо выработать единые критерии, хотя бы самого общего свойства, о соотносимости тех или иных явлений и об их значимости в типологическом плане. Иными словами, в заключение мы возвращаемся к той же мысли, которая возникла при первом знакомстве с «решеткой»: для сопоставления фактов, даже на первый взгляд эмпирического, необходимо разработать теоретические положения, позволяющие свести материал различных языков воедино. Необходимо определить сопоставимость подсистем языка и выработать единые критерии в пределах каждой подсистемы, в частности, и подсистемы числа. Только при этом условии возможна высококачественная обработка материала.

И все же, несмотря на отсутствие унификации и другие недостатки, книга представляет интерес для тех, кто занимается типологическими исследованиями. Составители книги отмечали в предисловии, что «разнообразие представленных типов языков позволит читателю — и в первую очередь каждому участнику коллоквиума — извлечь точные факты и темы размышлений для соб-

ственных исследований». И именно в этом смысле книгу можно признать полезной. Разумеется, что факты, приведенные в статье по каждому языку, не представляют ничего особенно нового. Однако материалы разных языков предстают в совершенно новом качестве, оттого что они сведены воедино. Статьи по отдельным языкам, особенно написанные более детально и последовательно, вне зависимости от того, соблюдают они или нет порядок, указанный в анкете, дают полезный и интересный материал для сопоставительных исследований. Они дают, иногда вопреки «решетке», довольно полные сведения о категории числа, показывая в той или иной мере и взаимосвязь явлений внутри этой категории. В ряде случаев отмечаются интересные детали, которые проливают свет на природу категории числа в данном языке.

Изучение фактического материала по отдельным подсистемам на материале разноструктурных языков необходимо продолжать. Можно надеяться, что в дальнейшем, при выпуске аналогичных работ, они будут усовершенствованы в сторону большего единообразия и целенаправленности, с тем, чтобы их материал мог непосредственно служить для типологического исследования. Нет сомнения, что дальнейшее изучение отдельных подсистем на материале разных языков составит одно из основных направлений в развитии типологии.

Е. М. Вольф.

L. J. Prieto. Principes de noologie. The Hague, 1964. 130 стр.

Взглянув на заглавие рецензируемой работы, не всякий лингвист сразу поймет, что речь идет о его специальности, и только подзаголовок книги — «Основы функциональной теории означаемого» — возмужает, вызовет в памяти читателя термин «ноэма», созданный в свое время Л. Блумфилдом для обозначения единиц плана содержания, но так и не получивший широкого распространения. Итак, термин «ноология» изобретен Л. Прието для наименования раздела науки о языке, изучающего его содержательную сторону и параллельного фонологии, осуществляющей анализ плана выражения. Свою задачу Л. Прието видит в том, чтобы «транспонировать» функциональный принцип, столь блестяще оправдавший себя в фонологии, в область изучения значимый, заложив тем самым основы функциональной теории означаемого (стр. 34).

Л. Прието отмечает, что уже неоднократно делались попытки использовать методы исследования, выработанные фонологами, при изучении языковых знаков, т. е. единиц, состоящих из означаемого

и означаемого. Однако фонологические (или собственно структурные) принципы фактически применялись не к знакам как двусторонним по своей природе единицам, а лишь к одному из их аспектов — означаемому или означателю. Л. Прието считает, что иначе и не могло быть. Предметом структурного анализа должен быть один аспект языка в его отношении к другому аспекту, т. е. либо план содержания в его отношении к плану выражения, либо, наоборот, план выражения в его отношении к содержательной стороне языка.

Книга Л. Прието, как уже отмечалось, посвящена первой из этих тем.

Считая справедливой позицию Л. Прието в этом вопросе, мы хотели бы дополнить ее некоторыми соображениями. Утверждая необходимость изучения одного аспекта языка применительно к его другому аспекту, Л. Прието не определяет должным образом характер этого отношения. Между тем это важно сделать, потому что язык складывается не просто из набора различающихся между собой со стороны

значения и звучания знаков, а обладает определенной внутренней организацией как в области значения (грамматическая и лексическая системы), так и в области звучания (фонологическая система). При этом особенность языка состоит в том, что системные отношения плана содержания не совпадают с системными отношениями плана выражения. Противопоставленность¹ означаемых соответствует в языке любым различиям означающих, и, наоборот, оппозиции этих последних соотносятся с любыми различиями плана содержания. Именно поэтому оказывается невозможным одновременное и параллельное описание системы выражения и системы содержания, одной системы в терминах другой системы, одних дифференциальных признаков в терминах других дифференциальных признаков. Именно поэтому при построении системы на знаковом уровне должен быть сделан выбор критерия. При описании двусторонних единиц языка системные отношения могут быть намечены только в плане содержания. Действительно, разве целесообразно определять в терминах русской фонологической системы противопоставленность морфемы *-у* (в *пиш-у*), с одной стороны, морфемам *-ешь* (в *пиш-ешь*) и *-ет* (в *пиш-ет*), а с другой — морфеме *-ал* (в *пис-ал*)? Напротив, означаемые этих морфем могут быть естественно организованы в единую видо-временную систему русского глагола.

Материалом для построения фонологической системы являются единицы односторонние по своей природе, непосредственно не соотносимые с планом содержания. Они получаются в результате так называемого «второго членения» (по терминологии А. Мартине), т. е. деления языкового знака. Материалом для построения лексической и грамматической систем языка служат двусторонние по своей природе единицы (знаки), получаемые в результате «первого членения» речи. *Воссоздание знаковых систем может осуществляться только исходя из отношений между означаемыми, в терминах которых и определяются такие понятия, как грамматические (или лексические) категории, оппозиции, дифференциальные признаки, маркированные и немаркированные члены оппозиций, нейтрализация, инвариант, позиционные варианты и под.* Все эти понятия являются производными от более общего понятия системы, подчинены этому последнему. Они должны,

¹ Под «противопоставленностью» или «оппозицией» элементов языка разумеется здесь не всякие структурные различия между ними, а собственно то, что обозначал Н. С. Трубецкой термином «привативная оппозиция», т. е. отношение между элементами, непосредственно связанными в данной системе.

следовательно, всегда получать однородную интерпретацию. Это положение кажется нам весьма существенным при построении системы на знаковом уровне. Отсутствие необходимой ясности в этом вопросе ведет к смешению критериев и непоследовательности в определении лингвистических категорий. Так, некоторые языковеды определяют дифференциальные признаки в терминах плана содержания, а их нейтрализацию в терминах плана выражения². Понятно, что это нарушает логику в построении теории.

Исследование Л. Прието в этом отношении отличается большим единообразием и последовательностью. Остается лишь пожалеть, что в нем не были достаточно подробно разработаны не только вопросы соотношения системы и единиц плана содержания и системы и единиц плана выражения, но и само понятие системы на знаковом уровне.

Материалом, к которому применяется функциональная теория Л. Прието, служат простые высказывания, взятые глобально и поставленные в определенную речевую ситуацию. В построении теории означаемых Л. Прието исходит, таким образом, из отрезков речи, наделенных коммуникативной функцией. Сопоставляя высказывания *Дайте мне карандаш* и *Дайте мне тетрадь*, Л. Прието говорит о противопоставленности их значений, как целиком взятых единиц коммуникации, а не входящих в их состав более мелких единиц знакового уровня — слов или морфем. Тем самым беспредельно расширяется инвентарь единиц, в терминах которых должно производиться описание языка. Все аналитические операции, такие как установление отношений между означаемыми, выделение их релевантных черт, определение отношений между этими чертами, производятся автором применительно к нерасчлененному высказыванию.

Так, например, сравнивая между собой два высказывания — *Дайте мне карандаш* и *Дайте мне черный карандаш*, — автор устанавливает между ними отношения включенности, поскольку первое из них обладает более ёмким значением и может включать в себя значение второго, более семантически узкого и ограниченного, высказывания. Предложения *Дайте мне карандаш* и *Дайте мне черный* находятся в отношении взаимного пересечения, так как их значения могут оказаться идентичными, но в то же время каждое из них допускает индивидуальное значение. Наконец, отношения между высказываниями, значе-

² Ср. трактовку нейтрализации в книге З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошиной, Т. М. Николаевой «Опыт описания русского языка в его письменной форме» (М., 1964, стр. 43—44).

ния которых не могут совпадать ни при каких обстоятельствах, называются автором отношениями оппозиции; ср. *Дайте мне карандаш* и *Дайте мне книгу* (стр. 49—58).

Таким образом, важной для метода Л. Прието является фокусировка внимания на простейших единицах коммуникации и свойственных им значениях. Разумеется, автор прекрасно понимает, что предметом лингвистического анализа не могут служить все те смыслы, которые легко приписать высказыванию в зависимости от конкретной ситуации. Лингвист изучает лишь означаемое, т. е. класс, к которому относится значение, искомое говорящим (стр. 43) или проще класс значений, допустимых данным звучанием (стр. 59), или, наконец, еще иначе — класс, который образуют значения, обладающие определенной совокупностью общих черт (стр. 60). Речь идет о чертах или признаках, которыми должно обладать значение, чтобы быть допустимым данным звучанием. Здесь автор подводит читателя к понятию признаков плана содержания. И на этот раз Л. Прието сохраняет верность раз выбранному подходу, используя понятие черт или признаков только в анализе означаемых целых высказываний. Более того, автор пишет собственно о признаках некоего отвлеченного от звучания смысла, одни из которых, входя в состав означаемого, становятся релевантными, другие же так и остаются нерелевантными чертами смысла (стр. 62). Л. Прието все время скользит от анализа означаемого, как одной из сторон языкового знака, к изучению отвлеченных от языковой материи смыслов.

Разрабатывая понятие черт или признаков, Л. Прието выделяет такую их разновидность, как взаимозаменяемые признаки (*les traits substitutifs*). Автор имеет в виду тот случай, когда данному звучанию соответствует один из ряда возможных признаков означаемого. Л. Прието, таким образом, подходит к новым позициям к интерпретации омонимии. Он считает, что в языке не может быть символов, которые бы различались только одним аспектом — значением или звучанием. Во французском языке существует только одна фраза [*il a apporté le seau*], которой соответствуют две графически и два значения: *il a apporté le seau* «он принес печатку» и *il a apporté le seau* «он принес ведро». Особенностью этой французской фразы является присутствие в ее значении чередующегося признака (либо «печатка», либо «ведро»). Подобная трактовка омонимии, по мнению автора, извбавляет лингвистическую теорию от абсурдного утверждения, что два идентичных звучания будто бы могут способствовать установлению разных значений (стр. 64—68)³.

³ Интересно сравнить трактовку омонимии в работе Л. Прието с мыслями,

Углубляя и развертывая анализ признаков плана содержания, Л. Прието приходит к различению трех видов отношений между чертами, составляющими означаемое высказывания (стр. 83—89):

1. Отношение a/b складывается в тех случаях, когда в данном языке имеется означаемое более широкого объема, которое обладает либо только признаком a , либо только признаком b . Таково, например, во французском языке отношение между чертами «(обладатель предмета) ед. число» и «(предмет) тетрадь»⁴ в высказывании *elle regarde mon cahier* «она смотрит на мою тетрадь». Оба приведенных признака могут существовать независимо друг от друга в рамках означаемых более широкого объема. Ср. *elle regarde le mien* «она смотрит на мою» и *elle regarde le cahier* «она смотрит на тетрадь».

2. Отношение a/b складывается в тех случаях, когда в данном языке имеется означаемое более широкого объема, разделяющее с исходным высказыванием признак a , но не признак b . В то же время нельзя подобрать высказывания, которое обладало бы чертой b отдельно от черты a . Таким именно является отношение между признаками «(предмет) тетрадь» и «(предмет) ед. число» во фразе *elle regarde mon cahier*. Действительно, признак «(предмет) ед. число» присутствует также и в предложении *elle le regarde* «она смотрит на нее». Однако другой из названных признаков — «(предмет) тетрадь» — существовать отдельно от понятия ед. числа не может.

3. Наконец, отношение ab дано в языке тогда, когда в нем нет высказываний более общего значения, которые бы обладали признаком a без b , либо напротив, признаком b без a . В таком отношении находятся черты «(обладатель пред-
высказанными по этому поводу Ч. Хоккетом. Отыскивая, как и Л. Прието, более логичное решение вопроса об омонимах, Ч. Хоккет предложил снять понятие омонимии на уровне морфов, считая тождественными все одинаково звучащие морфемные сегменты, но сохранить это понятие на уровне морфем, т. е. допустить соотносительность идентичных морфов с разными морфемами. См.: Ch. Hockett, *Linguistic elements and their relations*, «Language», XXXVII, 1, 1961, стр. 32.

⁴ Техника обозначения признаков в книге Л. Прието требует разъяснения. Автор различает контрастивный и оппозитивный аспекты признаков (*aspect contrastif* и *aspect oppositionnel des traits poétiques*). Контрастивная сторона признака (она отмечается всегда в скобках) раскрывает точку зрения на данное понятие, оппозитивная сторона признака содержит указание на то, что же обнаруживается в объекте при подходе к нему с данной точки зрения (стр. 75—77).

мета) ед. число» и «(обладатель предмета) 1-е лицо» все в том же высказывании *elle regarde mon cahier*.

Отношения дифференциальных признаков в этом высказывании могут быть резюмированы в следующей схеме:

<i>regarder</i>	(предмет) ед. число	(предмет) тетрадь
	(обладатель предмета) ед. число (обладатель предмета) 1-е лицо	

Особенно важным в лингвистическом анализе является отношение *ab*, поскольку именно через него дается определение ноэмы — основной единицы плана содержания. Ноэма образуется максимальным числом признаков означаемого, находящихся между собой в отношении *ab* (стр. 91). Само собой разумеется, что ноэма может состоять из одного единственного признака, если он не находится в отношении *ab* ни с какими другими признаками. Определяя ноэмы как единицы плана содержания, на которые может быть расчленено означаемое высказывание, Л. Прието и на этот раз оставляет в тени вопрос об отношении этих единиц к плану выражения, о соответствующих им означающих. Единственным двусторонним элементом, которым оперирует Л. Прието на протяжении всей книги, остается высказывание. Облегчая таким способом свою задачу разработки теории означаемых, аргентинский лингвист в то же время уменьшает ее эффективность в исследовании и в особенности описании конкретных языков.

Развивая далее мотив признаков означаемого, Л. Прието приходит к вопросу о природе речевой деятельности (стр. 93—99). Акт речи, по мнению Л. Прието, начинается с выбора высказывания из числа тех, которые способны установить определенный (заранее данный) смысл. Так, например, для передачи информации «Франсуаза смотрит на тетрадь Е.», француз может выбрать одно из следующих высказываний: *elle regarde mon cahier* «она смотрит на мою тетрадь», *elle regarde le mien* «она смотрит на мою», *elle le regarde* «она на нее смотрит», *on regarde le cahier* «смотрят на тетрадь» и т. д. Выбор зависит от условий речи. В каждом случае лишь некоторые из признаков смысла становятся релевантными чертами означаемого высказывания. Идеи Л. Прието о роли отбора или селекции в речевом акте сходны с мыслями, высказанными в свое время членами Пражского лингвистического кружка, в частности В. Матезиусом, и развитыми позднее Р. Якобсоном⁵.

⁵ R. Jakobson, M. Halle, *Fundamentals of language*, 's-Gravenhage, 1956, стр. 58—62. См. об этом: Т. В. Б у л ы г и н а, Пражская лингвистическая школа, в кн. «Основные направления структурализма», М., 1964, стр. 94.

Выше мы попытались изложить начала теории Л. Прието, ее основной пафос. В рецензируемой книге ставится много других вопросов и высказывается много других идей и соображений, которым не осталось места в этой маленькой заметке.

Читатель найдет в книге Л. Прието разделы, посвященные лексическим и грамматическим парадигмам, оппозициям и признакам, архиноэме и нейтрализации. Все идеи Л. Прието образуют в своей совокупности стройную теорию, отличающуюся единством подхода и разнообразием содержания. Л. Прието является одним из оригинальных и глубоких лингвистов наших дней. По своим научным концепциям Л. Прието близок к функционализму пражцев и А. Мартине, с которым он поддерживает давние научные и творческие контакты, как это явствует из небольшого предисловия, предпосланного А. Мартине «Принципам ноологии». По-видимому, неслучайно Л. Прието вошел в редколлегию журнала «Лингвистика» («La linguistique. Revue internationale de linguistique générale»), публикация которого была начата А. Мартине в 1965 г. с целью собрать под одной обложкой работы, объединенные общностью научных концепций. В первых двух номерах этого журнала напечатано большое исследование Л. Прието «Функция и экономия». Кстати, в этом же журнале (№ 2) помещен одобрительный отклик Фр. Франсуа на «Принципы ноологии». Отметим также, что анонсирована публикация новой книги Л. Прието «Знаковые системы» («Les systèmes de signes») в серии «Le linguiste», выпуск которой начат в 1965 г. французским издательством «Presses universitaires de France» под научной эгидой А. Мартине.

Однако несмотря на близость научных воззрений, Л. Прието и А. Мартине нельзя назвать полными единомышленниками. Изучение плана содержания почти независимо от плана выражения, предпринятое Л. Прието, было бы, вероятно, чуждо А. Мартине, для которого характерен интерес к языковому знаку в обоих его аспектах, в особенности к простейшему двустороннему элементу или единице языка — монеме.

Подчеркнем еще раз, что если наиболее оригинальная черта теории Л. Прието заключается в анализе плана содержания вне его прямой связи с простейшими знаковыми единицами языка, то в этом же, по-видимому, состоит и ее наибольшая уязвимость или во всяком случае это снижает ее эффективность в исследовании и описании конкретных языков.

Н. Д. Арутюнова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 22 по 28 августа 1965 г. в Амстердаме состоялся III Международный конгресс германистов, организованный Международным объединением германистов (Internationale Vereinigung für germanische Sprach- und Literaturwissenschaft — IVG), почетным президентом которого является Л. Хаммерих (Копенгаген)¹. В работе конгресса участвовали представители 30 стран (около 400 человек). Советских языковедов-германистов и специалистов по общему языкознанию представляли: В. Г. Адмони, Н. А. Баскаков, М. М. Гухман, А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон, Н. Н. Семенюк, Т. В. Шмелева, Н. С. Чедоманов, В. Н. Ярцева (руководитель группы).

Основной темой заседаний конгресса, объединявшего специалистов по германскому языкознанию и литературоведению, было соотношение традиционного и нового в языке и литературе.

На пленарные заседания конгресса были вынесены два лингвистических доклада. Один из них был посвящен соотношению традиции и новаторства в работе над древнеисландским и древне-норвежским словарем (О. Виддинг, Копенгаген). Темой другого доклада (К. Стуттергейм, Лейден) являлась роль диахронной традиции при синхронном описании грамматической системы языка. Докладчик продемонстрировал на материале древнеанглийского и готского языков неправомочность привнесения исторической точки зрения в синхронное описание языка.

Основная работа германистов-языковедов была сосредоточена на двух секциях — скандинавской и немецкой.

В секции «Скандинавские языки и литература» были прочитаны доклады, посвященные самым различным проблемам германистики. Э. Поломэ (Остин, США) в докладе «Германский и итальянский языки в свете дискриптивного рассмотрения» отметил необходимость принимать во внимание при

изучении родственных связей, объединяющих данные группы языков, не только лексические параллели, но и общие элементы грамматической структуры языка. Именно структурный анализ позволяет — с точки зрения докладчика — отделить элементы, общие по происхождению, от близких явлений, возникших позднее в результате длительного контактирования индоевропейских диалектов.

Л. Заброцкий (Познань) в докладе «Членение германских языков» подчеркнул необходимость выделения при изучении как современных, так и древних языков центральных и периферийных областей. Для древних германских языков такое выделение центральных (район современной Дании и Шлезвиг, а также прилегающие к ним на юге области) и окраинных районов возможно, по мнению докладчика, приблизительно с I в. н. э. Несмотря на постепенное перемещение центра в районы, населенные франками, некоторые структурные тенденции, характерные для старых центральнонемецких областей, продолжали и позднее оказывать влияние на все германские языки.

Г. Кун (Канберра) в докладе «Об употреблении залоговых форм в современном шведском языке» отметил частичное несовпадение формального членения представленных здесь залоговых форм и выражаемых ими значений. Для шведского языка характерно, например, употребление пассивной и возвратной форм без их четкого семантического разграничения; наиболее общим для данных форм является медиальное значение.

С. Д. Кацнельсон (Ленинград) в докладе «Рейнская корреция и датский толчок» проанализировал характер обоих сопоставляемых явлений. Их фонетическая и фонологическая близость, а также морфологическая и лексическая дистрибуция дают возможность сделать вывод о глубоком типологическом и генетическом сходстве обследуемых языков. Докладчик настоятельно подчеркнул необходимость разработки сравнительной акцентологии германских языков.

В обсуждении докладов приняла участие М. М. Гухман (Москва). В связи с докладом Г. Куна М. М. Гухман

¹ Данная организация объединяет в своих рядах специалистов по немецкому, нидерландскому, а также по скандинавским языкам.

указала на необходимость рассмотрения форм, выражающих залоговые значения, в общей грамматической системе языка; лишь комплексный структурный подход может обеспечить правильную оценку отдельных явлений в системе залога и помочь разграничению омонимичных форм. По докладу Э. Поломэ М. М. Гухман отметила необходимость рассмотрения германских и италийских языков в связи с другими группами индоевропейских языков, например с балтийскими и славянскими. Липль при таком широком сопоставлении ясно выступают наиболее характерные ареальные признаки отдельных групп, что и дает возможность более четко отграничить черты, генетически общие, от тех близких явлений, которые возникают в родственных языках в результате их взаимного влияния.

На секции «Немецкое языкознание и медиавистика» был прочитан и обсужден ряд докладов, посвященных современному состоянию и истории немецкого языка.

Вопросу фонетической и фонологической интерпретации системы графем, представленной в древневерхненемецких памятниках, был посвящен доклад Г. П е н д л а (Беркли, США) «Роль письменной традиции при звуковой интерпретации древневерхненемецких памятников». В качестве основных элементов анализа докладчик назвал: 1) графическую традицию данного периода; 2) представление о специфической совокупности графем, характеризующей определенные памятники; 3) установление для данного памятника графических оппозиций, а также чередований графем и вариантов графем; 4) сопоставление систем графем, представленных в различных памятниках изучаемой эпохи.

Характеристике процессов лексической унификации, сопровождавших становление немецкого литературного языка, был посвящен доклад Г. И з и н г а (Берлин) «Процессы унификации лексики немецкого литературного языка». Докладчик отметил чрезвычайно важность исследования лексики для изучения формирования литературных языков. При рассмотрении лексического аспекта соответствующих процессов, наблюдавшихся в немецком языке, традиционное противопоставление севера и юга себя не оправдывает: значение нижненемецкого района для литературного языка больше, чем принято обычно думать. Учитывая лексические данные, следует представлять себе процесс складывания литературного немецкого языка как образование некой новой системы, возникающей при участии всех немецких диалектов.

Проблемам изучения языка города был посвящен доклад Р. Г р о с с е (Лейпциг) «Традиция и инновация в обиходно-разговорном языке городских центров». Докладчик подчеркнул роль крупных го-

родских центров в процессах языковой унификации. В языке города объединяются как языковые элементы, характерные для близлежащих районов, так и черты, которые проникают сюда в результате языковых «излучений» из различных, часто весьма отдаленных областей. Вместе с тем докладчик показал, что в языке городов не только взаимодействуют различные диалекты (или контактируют диалект и литературный язык), здесь возникают и некоторые совершенно новые явления, что особенно часто наблюдается в лексической сфере.

Характеристике закономерностей развития и функционирования немецкого языка на территории Чехии и Словакии были посвящены доклады германистов Чехословакии.

В центре доклада Э. С к а л а (Прага) «Немецкий язык в Праге» стояла проблема развития немецкого языка в условиях двуязычия. На основе анализа особенностей системы «пражского» немецкого языка в различные исторические периоды, а также на основе изучения его функционального соотношения с чешским языком Э. Скала строит свою периодизацию истории немецкого языка в Праге, выделяя четыре основных этапа его развития.

В докладе В. Ш в а н ц е р а (Братислава) «Нарушения в структуре немецкого языка в результате изоляции и славянского влияния» было показано, как данные факторы отразились на таких общих свойствах языка, как стабильность и вариантность. При общем увеличении числа вариантных возможностей, возникающих за счет объединения конструкций и форм, собственных обоим языкам, в процессе общения избираются обычно конструкции и формы, одинаково возможные как для одного, так и для другого языка. Вместе с тем постоянность элементов языковой системы в условиях билингвизма часто нарушается за счет смешения, комбинации различных форм и конструкций.

С изучением отдельных вопросов грамматики и лексики современного немецкого языка были связаны доклады В. Винтера и Э. Оксаар.

В. В и н т е р (Остин, США), прочитавший доклад «О структурной роли генитива в современном немецком языке», отметил, что в литературном языке наряду с широко известной тенденцией к сокращению сферы употребления род. падежа наблюдается и противоположная тенденция к сохранению указанной формы. Докладчик отметил необходимость разграничения структурного и функционального плана при изучении данного явления.

Э. О к с а а р (Стокгольм) в докладе «К вопросу о традиционном и новом в развитии современного немецкого языка» суммировала некоторые наблюдения над изменениями в обозначении профессий,

которые произошли в немецком языке за последние годы. Ряд сдвигов в названиях профессий отражает тенденцию к «эвфемизации», к известной маскировке социальных отношений (ср. *Haushaltgehilfin* «помощница по дому» вместо *Dienstmädchen* «служанка», *Arbeitsgeber* буквально «работодатель» вместо *Kapitalist* «капиталист» и т. д.). Подводя итоги своим наблюдениям, докладчица пыталась рассматривать язык как социальный фактор, приписывая ему некую активную преобразующую роль по отношению к действительности, что вызвало возражения со стороны отдельных участников дискуссии (Р. Гроссе и др.).

Проблеме архаизмов и их роли в современном немецком языке посвятил свой доклад Л. З а л т ф е й т (Осло). Докладчик показал источники, а также различные возможности использования архаизмов в языке.

В дискуссии по докладам принял участие В. Г. Адмони (Ленинград). В связи с положениями, высказанными в докладе В. Винтера, В. Г. Адмони подчеркнул необходимость учитывать при

изучении генитива и его роли в современном немецком языке обе отмеченные докладчиком тенденции — тенденцию к разрушению и консервации данной падежной формы.

Таким образом, в работе III Международного конгресса германистов получила отражение разнообразная проблематика, связанная с изучением древних и современных германских языков. Здесь обсуждались вопросы сравнительно-исторического изучения языков и ареальной лингвистики, проблемы сопоставительного исследования современных языков, а также различные вопросы, связанные с изучением структуры и функционирования немецкого литературного языка.

Участие советских ученых в работе конгресса ясно показало, что проблематика, разрабатываемая в настоящий момент советскими германистами, является актуальной, а общий уровень ее разработки в Советском Союзе вполне соответствует уровню развития мировой германистики.

Н. Н. Семенов (Москва)

14—20 сентября 1965 г. в г. Сараево проходил V съезд югославских славистов (Союза славистических обществ Югославии). Основной темой съезда в области языка был вопрос о норме в современном сербскохорватском, словенском и македонском языках. Доклад на эту тему сделала проф. М. И в и ч (Нови Сад). Было прослушано и обсуждено также 14 содокладов на ту же тему, из которых 9 было посвящено вопросу о норме в сербскохорватском языке, 2 — в словенском и 2 — в македонском.

М. И в и ч подчеркнула, что на современном этапе развития сербскохорватского литературного языка при отборе нормы должны действовать другие критерии, чем те, которые действовали столетия назад, когда образцом языка был язык простого народа, язык деревни. В настоящее время ведущая роль в развитии стандартного языка, языка культуры, принадлежит городу и образованному слою общества. Урбанизация языка приводит к тому, что некоторые старые нормы стали несостоятельными, что ведет к необходимости модернизации грамматического канона. Этому должно предшествовать описание современной языковой действительности в более широком плане. До сих пор при установлении нормы обыкновенно пренебрегали языком печати, радиовещания, телевидения и кино как самых массовых видов современной языковой коммуникации. Писатели не всегда типично представляют свою языковую среду; в их языке надо выделять индивидуальные элементы от типич-

ной структуры языка среды. При описании языка и при отборе нормы до сих пор исходили, как правило, из письменного языка, не принимая во внимание факты устной речи. Надо также считаться с существованием двух вариантов сербскохорватского языка — восточного (белградского) и западного (загребского), хотя этот факт никак не отрицает единства сербскохорватского языка.

Акад. М. Х р а с т е (Загреб) в содокладе «Проблема нормы в литературном языке» подчеркнул, что единство сербскохорватского языка базируется на двух вариантах; следует считаться с ролью таких языковых центров, какими являются Сараево и Нови Сад. Дальше содокладчик дал обзор главных различий между белградским и загребским центрами в области фонетики, морфологии, лексики, стиля и ударения. При составлении описательных грамматик и определении нормы следует исходить из языка писателей, обладающих хорошим языковым вкусом.

Проф. В. Т о м а н о в и ч (Скопье) в содокладе «О взаимоотношениях сербскохорватского народного и литературного языка» исходит из положения, что на сербскохорватской языковой территории никогда не существовали только два центра и что современные рефлексы звука «ять» недостаточны для определения сербскохорватских языковых центров. В разговорах о литературном языке нельзя пренебрегать языком переводов. В отборе дублетов и в отнесении их к одному из языковых центров следует быть очень

осторожным, потому что, например, одно и то же слово в разных центрах может иметь различные значения.

Проф. Л. Йонке (Загреб) в содокладе «Проблема нормы в хорватско-сербском литературном языке» подчеркнул значение принципа «эластической стабильности», когда речь идет о норме. Следует преодолеть традиционное понимание диалектной основы и согласиться с проф. П. Скоком в том, что современный сербскохорватский литературный язык не совпадает с герцеговинским говором, т. е. с восточным наречием. Языковой престиж принадлежит урбанизированным центрам. Образцом литературного языка должен быть язык беллетристики, а не язык средств массовой коммуникации, которому принадлежит второстепенная роль.

В содокладе проф. Й. Вуковича (Сараево) «Грамматические и грамматико-стилистические явления в языке и проблемы нашего литературного языка» отмечалось значение лингвистической стилистики как одного из важных элементов изучения сербскохорватского литературного языка. Содокладчик выделил некоторые экспрессивно маркированные и немаркированные категории, остановившись также на вопросах интонационной стилистики. Автор считает, что различия на линии Белград — Загреб касаются в основном лексики, и не соглашается с проф. М. Ивич, что тут имеются существенные различия. При определении нормы репрезентативным элементом является язык писателей, а не разговорный язык того или иного центра или области.

Содоклад проф. С. Марковича (Сараево) «Языковая норма и единство сербскохорватского литературного языка» был посвящен анализу положений проф. М. Ивич и проф. Л. Йонке о двух вариантах и двух нормах сербскохорватского литературного языка. Автор считает, что подчеркивание различий на линии Белград — Загреб преувеличивается; тем самым допускается некоторое отступление от новисадской резолюции 1954 г. о единстве сербскохорватского литературного языка. В печати «переводы» с белградского варианта на загребский и наоборот следует сводить к минимуму, т. е. оставлять максимум общего. Интересной является языковая ситуация в Боснии и Герцеговине, где влияния загребского и белградского центров переплетаются. Содокладчик считает, что различия между загребским и белградским вариантами сводятся к трем категориям: лексике, суффиксальному словообразованию и звуковой стороне. Преодоление различий в первых двух категориях не вызывает особых затруднений.

Р. Катичич (Загреб) в содокладе «Проблема нормы в литературном языке» отметил необходимость обстоятельного описания и исследования вариантов ли-

тературного языка. Можно выделить и другие варианты, кроме белградского и загребского: боснийско-герцеговинский, черногорский, а может быть и воеводинский. Стандартный язык нельзя выводить из одной среды, какой бы она культурной ни была.

Доц. Б. Финка (Загреб) в содокладе «О согласовании языковой нормы с природой языка» выделил лингвистические и внелингвистические критерии при нормировании языковых данных. Это: а) языковая обоснованность, б) возможность отбора, г) территориальная распространенность, д) речевая чистота. При нормировании различных языковых данных должны последовательно применяться одни и те же критерии.

Доц. А. Пецо (Белград) в содокладе «Орфоэпические нормативы стандартного иекавизма» представил результаты своих экспериментально-фонетических исследований количества двухкомпонентного рефлекс старого «тя», а также других гласных под различными интонациями, с долготами и без долгот.

В содокладе Б. Урбанчица (Люблина) делается попытка обосновать положение о том, что в словенском литературном языке также имеются два варианта литературного языка.

Доц. Б. Погорелец (Люблина) выступила с содокладом «Словенский литературный язык и актуальные проблемы литературной нормы», в котором рассматривается история нормирования в словенском литературном языке, а также говорится о двух стилях стандартного словенского языка.

Ф. Якопин (Люблина) в содокладе «Вопрос о норме в словенском литературном языке» поставил вопрос о необходимости критического подхода к языку средств массовой коммуникации, об интонационных различиях в словенском литературном языке, о вариантах типа *bravec* : *bravec*, об употреблении иностранных слов, имеющих адекватные словенские эквиваленты.

Проблеме нормы в македонском литературном языке был посвящен содоклад Б. Крубина (Скопье) «Стихийность и сознательность в развитии литературного языка», в котором подчеркивается необходимость сознательного влияния на развитие македонского литературного языка.

Доц. О. Яшар-Настева (Скопье) в содокладе «Международная лексика в современном македонском литературном языке» дает систематизированный обзор иностранной лексики по всем отраслям языковой действительности, подчеркивая важную роль иностранной лексики в обогащении и развитии македонского литературного языка.

В дискуссии по докладу и содокладам выступили: акад. М. Стеванович (Белград), проф. Т. Чубелич (Загреб), М. Мия-

рив (Сараево), проф. Р. Кузмич (Сараево), проф. П. Ивич (Нови Сад), Р. Ефтич (Сараево), проф. Д. Брозович (Задар), проф. Й. Вукович (Сараево), Д. Рашович (Цетинье), доц. А. Младенович (Нови Сад), Й. Топоришич (Люблина), проф. Л. Йонке (Загреб), доц. С. Бабич (Загреб), Г. Калоджера (Загреб), проф. С. Маркович (Сараево), проф. Р. Алексич (Белград), М. Станич (Белград), проф. М. Ивич (Нови Сад) и проф. С. Назечич (Сараево).

В секции по сравнительному изучению славянских языков и литератур выступил с докладом «Проблемы сравнительного изучения славянских языков» акад. Ф. Б е з л а й (Люблина). Докладчик затронул некоторые вопросы лексикологии и этимологии, подчеркивая различия между классической и современной этимологией, а также большую актуальность социалингвистических исследований.

Содоклад Д. Т р и ф у н о в и ч а (Белград) «К изучению риторической ритмичности в древней русской и сербской литературе» был построен на материале проповедей Кирилла Туровского и Феодосия Хиландарского. Содокладчик пришел к выводу, что ритмичность древних поэтических произведений создается не числом слогов, а средствами риторического искусства, выражением чего, по терминологии автора, являются ритмические ряды («ритамски низови»).

Доц. А. М л а д е н о в и ч (Нови Сад) в содокладе «К изучению развития нашей кириллицы» дает, на основании богатого материала из XVI—XVIII вв., анализ боснийской кириллицы («босанчица») в сопоставлении ее с кириллицей остальных южнославянских областей и приходит к выводу, что почти все буквы кирилловского письма в Боснии совпадают с теми же буквами в остальных областях. Исключения представляют только два боснийских варианта букв *г* и *ж*, но и

они сосуществовали здесь со знаками, общими для остальных южнославянских областей. Таким образом, единство южнославянской кириллицы XVI—XVIII вв. — несомненный факт, и для данного периода нет необходимости говорить об особой боснийской кириллице («босанчице»).

Т. Д и м и т р о в с к и й (Скопье) в содокладе «О некоторых особенностях влияния соседних южнославянских языков на македонский литературный язык» говорил о различиях и сходствах в развитии и структуре македонского, с одной стороны, и болгарского и сербскохорватского языков, с другой. Современный болгарский литературный язык создан на базе народных болгарских элементов, русского и русскоцерковнославянского языков. Сербскохорватский же и македонский литературные языки созданы преимущественно на народной основе. В этом сказалось влияние Вука Караджича на развитие македонского литературного языка. Материал Т. Димитровского о заимствованиях из болгарского и сербскохорватского языков касается лексики и словообразования.

В дискуссии по перечисленным темам приняли участие: проф. А. Флакер (Загреб), проф. Д. Брозович (Задар), проф. Й. Врана (Загреб), проф. П. Ивич (Нови Сад) и доц. А. Младенович (Нови Сад).

Почти все доклады и содоклады напечатаны в следующих журналах: «Књижевност и језик», Белград, 1965, 3; «Језик», Загреб, 1965—1966, 1; «Odjek», Сараево, 1965, 19; «Литературен збор», Скопье, 1965, 4.

Президиум Союза славистических обществ Югославии в течение следующих трех лет будет находиться в Черногории, в г. Цетинье; следующий, VI съезд югославских славистов будет проведен в черногорском городе Будва весной 1968 г.

Б. Терзич (Белград)

С 28 по 30 октября 1965 г. в Институте языковедения им. А. А. Потемкина АН УССР проходила III республиканская ономастическая конференция, посвященная вопросам гидронимии и гидронимического картографирования. Тематика более 40 докладов, прочитанных и обсужденных на конференции, показывает все возрастающий интерес к гидронимии не только как к объекту языковедения, но и смежных наук.

Конференция открылась докладом К. К. Ц е л у й к о (Киев) «Гидронимический атлас Украины». Атлас (ГАУ) задуман и выполняется как часть Украинского ономастического атласа с учетом (по возможности и целесообразности) задач восточнославянского и общеславянского ономастических атласов. ГАУ ставит

своей задачей отражение синтетической картины проявлений и особенностей украинского языка и его диалектов в гидронимии, в частности в области гидрооснов, формантов и звукового оформления гидронимов. За основу ГАУ берется синхронный принцип, как единственно обеспечивающий задачу освещения языковой специфики гидронимов Украины. Диахрония используется только для выяснения явлений современной системы гидронимов Украины. Хронология определяется периодом формирования украинского национального языка. В ГАУ картографируются гидронимы на всех уровнях языка (лексико-семантическом, структурно-морфологическом, фонетико-акцентологическом и словообразовательном). ГАУ охватывает всю сплошную украинскую

территорию. Он сопровождается теоретическим введением с разного типа вспомогательными картами.

Е. М. Поспелов (Москва) посвятил свой доклад основным вопросам составления региональных топонимических атласов. Для сплошного картографирования территории СССР важно определить границы каждого регионального атласа. Лучшим масштабом для большей части карт таких атласов будет: 1 : 5 000 000—10 000 000, хотя в атласе возможны и более мелкие карты. Региональные атласы должны быть комплексными, т. е. отражать всю совокупность топонимии любой территории (названия населенных пунктов, гидронимии, оронимии, микротопонимию и т. д.).

В. А. Никонов (Москва) в докладе «Основные проблемы гидронимии» поставил вопрос о зависимости основных проблем гидронимии от специфики объектов гидронимии. Это проблема хронологии гидронимов и населенных пунктов, их этимологическая семантика, проблема главной реки и ее притока, проблема родового или мифологического происхождения семантики наиболее древних гидронимов. Автор предлагает более конкретно решать вопрос о так называемых «речных суффиксах» (-га, -ма, -ша и т. д.), исследовать отношения между гидронимами и другими классами топонимов. На этом же заседании был заслушан доклад В. В. Нимчука (Киев) «Украинская ономастическая терминология». За основу В. В. Нимчук взял список топонимической терминологии, составленный Яном Свободой и утвержденный на заседании международного комитета по славянской терминологии.

Дальнейшая работа конференции проходила по двум секциям. В первой секции заслушивались и обсуждались доклады по гидронимике Украины. Группа докладов была посвящена исследованию украинской гидронимической номенклатуры. И. А. Дзвензелевский (Ужгород) в докладе «Из наблюдений над гидронимической номенклатурой» привел интересный и редкий материал по названиям разных частей речек и охарактеризовал его с точки зрения происхождения, этимологии и словообразования. Исследование гидрографического материала лингвогеографическими методами, по мнению докладчика, дает важные материалы для исследования диалектной дифференциации языка. В докладе М. А. Грищак (Ужгород) подверглись анализу названия водных источников и стоячих вод на территории Закарпатья (около 300 названий). Автор считает, что все эти названия славянского происхождения. И. Д. Сухомилин (Днепропетровск) посвятил свое сообщение характеристике системы названий озер бассейна р. Самары в отношении их структуры и семантических особенностей.

Большое внимание привлек доклад М. Ю. Брайчевского (Киев) «Среднеднепровская гидронимия группы рос». В докладе на основании некоторых лингвистических и археологических данных сделано предположение о связи названий группы рос с названием Днепра *Eras*, зафиксированным у Иордана в VI в., и в формах *aopci*, *роксолани* и др. — в иных источниках. К. И. Галас (Ужгород) высказал предположение о возникновении названия реки *Уж* по названию города *Ужгород*. Автор считает, что гидроним *Уж* можно связать со славянским апеллятивом **logъ*. На этой же секции был заслушан доклад В. А. Никонова «Особенности гидронимии Украины». На материале 2613 гидронимов докладчик охарактеризовал ареалы основных структурных гидронимических типов и наметил основные вехи, по которым должно идти исследование гидронимии Украины. А. П. Корепанова (Киев) проанализировала некоторые словообразовательные типы гидронимов бассейна р. Десны. В. А. Горпинич (Глухов) охарактеризовал современные словообразовательные тенденции микрогидронимии Сумщины. И. О. Варченко (Киев) остановился на проблемах образования отгидронимичных прилагательных и существительных в украинском языке. П. Д. Тимошенко (Киев) в своем докладе проанализировал процессы фонетического и морфологического оформления названий речек.

Интересный доклад на тему «Историческая гидронимия Северного Приазовья (*Калка*, *Кальмиус*)» сделал Е. С. Отин (Донецк). Докладчик предполагает, что *Калка* (*Калок*) — это славянское географическое название, покрывшее семантически и структурно близкий иранский гидроним с и.-е. корнем **g^hal*. Заслуживают внимания разъяснения автора ономастологической природе названий *Калка* и *Кальмиус*. Г. И. Швед (Киев) сделал сообщение «О составлении словника поверхностных вод Украины». А. А. Белецкий (Киев) в докладе «Гидронимия Крымского полуострова» представил особенности бытования гидронимии Крымского полуострова и показал ее языковую пестроту. Б. А. Старостин (Москва) посвятил свой доклад сравнительному анализу генетических элементов гидронимии Украины и Белоруссии. А. И. Яценко (Череповец) в докладе «Украинизмы в гидронимике Курской области» делит украинскую гидронимию на три группы в зависимости от характера заселения украинцами Курской области. П. П. Чучка (Ужгород) в докладе «Взаимосвязь антропонимов и зоонимов Закарпатья с гидронимией Карпат» приходит к выводу, что гидронимы очень редко становятся прозвищами людей и кличками животных.

Во второй секции заслушивались

обсуждались доклады, посвященные гидронимии Центральной Европейской части СССР, Западной и Восточной Сибири, Прибалтики, ТуркмССР, КиргССР и др. Заседание секции открылось докладом В. П. П о п о в а (Киев) «Балтика и славика в гидронимии Украины». Докладчик говорил о том, что дополнительные материалы, и в частности работа «Названия речек и озер Литовской ССР» (Вильнюс, 1963) дают возможность более точно провести южную границу балтийской гидронимии на территории Украины, чем это сделано в известной работе В. Н. Т о п о р о в а и О. Н. Трубачева, а именно: в Поднепровщине по линии Быстрица — Серет, а в Поднепровщине — по р. Роси, Среднему Днестру и Днепру на стыке лесостепной и степной зон юга СССР. Б. С а в у к и н а с (Вильнюс) представил в своем докладе схему структурно-типологической классификации литовские гидронимии, положив в основу структурно-грамматическую классификацию С. Роспопда.

В. Ф. Д а м б е (Рига) в докладе «Гидронимы Латвийской ССР с формантом -v» очертила ареалы распространения гидронимов этого типа и коснулась вопроса о происхождении балтийских суффиксов с формантом -v. М. Ф. С е м е н о в а (Рига) проанализировала в докладе специфику системы названий водоемов г. Риги с точки зрения семантики, морфологического состава и словообразования. Цель доклада А. В а н а г а с а (Вильнюс) «Проблема угро-финского субстрата в литовской топонимии (гидронимии)» — указать на важность и нерешенность этой проблемы. Современные балтийские этимологии некоторых топонимов и гидронимов, ранее считавшихся угро-финскими, а также археологические данные позволяют скептически отнестись к идее угро-финского субстрата на территории Литвы вообще, хотя полностью ее не отрицают. В интересном докладе В. В. С е д о в а (Москва) «Гидронимия голяди» очерчиваются ареалы гидронимов западнобалтийского племени голяди (часть верхнеокского бассейна и левобережная часть Верхнего Поднепровья до Сейма). Л. И. К а л и н и н а (Томск) в докладе «Древние передвижения ургов по данным гидронимов» (на территории современного расселения хантов) приходит к такому же выводу, что и А. П. Дульзон: ургы пришли в Сибирь с запада от Урала сравнительно недавно.

Н. В. П о д о л с к а я (Москва) в докладе «Проблемы изучения типовых связей названий бассейна одной реки» находит и характеризует три вида типовых связей между географическими названиями. Это адекватность названий, отношения бинарной оппозиции названий, соотнесенность названия с видом объекта. М. Н. М о р о з о в а (Москва) сделала доклад на тему «Вопросы взаимодействия гидронимии с другими группами лексики в русском языке». Л. Л. Т р у б е (Горь-

кий) показал в своем докладе географию гидронимов Горьковской области в отношении их языковой принадлежности и формантов.

В группе докладов сообщались результаты обследования гидронимии различных территорий СССР. В некоторых из них наряду с анализом современного гидронимического материала использовались данные памятников письменности XVI—XVIII вв., архивных материалов. Это доклад И. Я. Я ш к и н а (Минск) «Гидронимия и микрогидронимия Славгородщины (бассейн р. Сож)», Г. П. С м о л и ц к о й (Москва) «Из гидронимии Среднего Поочья», В. И. Т а г у н о в о й (Муром) «Гидронимия Муромского Поочья». В ряде докладов был представлен анализ иноязычных гидронимов на определенной территории: К. Ф. Г р и ц е н к о (Томск) «Якутские названия озер междуречья Лены и Алдана», Н. П. Б у т е н к о (Фрунзе) «Русская гидронимия на территории Киргизии», Б. А. М о и с е е в (Оренбург) «Тюркские названия рек Оренбургской области (освоение местных названий)», О. Т. М о л ч а н о в а (Томск) «Тюркские названия Западной Сибири», Г. Е. К о р н и л о в (Чебоксары) рассмотрел в своем докладе ареал гидронимов с *syрма* на территории Среднего Поволжья; эти гидронимы имеют большое значение в плане болгаро-чувашского глоттогенеза. С. А т а н и я з о в (Ашхабад) сделал доклад «Гидронимии и гидрографические термины Юго-Восточного Туркменистана». В докладе В. Д. Б е л е н ь к о й (Москва) были рассмотрены некоторые аспекты исследования английской гидронимии в плане ее семантики, языковой принадлежности, образования и стратиграфии.

На пленарном заседании был заслушан доклад Э. М. Мурзаева (Москва) «Вьетнамская гидронимия, ее особенности и закономерности развития». В докладе были высказаны и продемонстрированы на интересном материале некоторые вопросы вьетнамской гидронимии. Основная топонимическая модель Вьетнама — «определяемое + определение». Большинство названий рек Вьетнама имеет не вьетнамское происхождение, в том числе Меконг. В. А. Ж у ч е в и ч (Минск) сделал доклад на тему «Гидронимические исследования и историко-географическая реконструкция топонимического ландшафта». В. В. Н и м ч у к сделал сообщение о творческом пути крупнейшего чешского ономаста В. Шмилауэра в связи с 70-летием со дня его рождения. В сообщении Л. Н. М и т р о х и н о й и В. Г. Б о л д о в а (Москва) была дана информация о литературе по гидронимике в реферативном журнале «География».

После оживленных прений были подведены итоги работы конференции, а также принято решение издать труды конференции и созвать IV ономастическую конференцию в 1968 г.

Г. П. Смолицкая (Москва)

20—22 декабря 1965 г. в Ленинграде состоялась организованная Ленинградским отделением Ин-та языкознания АН СССР четвертая конференция по проблеме морфологической структуры слова². Непосредственной темой конференции явились дискуссионные вопросы теории частей речи на материале языков различных типов³.

В работе конференции приняли участие языковеды Москвы, Ленинграда, Алматы, Кишинева, Минска, Фрунзе и других городов страны. На трех пленарных и пяти секционных заседаниях было заслушано более 30 докладов.

Чл.-корр. АН СССР В. М. Ж и р м у н с к и й (Ленинград) во вступительном слове выразил надежду, что представленные доклады и их обсуждение позволят выявить типологические различия между языками, отражающиеся на постановке и решении проблемы частей речи.

В докладе «О природе частей речи и их классификации» В. М. Ж и р м у н с к и й защищал тезис о том, что традиционная («школьная») классификация частей речи, несмотря на отмеченную критикой «логическую непоследовательность», может быть принята за основу учения о частях речи. Эта классификация, в отличие от классификаций логических понятий, построена не на взаимоисключающих классификационных различиях, а на системе реально существующих признаков, частично перекрещивающихся. Части речи — лексико-грамматические классы слов, выделяемые на основе сложного взаимодействия лексико-семантических и грамматических (морфологических, синтаксических) признаков. В. М. Ж и р м у н с к и й считает необоснованным выделение в особые части речи таких разрядов слов, как причастие, деепричастие, инфинитив, модальные слова, категория состояния и некот. др. Исторически возникшие в результате морфологизации членов предложения части речи в своей лексико-семантической основе универсальны, но они различны в разных языках по своему грамматическому оформлению.

О. П. С у н и к (Ленинград) в докладе «Вопросы общей теории частей речи», полагая, что всякая научная классификация должна опираться на единый принцип деления и быть логически непроти-

воречивой, подверг традиционное учение о частях речи резкой критике. Он предложил классификацию частей речи, основанную на общеграмматических значениях, свойственных полнозначным номинативным словам. По этим значениям выделяются 1) слова, обладающие значением грамматической предметности (существительные), и 2) слова, обладающие значением грамматической атрибутивности, которые в свою очередь распадаются на 1) слова со значением динамического признака предмета (глаголы) и 2) слова со значением статического признака (прилагательные и наречия). Выделение прилагательных и наречий связано с различием признаков непосредственных (признак предмета) и опосредованных (признак признака предмета). Местоимения и числительные следует рассматривать как особые лексические группировки внутри вышеуказанных частей речи. Служебные слова, частицы, модальные слова, междометия, не обладая ни одним из перечисленных общеграмматических значений слова, не входят в систему частей речи.

С докладом «Части речи как понятие филологической грамматики и как понятие научной описательной грамматики» выступил А. С. Ч и к о б а в а (Тбилиси). Ввиду отсутствия параллелизма между лексической и морфологической сторонами слова, он считает необходимым создание двух самостоятельных классификаций частей речи — классификации по морфологическим категориям и классификации по семантическим категориям (категория предметности, категория атрибутивности и др.). Разработка теории семантических категорий принадлежит к числу наиболее актуальных проблем научного описания языка.

В. Г. А д м о н и (Ленинград) посвятил свой доклад «Полевая структура частей речи (на материале числительных)» обоснованию тезиса о том, что части речи имеют полевую структуру — «центр» (слова, обладающие всеми признаками данной части речи и не обладающие никакими иными грамматическими признаками) и «периферию» (слова, обладающие лишь частью грамматических признаков данной части речи и способные обладать другими грамматическими признаками). Именно наличие периферийных слов и препятствует созданию четкой системы частей речи, поскольку эти слова по одним признакам тяготеют к одному центру, а по другим — к другому. К числу крайних проявлений полевой структуры частей речи во многих языках относится имя числительное, состоящее из небольшого центра и обширной периферии.

Н. Д. А н д р е е в и Л. Д. А н д р е в а (Ленинград) в докладе «Части речи»

² Труды трех предыдущих конференций изданы в виде сборников: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963; «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965; «Аналитические конструкции в языках различных типов», М.—Л., 1965.

³ См.: «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов», Л., 1965.

и статистико-комбинаторные разряды слов в русском и английском языках» сообщили о результатах сопоставления частей речи с набором разрядов слов, который был получен ими путем статистико-комбинаторного моделирования. Авторы доклада пришли к выводу, что статистико-комбинаторные свойства русских и английских морфологических типов позволяют выявить основные группы частей речи этих языков при использовании только плана выражения, но они недостаточны для получения полной системы частей речи — здесь необходимо обращение к плану содержания.

В докладе А. Е. Супруна (Фрунзе) «Грамматические свойства слов и части речи» последние рассматриваются как разряды слов, характеризующиеся определенными пучками присущих им элементарных грамматических свойств. Но если каждое конкретное элементарное грамматическое свойство слова выявляется с большой определенностью, то по отношению к пучку грамматических свойств группы слов приходится отказаться от жесткого детерминизма. Части речи представляют собой явление вероятностно-статистическое.

И. Ф. Вардоль (Москва) в докладе «Слово как часть речи» говорил о том, что в термине «слово» заключено несколько качественно различных понятий (вокабула, глосса, Глоссема, лексема, синтаксема). Из этих понятий непосредственное отношение к проблеме частей речи имеет лексема, представляющая собой совокупность форм слова, взятого в одном лексическом значении. Части речи состоят из лексем.

Доклад С. Х. Иоффе (Ленинград) «Об отношении теории классов лекс к теории частей речи» был посвящен проблеме формирования классов лекс — классов, состоящих из тождественных по дистрибутивным и трансформационным признакам лексико-семантическим вариантам гнезд слов, как эти последние представлены в словаре В. И. Даля. Объединение классов лекс в более крупные группировки должно дать части речи, состав которых будет отличаться от обычного состава частей речи русского языка (например, в составе одной части речи окажутся лексоформы *деряко — дерякий — деряость — деряить*).

Ю. М. Скребнев (Горький) в докладе «Проблема частей речи и ее внутренняя противоречивость» стремился показать, что при классификации частей речи, как они традиционно понимаются, единственно релевантным является семантический критерий. Противоположную точку зрения защищал А. А. Леонтьев (Москва) в докладе «Фиктивность „семантического критерия“ при определении частей речи». Обобщенные семантические представления типа «предметности», «качественности» и т. д. докладчик счита-

ет лингвистической фикцией, возникшей в результате бессознательного семантического обобщения слов, уже ранее отнесенных к определенному классу по грамматическим признакам.

А. М. Мухин (Ленинград) в докладе «Части речи и синтаксические единицы» разграничивает части речи (классы знаменательных слов) и частицы речи (классы служебных слов), поскольку они не имеют единого основания для своей классификации. Ведущим признаком частей речи должна быть их морфологическая структура. Модальные слова, междометия, категория состояния ошибочно причисляются к частям речи, ибо они выделяются на основе синтаксических оппозиций. Для решения вопроса о частях речи необходимы два подхода: внутренний — в рамках морфологии, и внешний — со стороны синтаксиса.

Морфологический подход к проблеме частей речи был представлен в докладе А. М. Щербак (Ленинград) «О лингвистической природе частей речи». А. М. Щербак выдвинул ступенчатую классификацию, дихотомическую на первой ступени (по признаку наличия или отсутствия у слова подвижной морфологической структуры) и квалификационную — на второй (слова с подвижной морфологической структурой делятся на классы по составу морфем и последовательности их сочетания, а неизменяемые слова — по сочетаемости с другими словами).

По мнению С. Е. Яхонтова (Ленинград), выступившего с докладом «Понятие частей речи в общем и китайском языкознании», при выделении частей речи следует учитывать все грамматические признаки слов — как морфологические, так и синтаксические (все возможные функции данного слова), причем последним принадлежит ведущая роль. Классификация слов по частям речи должно предшествовать делению их на знаменательные, местоименные и служебные. Перечни частей речи в разных языках в основном совпадают, но признаки одних и тех же частей речи могут оказаться совершенно различными.

В докладе А. Н. Тихонова (Самарканд) «Части речи — лексико-грамматические разряды слов» подробно рассматривался вопрос о связях частей речи с лексикой и грамматикой.

С докладом «Части речи как грамматические и лексико-грамматические классы слов в индоевропейских языках» выступил А. Н. Савченко (Ростов-на-Дону), по мнению которого части речи объективно разграничиваются по парадигмам форм и синтагматической сочетаемости. Исходя из этого, он признает причастие и дееспричастие отдельными частями речи в индоевропейских языках, а к числительным относит только количественные слова, считая порядковые прилагательными. Су-

ществительные, прилагательные, глаголы и числительные квалифицируются как лексико-грамматические классы слов, а наречия — как чисто грамматический класс; причастия и деепричастия по отношению к глаголам образуют грамматический класс, по отношению к другим частям речи — лексико-грамматический.

Н. М. Александров (Ленинград) в докладе «К вопросу о классификации частей речи в индоевропейских языках» положил в основу дифференциации слов их синтаксическую роль в предложении (способность или неспособность выступать в качестве членов предложения и определенные связи с другими словами). Докладчик выделил следующие классы слов: 1) функционально самостоятельные (глаголы, существительные, прилагательные, к каковым отнесены также порядковые числительные; наречия, модальные слова); 2) вспомогательные (местоимения, количественные числительные, сочинительные союзы, частицы); 3) служебные (предлоги, подчинительные союзы). Совершенно особую группировку слов образуют междометия.

В докладе «О частях речи в английском языке» Б. А. Ильиш (Ленинград) в основу распределения слов по частям речи положил прежде всего семантический признак (категориальное значение), а затем морфологический и синтаксический, которые не всегда согласуются друг с другом. По мнению докладчика, деление частей речи на знаменательные и служебные носит произвольный характер.

М. А. Бородин и Н. П. Корыхалова (Ленинград) в докладе «О степени пригодности традиционной классификации частей речи применительно к французскому языку» считают оправданным пополнение «классического» инвентаря частей речи новыми классификационными единицами, такими, как частицы, модальные слова, mots-phrases, адфикс и адфиксальные конструкции. Введение этих единиц позволяет до некоторой степени преодолеть недостаточную дифференцированность традиционной классификации, не учитывающей явлений промежуточного характера.

Н. А. Баскаков (Москва), прочитавший доклад «Двойственная природа слова и проблема частей речи (на материале тюркских языков)», недостатком традиционного учения о частях речи считает смешение двух свойств слова — его семантики и грамматической функции. Он предложил две классификации — в лексико-семантическом плане (знаменательные и служебные части речи; первые распадаются на глаголы, существительные, прилагательные, междометия, мимемы и местоимения) и в функционально-грамматическом плане (слова с субстантивным значением и слова с атрибутивным значением; последние делятся на слова,

выражающие атрибут субстанции, и слова, выражающие атрибут признака).

Тезиса о том, что теория частей речи должна опираться на три органически связанные между собой аспекта слова — семантический, морфологический и синтаксический, придерживалась В. И. Цици и у с (Ленинград) в докладе «Грамматический строй языка и проблема частей речи (по материалам тунгусо-маньчжурских языков)»; она выделила две группировки слов — глаголы (включая причастия и деепричастия) и имена (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия).

Е. И. ШUTOVA (Москва) в докладе «Об определении синтаксических признаков частей речи (на материале китайского языка)», отметив, что при описании языков со слабо развитой морфологией широко используется классификация частей речи по синтаксическим критериям, сделала попытку установить формальные основания этих критериев.

Согласно докладу Н. В. Охотиной (Москва) «Морфемная структура слов языка суахили как основа разграничения частей речи», в данном языке части речи выделяются на морфологическом уровне — слова различных частей речи имеют соответственно различные морфемные формулы.

В докладе Л. И. Шкаרבана (Москва) «О частях речи в тагальском языке» даны две лишь частично пересекающиеся классификации слов: морфологическая (глаголы, имена, частицы) и синтаксическая (слова, способные выступать в качестве господствующего члена синтаксической конструкции; слова, которые всегда зависят от других слов; служебные слова).

На вопросах происхождения и развития частей речи остановились К. Е. Майтинская (Москва) в докладе «К вопросу о роли словообразования в развитии частей речи» и Н. М. Терещенко (Ленинград) в докладе «К генезису частей речи (на материале самодийских языков)». К. Е. Майтинская стремилась показать, что формирование частей речи в уральских языках происходило в связи с развитием не только словоизменения, но и словообразования. Н. М. Терещенко утверждала, что в самодийских языках части речи, имеющие наибольшее сходство грамматических признаков (существительные, глаголы, числительные и местоимения), относятся к числу наиболее древних, а части речи, обнаруживающие глубокие различия (прилагательные, наречия, служебные слова), — к числу более поздних.

Более специальный характер носили доклады: Ю. Ю. Авалани, Л. И. Ройзензона, А. М. Лягтина и Ой (Самарканд) «Могут ли быть частями речи словесные комплексы?»; А. М. Дырulla (Кишинева) «К вопросу о соотношении предлога и наречия (на материале

молдавского языка); Ф. С. Котельника (Кишинев) «Переход имен прилагательных в категорию наречия (на материале молдавского языка)»; Р. К. Кунгурова, А. Н. Тихонова (Самарканд) «Изобразительные слова как самостоятельная часть речи»; Н. М. Печекa (Кишинев) «Грамматический класс местоименных слов как часть речи»; Т. И. Солянской (Ленинград) «Детерминатив как часть речи во французском языке»; Е. С. Смушкевича (Магнитогорск) «Модальные слова как часть речи (на

материале современного английского языка)»; Т. Х. Ходжаева, Р. К. Кунгурова (Самарканд) «О дифференциальных признаках прилагательных в тюркских языках».

Многие выступившие в прениях (а их было более 20) представили на обсуждение развернутые сообщения о собственных изысканиях в области теории частей речи. Материалы конференции намечено опубликовать.

С. А. Шубик (Ленинград)

*

Состоявшееся 23 декабря 1965 г. в Ленинграде очередное годовое заседание Научного совета по проблеме «Теория советского языкознания» было посвящено отчету о работе Совета в 1965 г. Вместе с тем оно фактически подвело общие итоги деятельности Совета со времени его создания в сентябре 1961 г. Научный совет был образован при ОЛЯ АН СССР в качестве органа, призванного направлять и координировать усилия всего коллектива советских языковедов в области теоретических исследований, составлявших еще в недавний период один из отстающих участков нашего языкознания. На заседании, в работе которого приняли участие как члены Совета, так и представители целого ряда лингвистических учреждений Ленинграда (ЛЮ Ин-та языкознания АН СССР, ЛГУ, пед. ин-та им. Герцена, Политехнического института и т. д.), Москвы, Тбилиси и ряда других научных центров Союза, был прослушан отчетный доклад председателя Совета чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунского, вызвавший оживленный обмен мнениями.

За четыре года Научный совет провел значительную работу. В настоящее время он шефствует примерно над восемьюдесятью темами, значащимися в проблемно-тематических планах различных институтов АН СССР, республиканских АН и, отчасти, Министерства высшего образования и сконцентрированных вокруг следующих основных проблем: а) общие вопросы теории и методологии языкознания, б) язык и мышление, в) язык как система, г) сравнительно-историческое изучение языков, д) типологическое изучение языков, е) проблемы прикладного языкознания. Научный совет принимает постоянное участие в рассмотрении на уровне как бюро ОЛЯ АН СССР, так и РИСО Президиума АН СССР планов редакционной подготовки и выпуска изданий лингвистических учреждений страны по языкознанию. В 1965 г. члены Совета провели также значительную работу по выработке перспективного плана научно-исследовательских работ на пятилетие 1966—1970 гг.

В настоящее время уже не приходится говорить о застое в советском теоретическом языкознании. За последнее время к проблемам лингвистической теории у нас сложился необычайно широкий интерес, о котором ярко свидетельствует, в частности, растущая активность со стороны лингвистических учреждений на местах, организовавших в 1964—1965 гг. ряд важных конференций теоретического характера (конференция «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследие Е. Д. Поливанова» в Самарканде, конференция украинских языковедов по вопросам методологии языкознания в Киеве, конференция по проблеме «Язык и общество» в Саратове и др.).

Среди различных научно-организационных мероприятий Совета следует отметить прежде всего его участие в проведении широкой дискуссии по проблеме соотношения языка и мышления (Москва, 1965 г.), организованной Секцией общественных наук АН СССР, в которой приняли участие как языковеды, так и представители смежных научных специальностей (философы, психологи, логики, физиологи и др.), а также организацию Советом совместно с Ин-том языкознания целой серии конференций по проблеме структуры слова в языках разной типологии (Ленинград, 1960, 1963, 1965 гг.). В декабре 1964 г. Научный совет провел конференцию по проблеме «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», материалы которой в настоящее время подготовлены к печати. Совет примет участие во всесоюзной конференции по проблеме «Язык и общество», организуемой в III—IV кварталах 1966 г. Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». В текущем году Научный совет примет также участие в организации и проведении советско-чехословацкого симпозиума по теории языкознания.

В целях активизации теоретико-лингвистической работы на местах Совет направлял свои выездные группы в такие

языковедческие центры страны, как Ташкент, Баку, Фрунзе, Алма-Ата и др. Наиболее значительной из них явилась встреча, состоявшаяся осенью 1962 г. в Тбилиси, которая положила начало более тесным научным контактам между языковедами Москвы, Ленинграда и Тбилиси. В 1965 г. состоялась поездка члена Совета В. Н. Ярцевой в Чехословакию с целью установления научных связей с чехословацкими лингвистами по линии разработки теоретических проблем.

В области издательской работы Научного совета следует прежде всего указать на регулярную публикацию начиная с 1963 г. специальной серии брошюр под общим названием «Вопросы теории языкознания». К настоящему времени издано шесть брошюр, в том числе опубликованные в отчетном году работы Р. А. Будагова «Проблемы развития языка» и С. Д. Кацнельсона «Содержание слова, значение и обозначение». В 1966 г. выйдут в свет брошюры О. П. Суника «Общая теория частей речи» и И. М. Тронского «Общиневропейское языковое состояние», готовятся к изданию «Массовая коммуникация и наука о языке» Н. И. Конрада, «О соотношении между сравнительно-историческим языкознанием и структурным описанием языков» Вяч. Вс. Иванова, «Психолингвистика (история, предмет, методы)» А. А. Леонтьева, «О структуре и системе языка» Г. С. Щура, «Грамматическая форма и грамматическое значение» Ю. С. Маслова и др. В 1964 г. Советом был опубликован теоретический сборник «Вопросы общего языкознания», распределенный между лингвистическими учреждениями и библиотеками страны.

В качестве недостатка в работе Научного совета В. М. Жирмунский отметил обстоятельство, что план научно-исследовательских работ университетов и вузов по-прежнему утверждается без участия Совета, что не позволяет координировать ведущие в них исследования.

В прениях, состоявшихся по отчетному докладу, выступили Н. Д. Андреев, М. М. Гухман, А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон, И. В. Кодухов, А. Н. Савченко, В. М. Солнцев, О. П. Суник, Н. И. Толстой, А. С. Чикобава, С. К. Шаумян, В. Н. Ярцева. Все выступившие отметили значительную работу, проведенную Советом по стимулированию теоретико-лингвистических исследований в стране. Во многих выступлениях подчеркивалось, что в настоящее время имеются все необходимые условия для развития разных школ и направлений в советском языкознании при принципиальном единстве их общетеоретических позиций. Вместе с тем была признана необходимость творческого сотрудничества всех советских языковедов независимо от их принадлежности к тем

или иным лингвистическим направлениям. Вслед за В. М. Жирмунским члены Совета говорили о том, что нет никаких оснований видеть в нашем теоретическом языкознании застой. В целом ряде высказываний нашла отклик и мысль докладчика о том, что погоня за большим числом конференций, дискуссий и т. п. организационных мероприятий нередко отрывает большие коллективы языковедов от их повседневной конкретной исследовательской работы. Вместе с тем в выступлениях отмечалась необходимость перехода от слишком общих и поэтому малоэффективных дискуссий к творческому обсуждению более частных лингвистических проблем теоретического характера. Среди последних А. В. Десницкой были названы проблемы социологии языка, лингвистической географии и диалектологии. В выступлении Н. И. Толстого, также призывавшего к обсуждению конкретной теоретической проблематики, отразилось беспокойство за состояние у нас таких отраслей науки, как диалектология, экспериментальная фонетика, публикация памятников. М. М. Гухман высказалась за более продуманный подход к тематике обсуждений (в частности, по ее мнению, вопрос о соотношении так называемых «старых» и «новых» методов в настоящее время не составляет проблемы). Вместе с тем она подчеркнула очень тяжелое положение нашей лингвистической периодики, представленной единственным общетеоретическим журналом. А. С. Чикобава отметил, что при наличии теоретических расхождений между различными лингвистическими школами необходимо уважать взгляды инакомыслящих. Он высказал удовлетворение деловой атмосферой обсуждений на заседаниях Совета. На важности строгого соблюдения законов научной полемики, а также необходимости создания специального журнала по структурной и математической лингвистике остановился С. К. Шаумян. Н. Д. Андреев подчеркнул факт успешного развития у нас работ по математической лингвистике. Важности методологического единства между различными направлениями советского языкознания было посвящено выступление О. П. Суника. Некоторых недостатков нашего теоретического языкознания коснулся С. Д. Кацнельсон. В. М. Солнцев рассказал о большом интересе советских востоковедов к теоретико-лингвистической проблематике и призвал Совет оказывать им постоянную поддержку. Представители высших учебных заведений А. Н. Савченко и В. И. Кодухов высказали свои соображения относительно укрепления связей Научного совета с университетами и вузами страны.

В конце обсуждения с кратким информационным сообщением о связях, установленных с чехословацкими представителями теоретического языкознания, вы-

ступила побывавшая в 1965 г. в Чехословакии член Совета В. Н. Ярцева.

В своем заключительном слове В. М. Жирмунский подвел общие итоги

обсуждения деятельности Научного совета, которая была одобрена присутствующими.

Г. А. Климов (Москва)

*

С 22 по 25 декабря 1965 г. в Москве при 1-м МГПИИЯ состоялась научная конференция на тему «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка». Конференция носила характер межвузовской. На двух пленарных заседаниях и шести секциях в течение четырех дней было прослушано более 120 докладов и сообщений.

Тематика докладов первого пленарного заседания была разнообразной, но в основном это были важные, узловые вопросы общей теории современного языкознания. В докладе «Соотношение линейности и иерархии единиц структуры предложения» Г. В. Колшанский (Москва) предложил снять признак линейного расположения элементов как синтаксический фактор и признать за предложением только фактор иерархии отношения членов, что и составит ядро синтаксической теории. Свой доклад «Соотношение грамматических и лексических значений» М. Д. Степанова (Москва) посвятила мало изученным и нерешенным сторонам проблемы значения, общим чертам и существенным различиям лексического и грамматического значений. Докладчик указала на необходимость различать синтагматическое и парадигматическое значения знака.

Т. П. Ломтев (Москва) в докладе «Структура предикатных предметов как содержание предложения» изложил свою концепцию предиката предложения как всего высказываемого, а не его части. В соответствии с этим предложение определяется как имя, имеющее некоторый предмет — предикат. А синтаксическую структуру можно описать в понятиях объектов — предикатов и их имен, предикатных предметов и их имен, и их позиций. И. П. Иванова (Ленинград) в докладе «О характеристике сложного слова» высказала мысль, что в теоретическом плане описание свойств сложного слова более существенно, чем поиски критерия для ограничения спорных случаев. Л. С. Бархударов (Москва) в докладе «О симметрии грамматических систем» проиллюстрировал на материале грамматических категорий глагола в английском и французском языках положение, что в целом для грамматических систем и подсистем характерна симметричность строения, одним из проявлений которой является бинарность оппозиций.

Б. М. Задорожный (Львов) рассмотрел в своем докладе «Вопросы связи синхронного и диахронного методов при изучении истории языка» некоторые важные случаи фонологической обусловлен-

ности качественных изменений фонем. Вопросам фонологии был посвящен доклад Н. А. Катагощиной (Москва) «Проблема структурного сходства на уровне фонологии».

Основными проблемами, над которыми работала секция «Проблемы грамматической семантики», были проблемы системности, проблемы синонимии и омонимии в морфологии и синтаксисе. Е. В. Гулыга (Москва) в докладе «Есть ли омонимия в синтаксисе?» затронула вопросы о синтаксическом значении предложения, об определении омонимии и ее отграничении от полисемии и многофункциональности, о факторах, снимающих синтаксическую омонимию. Докладчик пришла к выводу, что чем выше уровень, тем больше факторов, снимающих омонимию.

Были прослушаны также следующие доклады: И. А. Наумовой (Москва) «Применение трансформационного метода для установления омонимии на синтаксическом уровне», В. Е. Щетинкина (Орел) «О морфологических вариантах во французском языке», Е. Т. Лукк (Ашхабад) «О синтаксической синонимии», З. Д. Поповой (Воронеж) «Синтаксические варианты и их равнозначность», Е. Я. Гаршиной (Москва) «О грамматических синонимах французского императива», В. И. Кокла (Пятигорск) «О некоторых видах синтаксической синонимии в современном английском языке», Н. И. Егорова (Кутаиси) «Синонимические ряды глаголов со сложной основой в современном немецком языке и вопросы дистрибуции», Т. Е. Подольской (Москва) «О специфике синонимии глагола в немецком языке», Р. С. Ройзенберг (Рязань) «Распознавание некоторых омонимов, выступающих в одинаковой синтаксической функции в современном английском языке».

С докладом «Особенность морфемного членения некоторых многочисленных производных основ» выступил Г. С. Чинчлей (Кишинев), охарактеризовавший отношение между корнем и аффиксами как отношение грамматико-смыслового восполнения. Грамматике сочетания смыслов был посвящен доклад В. А. Москвича (Москва). С докладом о принципах выделения грамматических единиц выступил Б. С. Хаймович (Харьков). Б. М. Балин (Калинин) выступил с докладом «Лингвистические и экстралингвистические составляющие аспектологического контекста германских языков».

В ряде докладов освещалась проблема грамматической категории. Д. А. Штедлинг (Москва) в докладе «О семантике бинарных оппозиций» указал на актуальность изучения грамматических оппозиций, составляющих ядро грамматических категорий, как оппозиций бинарных, обнаруживаемых на всех уровнях грамматической структуры. С докладом «О принципах выделения дифференциальных признаков на морфологическом уровне» выступила И. Б. Хлебникова (Москва). Докладчик выделяет морфосемы как единицы плана содержания грамматических форм, оппозиции которых и составляют сущность грамматических категорий. Анализ этих оппозиций является, по мнению автора, способом формализации грамматической семантики. Проблема грамматической категории была темой доклада Л. С. Лимарь (Москва). С сообщениями на секции выступили также Н. К. Мирхайдарова (Ташкент), И. В. Витторов (Челябинск), Х. М. Гойдо (Челябинск), В. П. Поляков (Ташкент), Л. Ф. Пешкова (Пятигорск), Ф. С. Рудных (Орел) «О категории оцуженности и неодушевленности в немецком языке», А. А. Хадеева-Быкова (Ярославль) «Функционально-семантическое поле как единица языка», Э. Х. Есеева (Орджоникидзе) «Грамматикализованные словосочетания, выражающие модальность чужого высказывания».

На секции «Проблемы методов исследования» было прослушано десять докладов и четыре сообщения, в которых обсуждались возможности применения статистического, дистрибутивного и трансформационного методов в лингвистических исследованиях, а также проблемы валентности частей речи.

Заседание секции открыл А. Я. Шапкевич (Москва), выступив с докладом «Грамматика и статистика». Докладчик остановился на возможностях рассмотрения речи в целях статистического исследования, отметил, что статистика может стать одним из главных инструментов формального описания языка без обращения к значению. Статистическому моделированию научно-технических текстов был посвящен совместный доклад П. М. Алексеева (Ленинград), М. В. Данейко, О. А. Нехай, В. А. Соркиной (Минск), А. В. Столбовой (Бельцы). С докладом «Дистрибуция глагольных морфем» выступили В. В. Мартынов, П. П. Шуба, М. И. Ярмош (Минск). О валентности переходных и непереходных глаголов говорил в своем докладе В. В. Богданов (Ленинград). С докладами о результатах применения дистрибутивного, статистического и трансформационного методов к словосочетаниям выступили Н. Н. Матвеева (Ленинград),

Л. Г. Маршинина (Свердловск), Л. Н. Родова (Москва), Т. А. Растиоргуева (Москва).

По докладам развернулись прения о целесообразности применения статистических методов. Выступали М. А. Баллабан (Запорожье) и Е. Н. Риттер (Алма-Ата). Выступавший в прениях Г. С. Клычков (Москва) подчеркнул, что основной вопрос применения статистических методов — возможность через статистику задать структурное описание языка. О необходимости различения синтаксического и парадигматического методов исследования выступил Г. Г. Сильницкий (Смоленск). Наряду с синтагматическими и парадигматическими отношениями, докладчик устанавливает еще один тип языковых отношений — конъюнкцию. С докладом «Статистические наблюдения над синтаксическим употреблением артикля в английской научной прозе» выступила М. Г. Ударцева (Петрозаводск). Использование статистического метода при определении изменений в грамматическом строе языка (на примере анализа существительного) было темой сообщения Л. А. Турыгиной (Ленинград).

С сообщением о позиционной активной сочетаемости существительных в современном немецком языке выступил Л. Н. Ярв (Житомир). Раскрытию одного из способов понимания трансформации было посвящено сообщение И. Б. Фиталовой (Ленинград). Автор различает три типа трансформации в предложении: синтаксическую, линейную и семантическую. С сообщением «Функциональная характеристика производных слов аппликативной порождающей модели С. К. Шаумяна» выступила Е. В. Глейбман (Ленинград).

В 15 докладах и восьми сообщениях, прослушанных на заседании секции «Проблемы соотношения языковых уровней», обсуждались в основном четыре проблемы: соотношение лексического и грамматического уровней, соотношение фонологического и грамматического уровней, парадигматика и синтагматика, разграничение синтаксических и стилистических единиц.

В докладе «К проблеме лексического ареала грамматических явлений» Е. С. Шубин (Ленинград) предложил разграничивать единицы лексики и грамматики, учитывая реализацию грамматических категорий на конкретном лексическом материале. Эта же проблема связи между грамматикой и лексикой была предметом обсуждения доклада Е. М. Гордон (Москва) «К проблеме связей грамматики и лексики (на материале английского языка)», где были указаны различные факторы, обуславливающие широту той или иной категориальной формы. С докладом на тему «Влияние семантики глагола и его лексического окружения

на значение временных форм глагола» выступила Т. Я. Г о л ь д е н б е р г (Москва), исследовавшая характеристику глагола во французском языке с точки зрения предельности и неопределенности. Л. М. У м а н (Орел) в своем сообщении указала на условия, в которых грамматическая категория залога во французском языке может служить в качестве средства для различия «данного» и «нового» в речи. Сообщение на тему «Значение категории отрицания в связи с коммуникативным членением предложения (на материале французского языка)» сделал Л. М. М и н к и н (Самарканд).

Выступая в прениях, Е. Б. Ч е р к а с к а я (Москва) отметила необходимость более детального изучения закономерностей, сопряженных с распределением определенного лексического материала в соответствии с категориальными грамматическими формами.

В докладе Е. Б. Р о й з е н б л и т (Москва) «Природа парадигматических отношений» были подвергнуты анализу методология и конкретные приемы формализации парадигматических отношений, предложена иерархическая модель, отражающая особенности парадигматики языковой системы. Данные о распределении информации в словоформах английского языка привела в своем докладе «О теоретико-информационной структуре словоформ в английском языке» Г. П. Б о р а б л е в а (Ленинград), опираясь на факт асимметрии грамматического и смыслового членения предложения, наметила основные типы соотношения основы и ядра высказывания для дву- и односоставных предложений.

С докладом «О соотношении фонологического и морфологического уровней» выступил Р. Р. К а с п р а н с к и й (Горький), который продемонстрировал взаимодействие этих двух уровней языковой системы в морфеме. Были также заслушаны сообщения М. И. У л а н о в с к о г о (Рязань) «О методологии исследования выделенной языковой единицы (на материале французского языка)» и Г. Г. П о ч е п ц о в а (Киев). «Уровни в структуре предложения и типы синтаксических единиц».

К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я (Москва) выступила с докладом «О разграничении синтаксических и стилистических значений», О. А. Н о р к (Москва), выступая в прениях по этому докладу, остановилась на роли интонационных структур при выражении категории коммуникативного задания.

Доклад на тему «Взаимопересечение различных уровней языка в семантике грамматических категорий» сделала С. И. К а н о н и ч (Москва). Оживленная дискуссия развернулась вокруг доклада Л. С. Е р м о л а е в о й (Москва) «О взаимодействии единиц различных

уровней языка при выражении категории модальности». Выступившие затем в прениях Е. А. К р а ш е н и н и к о в а (Москва) и А. И. Р у ф ь е в а (Москва) изложили свои точки зрения на инфинитив II в немецком языке как средство выражения модальности. «Некоторые особенности взаимодействия модальных слов с временными формами изъявительного наклонения» были темой доклада И. П х а к а д з е (Тбилиси).

На проблеме семантико-интонационного анализа предикативного определения в немецком языке с целью исследования соотношения грамматики и фонетики в языковой системе остановилась в своем сообщении Л. М. К р а м а р о в а (Киев). Л. Т. В ы г о н н а я (Минск) сделала попытку классифицировать комбинаторные взаимовлияния звуков («сандхи»), которые могут служить формальным показателем границы между отдельными участками звуковой цепи. Свои наблюдения о взаимозависимости между фонетической и морфологической структурой слова (на материале архаической и классической латыни) изложила Т. А. К а р а с е в а - Ш м а к о в а (Москва).

Темой доклада Н. А. С л ю с а р е в о й (Москва) был универсализм синтаксических единиц. Дав подробную характеристику универсализму XX в. вообще, докладчик затем проиллюстрировала возможности применения теории универсализма к модели порождения предложений трансформационной грамматики. Ю. М. С к р е б н е в (Уфа) предложил исследовать единицы коммуникативного синтаксиса с функциональной точки зрения. Определение элементарной синтаксической единицы как наименьшего языкового элемента, способного составить законченное высказывание и вступать в синтаксические связи с другими элементами высказывания, было дано в докладе Э. Р. А т а я н а (Ереван).

Вопрос изучения межфразовых синтаксических связей в тексте в целях их формализации для нужд машинного перевода и прикладной лингвистики осветил на конференции Л. А. Г о л у б е в (Ленинград). Было также прослушано сообщение В. Я. М ы р к и н а (Архангельск) «Некоторые вопросы идентификации морфемы».

На секции «Проблемы типологического и диахронного исследования» было прослушано восемь докладов и семь сообщений, в которых обсуждались проблемы взаимоотношения синхронии и диахронии, сопоставления грамматических категорий родственных языков, методика сопоставительного изучения близкородственных языков, а также проблема двуязычия и взаимоотношения между диалектами. Были прослушаны доклады М. Я. Б л о х а (Москва) «Грамматическая синхрония и история языка», В. П. К о н е ц к о й

(Москва) «Применение синхронного метода при изучении истории языка» и доклады Л. М. Скрябиной (Минск), Б. Г. Колкера (Бирск), Е. М. Шерстовой (Орел), В. М. Аврамова (Москва), коллективный доклад Г. В. Ейгера, Б. С. Хаймовича, Б. И. Роговской, В. Л. Юхта (Харьков).

Сообщения сделали также С. В. Воронин (Ленинград), В. П. Титова (Москва), Е. М. Вольф (Москва), М. М. Нушаров (Самарканд), С. Г. Ахметова (Алма-Ата) и коллектив авторов — Э. П. Волосова, С. И. Калябина, И. С. Кесельман, А. М. Кокин, Ф. А. Литвин, Г. С. Токмакова, Е. М. Шерстова, А. М. Уман (Орел).

Дискуссия развернулась по докладу Е. М. Верещагина (Москва) «Использование грамматических конструкций в условиях активного билингвизма». Выступавшая в прениях Л. И. Баранникова (Саратов) указала на актуальность проблемы двуязычия, особенно в условиях многонациональности народов Советского Союза. С синхронической точки зрения к классификации грамматических различий между британским и американским вариантами английского языка подходит в своем сообщении А. Д. Швейцер (Москва).

Основная проблема десяти докладов и пяти сообщений, прослушанных на секции «Проблемы синтаксических структур и моделирования», — синхронный анализ предложения с применением современных методов исследования: трансформации, субституции, анализа по НС. В большинстве докладов термин «модель» употреблялся со значением стабильной структуры, наполняемой различным лексическим содержанием. Об эффективности функциональной модели языка по сравнению со структурной говорил в своем докладе «Структурное и функциональное моделирование при изучении языка» М. А. Бабан.

В докладе «Свойство линейной неразрывности структурных групп членов приближения» И. Б. Фитилова указывает на свойство проективности/непроективности как на одно из важнейших свойств синтаксических структур. С. А. Венгерова (Москва) в своем докладе рассматривает факторы, определяющие синтаксические функции причастных оборотов в английском языке. Проблеме грамматического идиоматизма, грамматико-идиоматических моделей и их регистрации в словарях был посвящен доклад Г. И. Богина (Уфа) «Отражение грамматических идиоматизмов в дифференцированных словарях». В. Ф. Егоров

(Калуга) рассматривал в своем докладе процессы автоматизации и редукции как лингвистические явления, способствующие переходу единиц речи в норму и образованию новых моделей языка. Проблеме инвариантности на уровне предложения были посвящены доклады В. С. Юрченко (Саратов) и О. М. Барсовой (Москва). О зависимости структуры глагольных сочетаний от валентных свойств глагола говорил в докладе В. В. Бурлаковой (Ленинград). Функциональную интерпретацию содержания синтаксических элементов дает Е. В. Бреус (Москва) в докладе «Опыт синтаксического анализа элементов в позиции прямого дополнения». С сообщениями на секции выступали И. А. Литарникова (Хабаровск), Г. А. Цыхун (Минск) и П. Ф. Монахов (Калуга).

Основная проблематика секции «Проблемы стилистической грамматики»: соотношение грамматического и синтаксического уровней; изменения, произошедшие в грамматическом строе современных языков и закономерности, лежащие в основе этих изменений. Были прослушаны доклады Э. Г. Ризель (Москва), Б. С. Кандинского (Москва), В. Е. Ярнатовской (Горький), Т. Б. Алисовой (Москва), В. А. Кухаренко (Одесса), Е. И. Шендельс (Москва), А. Л. Василевского и А. П. Шапкина (Москва), Н. В. Кравчука (Минск). С сообщениями выступили также Е. А. Островская и Л. М. Фридберг (Ташкент).

На заключительном пленарном заседании выступили с докладами В. Н. Ярцева (Москва) «Роль лексики в синхронном грамматическом исследовании», Р. Г. Пиотровский (Ленинград), К. Ф. Лукьянчиков (Минск), Э. Н. Хотяшов (Минск) и А. И. Чапля (Махачкала) представили доклад «Стилистическое исследование лексики и грамматики текста с помощью электронно-вычислительной машины», где освещаются пути получения статистико-грамматической информации. О соотносительности уровней и планов языка говорил в своем докладе В. В. Мартынов (Минск). Автор устанавливает универсальность двух уровней для системы любого языка: уровень знаков (номе) и уровень фигур (фонем), и двух планов — парадигматического и синтагматического.

Д. А. Салькова, К. Х. Рекош, Б. Н. Иванов, Т. Н. Дренясова, Н. П. Пешкова

(Москва)

*

В январе 1966 г. в Ярославском пед. ин-те им. К. Д. Ушинского проходила вторая межвузовская конференция лингвистов, работающих над изучением языка Н. А. Некрасова. На конференции приняли участие языковеды Казанского, Киевского, Латвийского, Петрозаводского, Тбилисского, Черновицкого университетов, Ин-та языкознания АН Груз. ССР, Горьковского, Костромского, Луцкого, Марийского, Ярославского и некоторых других пед. ин-тов.

На конференции был прослушан ряд докладов: Л. И. Шабалиной (Тбилиси) «Общественно-политическая лексика как средство отрицательной оценки в сатире Н. А. Некрасова», В. И. Андрусенко (Йошкар-Ола) «Глагольная синонимика и ее стилистические функции в языке Н. А. Некрасова», Г. Н. Кандратьевой (Казань) «Однокоренные повторы как стилистическое средство в поэзии Н. А. Некрасова», Н. А. Семёнова (Киев) «Общепотребительная лексика в прозе Н. А. Некрасова как основной фонд художественного описания», З. В. Николова (Черновцы) «Перифраза в поэтических произведениях Н. А. Некрасова», Г. Г. Мельниченко (Ярославль) «Из наблюдений над языком поэмы Н. А. Некрасова „Мороз, красный нос“», Е. Ф. Теплова (Петрозаводск) «Словообразование и стилистические функции фамилий в произведениях Н. А. Некрасова» и «Приемы образования личных собственных имен со значением оценки в произведениях Н. А. Некрасова», Т. А. Белинской (Тбилиси) «Не в поэзии Н. А. Некрасова», Л. Д. Филимоновой (Ярославль) «Однородные сказуемые в поэме Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“», А. С. Му-

зыченко (Луцк) «Ударение в склонении имен существительных женского рода на -а, -я в поэтическом языке Н. А. Некрасова», Н. В. Терентьевой (Рига) «Вокализм ударенного слога в стихотворных произведениях Н. А. Некрасова», Н. П. Раздоровой (Рига) «Некоторые особенности орфоэпии в поэзии Н. А. Некрасова».

В ряде докладов и сообщений участников конференции нашла отражение работа над составлением различных типов словарей по произведениям Н. А. Некрасова: Г. Г. Мельниченко «О принципах составления синонимического словаря по произведениям Н. А. Некрасова», В. А. Паршиной (Ярославль) «Принципы составления словаря предложно-падежных синонимических сочетаний по творчеству одного писателя (Н. А. Некрасов)». Е. Ф. Теплов (Петрозаводск) выступил с информационным сообщением о проспекте словаря непонятных для учащихся слов в произведениях Н. А. Некрасова, изучаемых в школе.

Конференция признала актуальным выполнение таких работ, как: 1) словарь языка Н. А. Некрасова (толковый); 2) синонимический словарь по всему творчеству Н. А. Некрасова; 3) синонимические словари, составленные по отдельным значительным по объему произведениям или по циклам небольших произведений Н. А. Некрасова; 4) словарь непонятных для учащихся слов в произведениях Н. А. Некрасова, изучаемых в школе. Конференция признала также необходимость более широкого и интенсивного изучения произведений Н. А. Некрасова в стилистическом плане.

А. М. Мелерович (Ярославль)

*

Опубликованный отчет III Международного конгресса живой латыни, состоявшегося в Страсбурге 2—4 сентября 1963 г.⁴, дополняет данные ранее реферированных нами отчетов авиньонского и лионского конгрессов⁵. Как показывает значительно возросшее число участников — 254 на третьем конгрессе, против 151 на первом и 158 на втором, движение «живой латыни» за семь лет получило дальнейшее развитие. Вместе с тем отчет позволяет обнаружить и некоторую эволюцию во внутреннем содержании этого движения. Хотя в центре внимания конгресса остается проблема использования латинского языка в качестве международного языка науки, наряду с этим в большей степени,

чем на двух предыдущих конгрессах, выдвигается образовательное значение латинского языка, основанное, с одной стороны, на его формальных чертах, с другой — на его выдающейся роли в истории европейской культуры от античной эпохи до настоящего времени. Эта особенность конгресса отразилась уже в самой тематике сделанных на нем основных докладов.

Проф. ботаники Реннского университета А. Дезабэ в докладе «Латинский язык и научное общение» дает общую оценку положения латинского языка в области ботанических научных публикаций. В докладе указывается, в частности, что из восьми томов всемирной флоры «Das Pflanzenreich»¹ четыре написаны почти полностью на латинском языке. Важным фактором развития живой латыни являются систематически публикуемые в журнале «Vita latina» популярные

⁴ См.: «3-me congrès international pour le latin vivant. Strasbourg, du 2 au 4 septembre, 1963», Avignon, 1964.

⁵ См.: ВЯ, 1962, 4.

статьи на различные научные темы. Вместе с тем, по мнению докладчика, необходимо неустойчиво добиваться от редакций научных журналов обязательного помещения латинских резюме для всех публикуемых ими работ; отстаивать сохранение удовлетворительного уровня классического образования в средней школе и пропагандировать изучение латинского языка, используя для этого печать, радио и телевидение.

Второй из четырех основных докладов (*rapports de base*), «О новых методах преподавания языков», сделал проф. Г. Б и ч (Тринити Колледж, Хартфорд, США). Доклад явился развитием и конкретизацией тех соображений о применении в преподавании латинского языка так называемого натурального метода и вспомогательной аудитивной аппаратуры, которые были высказаны докладчиком на авиньонском конгрессе⁶. Интересное дополнение к этому докладу сделал П. К а й о н, рассказавший об успешном опыте преподавания латинского языка детям шестилетнего возраста в школе Монте-сори (Ренн).

Третий и четвертый основные доклады близко сопрягаются по теме; они посвящены вопросу о латинских текстах, используемых в курсе латинского языка, и их образовательном значении.

Проф. Павийского университета Э. М а л ь к о в а т и в снабженном превосходно прокомментированной библиографией докладе, озаглавленном «Латинское чтение», наметила такой подбор текстов, который всесторонне освещает культурно-историческое значение латинского языка (особенную ценность здесь представляет раздел, относящийся к средним векам и к новому времени) и самым непосредственным образом подводит к живому представлению о подлинно живой латыни — живой вплоть до нынешнего дня.

Другую сторону изучения латинских текстов как элемента гуманитарного образования выдвинул проф. Фрейбургского университета К. Б ю х н е р в докладе «О формирующей силе (*Formkraft*) латинских текстов». Формальная образовательная сила латинских текстов заключается в открываемой ими возможности постижения внутренних закономерностей языка в его развитии, а необходимое условие такого постижения составляет, как указывала уже античная риторическая теория, «всеобъемлющее чтение» (*plurima lectio*). Пишущий по-латыни не может довольствоваться простым подражанием тому или иному из классиков, а должен, черпая материал из всей доступной ему совокупности источников, подвигнуть его творческой обработке для создания средств выражения, необходимых в силу специфики трактуемого пред-

мета; он должен, таким образом, насколько это возможно, превратиться в подлинного «латинского автора» (*auctor latinitatis*).

Впервые понял это Эразм, который в своем «Цицеронианце» дал и теоретическое обоснование такого отношения к литературному наследию античности и блестящий образец безупречно латинской и в то же время стилистически индивидуально окрашенной эразмовской прозы. Развиваясь в этом направлении, живая латынь может превратиться в незаменимое орудие общения и взаимопонимания между народами.

Особый лингвистический интерес представляет выступление директора Института применения автоматки в лингвистическом исследовании (*Centro automazione analisi linguistica*) Д. Б у с а, который сообщил о ведущейся этим учреждением (Галларате близ Милана) большой работе по исследованию и систематизации лексики новолатинской научной литературы. К концу 1965 г. намечено завершить составление всеобщего индекса, охватывающего все сочинения Фомы Аквинского, а также все сочинения, которые были им комментированы, общим объемом около 15 000 000 слов; при этом каждое слово должно быть показано во всех разновидностях его употребления, поясненных контекстом средним объемом в сто печатных знаков. В перспективе продолжения этой лексикографической работы докладчик поставил задачу составления исторического словаря научной латыни от XIII до XIX вв. включительно, без чего, по его мнению, невозможно создание исторического словаря ни одного из новых европейских языков.

В своих решениях конгресс подтвердил решения авиньонского и страсбургского конгрессов. Призвано также необходимым: 1) создать международную комиссию для выработки латинских терминов, выражающих понятия, для которых нет непосредственного соответствия в лексике латинского языка классической эпохи; привлечь к участию в этой работе научные организации отдельных стран, которые должны учесть, помимо стоящих перед ней практических задач, ее большой научный интерес; 2) учредить международную серию книг «Латинские чтения», включая в нее тексты как из античной и средневековой литературы, так и из латинской литературы нового времени. Эти книги должны быть легко доступны для понимания и содержать примечания, уясняющие своеобразие каждого текста как продукта своего времени; 3) рекомендовать в преподавании латинского языка широкое применение аудио-визуальных пособий и соответствующей методики, которая должна облегчить учащимся активное овладение латинской речью; 4) периодически проводить в различных странах, в международном порядке, кур-

⁶ См.: ВЯ, 1962, 4.

сы латинского разговорного языка и латинской культуры; 5) дать в распоряжение учащихся сжатый свод основных правил латинского синтаксиса и поощрять

применение прямого метода в преподавании латинского языка начиная с младших классов средней школы.

Я. М. Боровский (Ленинград)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ

1966 г.: 1) V Конгресс Международной федерации переводчиков (Лахти, Финляндия, 7—14 августа); 2) X Конгресс Международной федерации современных языков и литератур (Страсбург, 29 августа — 3 сентября); 3) XII Международный конгресс по изучению византийской культуры (Оксфорд, 4—10 сентября); 4) VI Международный коллоквиум по лузо-бразильской культуре [Кембридж (Масс.) 7—10 сентября]; 5) I Конгресс по изучению балканских языков и культур, организуемый Международной ассоциацией по изучению культуры юго-восточной Европы (София, сентябрь).

1967 г.: 1) Международный конгресс по изучению языков банту (Браззавиль,

июль); 2) XI Конгресс австралийской ассоциации университетов по изучению языков и литератур (Сидней, август); 3) I Международный конгресс по изучению микенской культуры (Рим, сентябрь); 4) XXVIII Международный конгресс ориенталистов (США); 5) X Международный конгресс лингвистов (Бухарест).

1968 г.: 1) V Международный коллоквиум по изучению микенской культуры (Саламанка, весной); 2) V Конгресс испанских лингвистических академий (Кито, сентябрь); 3) VI Международный конгресс славистов (Прага, сентябрь); 4) VIII Международный конгресс по антропологии и этнографии (Токио).

Б. М. Короткина (Ленинград)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Новости Юнеско. Информационный бюллетень, 4, 5.— 1965.

Ceskoslovenská rusistika. XI, 1.— 1966. 64 стр.

Slavia orientalis. XIV, 4.— 1965. Стр. 383—474.

Studia slavica. XI. 3—4.— 1965. Стр. 195—464.

Zpravodaj místopisné komise CSAV. VI, 4.— 1965. Стр. 185—256.

V. B a r n e t. Vývoj systému participií aktivních v ruštině.— Praha, 1965, 192 стр.

B. C o l l i n d e r. Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung.— Uppsala, 1965 (Отд. отт. из «Acta universitatis Upsaliensis. Nova series»).

E. E i c h l e r. Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ostmitteleutschen.— Bautzen, 1965. 189 стр.

H. L. F i r e s t o n e. Description and classification of Sirionó. A tupí — guaraní language.— The Hague, 1965, 70 стр.

A. G. H a u d r i c o u r t. Le vocabulaire bê de F. M. Savina. LVII.— Paris, 1965. 170 стр.

W. H e i s s i g. Vier Chroniken des 19. Jahrhunderts in Facsimilia mit einer Einleitung und Namensregister («Die Familien — und Kirchengeschichtschreibung der Mongolen. II».— Wiesbaden, 1965, 123 стр.

M. I v i ć. Trends in linguistics.— The Hague, 1965. 260 стр.

W. L e s l a u. An annotated bibliography of the Semitic languages of Ethiopia.— The Hague, 1965, 336 стр.

A. R o s e t t i. Linguistica.— The Hague, 1965. 268 стр.

T. W i t k i w s k i. Die Ortsnamen des Kreises Stralsund.— Berlin, 1965. 271 стр.

M. Z a t o v k a ň u k. Neosobní predikativa a útvary příbuzné, zvláště v ruštině.— Praha, 1965. 118 стр.

CONTENTS

Articles: N. A. Baskakov, N. Z. Gadjieva, L. A. Pokrovskaya, E. V. Sevortian (Moscow). On the preparation of the dialectal atlas of the Turkic languages of the Soviet Union; A. M. Ščerbak (Leningrad) The character of lexical interrelations of Turkic, Mongol and Tungus-Mandchur languages; **Discussions:** E. A. Kreinovič (Leningrad). On incorporation and joining in the nivkh language; A. V. Gladkij (Novosibirsk). On formal methods in linguistics; L. R. Zinder (Leningrad). On new methods in linguistics; **Materials and notes:** N. N. Amosova (Leningrad). The study of phraseology today and some of its perspectives; A. D. Grigorieva (Moscow). On poetical clichés in the end of the XVIII and the beginning of the XIX century; M. V. Rajeviskij (Tula). The origin of the phoneme η and its place in the phonological system of modern German; **From the history of linguistics:** G. R. Tukumtsev. Speech groups; L. V. Ščerba. In memory of A. Meillet; **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: N. A. Baskakov, N. Z. Gadjieva, L. A. Pokrovskaya, E. V. Sevortian (Moscou). Préparation d'atlas dialectal des langues turques de l'Union Soviétique; A. M. Ščerbak (Leningrad). Caractère d'interrelations lexicales des langues turques, mongols et toungous-manchous; **Discussions:** E. A. Kreinovič (Léningrad). Sur l'incorporation et la jonction en nivkh; A. V. Gladkij (Novosibirsk). Sur les méthodes formales en linguistique; L. R. Zinder (Léningrad). Sur les nouvelles méthodes en linguistique; **Matériaux et notices:** N. N. Amosova (Léningrad). L'étude de phraséologie: quelques résultats et perspectives; A. D. Grigorieva (Moscou). Les clichés poétiques au fin du XVIII et au commencement du XIX siècle; M. V. Rajeviskij (Tula). L'origine du phonème (η) et sa place dans le système phonologique de l'allemand moderne; **De l'histoire de la linguistique:** G. R. Tukumtsev. Groupes de discours; L. V. Ščerba. A la mémoire de A. Meillet; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

Технический редактор Л. Д. Мельникова

Т.07430	Подписано к печати 11/V—1966 г.	Тираж 6400 экз.	Зак. 323
Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	Печ. л. 12,6	Бум. л. 4 ^{1/2}	Уч.-изд. листов 14,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*О. С. Азманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), П. С. Кузнецов, Э. А. Макаев,
М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Резвин, Ю. В. Рождественский,
Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции), О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55